

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет
Кафедра политической экономики

НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ

Книга III

**К новому качеству экономического роста
и справедливому распределению благ**

Под редакцией В. Н. Черковца

Москва
2016

УДК 330.5
ББК 65.012.2
Н 35

Национальное богатство и национальный продукт. Книга III.
К новому качеству экономического роста и справедливому распределению благ. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. — 272 с.

ISBN 978-5-906783-22-6

Книга III продолжает публикацию разработок политэкономических проблем воспроизводства национального богатства и различных форм национального продукта проблемной группой «Воспроизводство и национальный экономический рост» кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Книга I (2010 г.) содержала материал об истории разработки и современных трактовках понятий национального богатства и национального продукта в экономической теории, о некоторых результатах анализа реальных экономических процессов, в том числе и преимущественно в России. В книге II концентрировалось внимание на проблеме измерения ВВП, анализировались методологические недостатки международной Системы национальных счетов (СНС), в том числе ее последней модели 2008 г., рассматривались элементы, источники, факторы роста и структуры национального богатства. Книга III акцентирует внимание на социально-экономических проблемах воспроизводства, причинах его неустойчивости и социального неравенства в современной России, обусловленных состоянием общественно-производственных и хозяйственно-институциональных отношений, которые должны вместе с тем подвергнуться модернизации, стать базисным фактором осуществления неоиндустриализации и перехода к новой модели экономической системы страны. В книге ведется дискуссия по вопросам экономической политики государства, о целях, путях и методах дальнейшего продвижения России. Обсуждаются теоретические проблемы оценки национального богатства, соотношения понятий «промышленного» и «делового» циклов.

Рассчитана на всех тех, кому небезразлична судьба страны, кого интересует политическая экономия, будь то политик, рядовой гражданин, научный работник, преподаватель или студент.

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016

НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ

Книга III

**К новому качеству экономического роста
и справедливому распределению благ**

ISBN 978-5-906783-22-6

9 785906 783226

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Введение, глава 2, Вместо заключения — В. Н. Черковец, засл. деятель науки РСФСР, д.э.н., проф., гл.н.с., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 1 — О. С. Сухарев, д.э.н., проф., вед.н.с., Институт экономики РАН; глава 3 — В. М. Кульков, д.э.н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 4 — Р. П. Малахинова, к.э.н., доц., с.н.с., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 5 — Н. К. Водомеров, д.э.н., проф., Курский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; глава 6 — Р. Т. Зяблюк, д.э.н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 7 — В. Д. Руднев, д.э.н., проф., Московский социальный университет; глава 8 — И. М. Теняков, к.э.н., доц., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 9 — А. М. Белянова, к.э.н., доц., с.н.с., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 10 — В. Г. Холодков, к.э.н., доц., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 11 — Г. М. Куманин, д.э.н., проф., вед.н.с., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 12 — Е. В. Красникова; к.э.н., доц., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 13 — А. Е. Лутовинов, к.э.н., с.н.с., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 14 — В. А. Бирюков, к.э.н., доц., с.н.с., МГУ им. М. В. Ломоносова; глава 15 — Р. С. Дзарасов, д.э.н., проф., завкафедрой экономической теории Московского экономического университета им. Г. В. Плеханова; глава 16 — П. А. Покрытан, д.э.н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	Проблемы перехода к новой модели экономической системы России и ренессанс политической экономии	7
Раздел I.	Глобальные тенденции в мировом хозяйстве как общий фон экономического развития России	14
Глава 1.	Экономический рост и структурные сдвиги в мировой экономике	14
	1.1. Структурные изменения	14
	1.2. Догоняющее, опережающее развитие и простейшая модель роста	19
	1.3. Эмпирический анализ экономического роста по странам и регионам мира (основные особенности)	23
Раздел II.	Социально-воспроизводственные аспекты современной российской экономической системы	38
Глава 2.	О природе и причинах экономического застоя в России и необходимости перехода к модели социально ориентированной экономики	38
	2.1. «Диагноз и лечение» российской экономики	38
	2.2. Об альтернативных доктринах выхода из кризиса и продвижения к капитализму в России	43
	2.3. О некоторых новых проектах конвергенции социализма и капитализма	45
	2.4. Необходимость формирования единого народно-хозяйственного комплекса в России	52
	2.5. Роль социального государства, стратегического планирования в формировании единого воспроизводственного комплекса и модели социально ориентированной экономической системы	59
Глава 3.	Собственность на условия и результаты производства в современной экономике России	73
	3.1. Собственность и ее ракурсы (теоретические аспекты)	73
	3.2. Характер социально-экономического присвоения условий и результатов производства в России	76
	3.3. Особенности структуры и содержания форм собственности на условия и результаты производства в России	81
	3.4. Состояние прав собственности в России	85
Глава 4.	К вопросу о формах собственности	88
Глава 5.	Роль основных классов и слоев общества и государства в общенациональном воспроизводстве России в 1990–2013 гг.	97
	5.1. Генезис буржуазии и ее роли в процессе общественного воспроизводства	97

5.2.	Изменение положения, состава и роли рабочего класса в системе общественного воспроизводства.....	102
5.3.	Эволюция мелкой буржуазии и промежуточных слоев общества	109
5.4.	Роль государства в трансформации системы общественного воспроизводства	113
5.5.	Условия и пути повышения социально-экономической эффективности общественного воспроизводства	115
Глава 6.	Распределение ресурсов и национального дохода как условие экономического роста.....	116
6.1.	Общие соотношения производства и распределения. Их специфика в рыночной экономике.....	116
6.2.	Природа российской экономики и особенности ее эволюции	124
6.3.	Экономическая политика как системная целостность.....	129
6.4.	Изменения в распределении — исходный пункт структурно-технологических преобразований экономики России	134
Глава 7.	Земля как национальное богатство	140
7.1.	Земельное богатство и рентные отношения	140
7.2.	Национализация земли советской властью и реставрация абсолютной ренты в современной России	142
7.3.	Нерациональное использование земельных богатств России.....	145
7.4.	Земельный рынок в России	149
7.5.	Воспроизводство возобновляемых природных ресурсов	151
Глава 8.	Ограничения экономического роста в современной России	156
8.1.	Структура и динамика ВВП России в 2009—2014 гг.	156
8.2.	Внешние ограничения экономического роста в России	160
8.3.	Внутренние ограничения экономического роста в России.....	161
8.4.	Экономическая политика в 2010—2013 гг. как фактор экономической стагнации	167
Глава 9.	Стратегическое планирование в реалиях современной России	173
Глава 10.	Ключ к преодолению факторов затухающего экономического развития России	184
Глава 11.	Повышение эффективности государственного и частного секторов — необходимое условие возобновления экономического роста.....	194
Раздел III.	Экономическая политика и социальная справедливость	202
Глава 12.	Социальное неравенство в современной России: масштабы, причины и последствия	202
12.1.	Естественное и социальное неравенство.....	202
12.2.	Становление новой экономической системы как исходная объективная предпосылка формирования имущественного неравенства в современной России.....	208
12.3.	Негативные последствия чрезмерного разрыва в уровне доходов разных слоев населения.....	209

Глава 13. Издержки экономического роста при фиксированной социальной дифференциации	211
13.1. Современные дискуссии о неравенстве	211
13.2. Изменчивая и фиксированная дифференциация (на примере дифференциации внутри класса капиталистов)	212
13.3. Экономическая дифференциация в России	214
13.4. Текущее экономическое положение России	216
Глава 14. Государственный долг: источники покрытия и социальные последствия	217
Раздел IV. Дополнение	224
Глава 15. Как оценивать национальное богатство?	224
Глава 16. К вопросу теории промышленного цикла	235
Вместо послесловия. Кризис российской модели экономической системы как проявление общего кризиса мирового капитализма	250

Введение

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА
К НОВОЙ МОДЕЛИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ
И РЕНЕССАНС
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

Современное состояние российской экономики не может не вызывать тревожные ожидания населения и серьезную озабоченность высшего и регионального руководства экономикой страны и территориальных образований. Небольшое оживление после финансово-экономического кризиса 2008—2010 гг. не перешло, согласно канонам капиталистического цикла, в подъем производства, а сменилось резким замедлением экономического роста в 2013—2014 гг. Темпы роста ВВП и главной отрасли экономики — промышленности в эти годы понизились соответственно до 1,3 и 0,4% в 2013 г. и 0,6 и 1,7% в 2014 г., поставив экономику на грань кризиса, а инвестиции в основной капитал даже перешли эту грань, упав до минус 0,2 и 2,5%, а в первом квартале 2015 г. сократились уже на 6% по отношению к первому кварталу предыдущего года. В целом же ВВП, согласно данным Росстата, как было отмечено в «Коммерсанте» от 18 мая 2015 г. (№ 84) в статье с выразительным ироничным названием «Экономика России сокращается медленно и уверенно», упал по сравнению с тем же периодом 2014 г. в первом квартале 2015 г. на 1,9%. Но в апреле-мае спад усилился, как было указано в «Ведомостях» за 29 июня 2015 г. (№ 115), составив в апреле 4,2% и в мае 4,9%, а в целом за пять месяцев 2015 г. — 3,2% в годовом выражении; промышленность же снизила выпуск на 4,5 и 5,5% соответственно, обрабатывающая промышленность в апреле — на 8,3%. В правительственной «Российской газете» от 29 мая 2015 г., со ссылкой на Росстат и генеральный совет Федерации независимых профсоюзов России (ФНРП), сообщалось о том, что потребительские цены выросли с начала года на 12,1%, а реальная заработная плата уменьшилась на 8,3%. Приходится признать наблюдавшийся на этом отрезке времени факт открытого еще К. Марксом абсолютно-го обнищания наемных работников. В ФНРП рассчитали, что реальная заработная плата в целом по экономике в лучшем случае восстановится до уровня 2014 г. только через три года. Минэкономразвития прогнозирует «рецессию» и далее...

Срочно принятые в январе правительством «антикризисные» меры на 2015 г.¹ не свидетельствуют, однако, о каком-то «новом курсе» экономической политики, ограничиваясь к тому же только одним годом. Хотя в том же январе премьер-министр, выступая на Гайдаровском форуме, признал, что существующая в России экономическая «энергосырьевая модель исчерпана» и речь идет об ее изменении, он не назвал заменяющей ее новой модели. Прошлогодний форум (март 2014 г.) шел также под лозунгом перехода к «несырьевой экономике», не давая позитивного определения новой модели экономики. А это не вопрос филологии.

Это означает, что «экономическая модель», переход к ней и «новый курс» экономической политики рассматриваются в данном случае в политических, научных кругах и СМИ (и это стало шаблоном), не затрагивая *системы социально-экономических («общественно-производственных») и главных звеньев хозяйственно-институциональных отношений*, сложившихся в России после распада СССР. В лучшем случае указываются лишь их отдельные элементы. Таким образом, аналитическая мысль упомянутых кругов в поисках глубинных причин повторяющихся в России экономических кризисов, наносящих удары не только собственно по народному хозяйству, но и по социальной сфере и особенно по уровню жизни большинства трудящегося населения, не нацеливается на изучение состояния коренных, базисных основ современного «смешанно-рыночного жизнеустройства нашей страны и соответствующего им состояния общественного воспроизводства. Вследствие этого программы и рецепты *лечения* экономики от болезней вырабатываются на основании логически поверхностных *диагнозов*, не учитывающих сущностных причин. Признание же главой правительства приоритетными не внешних, а *внутренних причин* наступающего кризиса идет, на наш взгляд, в верном направлении. Однако среди внутренних причин есть основополагающие, порождающие системные кризисы, и второстепенные, от которых не зависит состояние всей экономической системы².

Разработка *нового курса экономической политики не только по преодолению кризиса, но и по определению азимута дальнейшего развития социально-экономической системы на почве рыночных отношений* требует качественного усиления экономической роли и социального характера государства, слияния в его деятельности экономической функции с социальной с учетом национальных и мировых традиций и тенденций развития экономики. Социальное государство — не только «лекарь» болеющей эко-

¹ План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году // Российская газета. 2015. 2 февраля. № 19 (6590).

² Основательней всех известных нам многочисленных альтернативных объяснений внутренних причин новейших российских кризисов явно выделяется, на наш взгляд, глубиной анализа и строгой логикой доказательств их истинной сущности концепция С. С. Губанова, изложенная в журнале «Экономист» (2014. № 8) в статье «Экономика без движущей силы: об итогах первого полугодия 2014 г.».

номики, но во все большей мере *постоянный регулятор* ее функционирования и развития, реализующий ее целевую *социальную направленность*, в том числе через *стратегическое планирование* и *социальную модернизацию* в общенациональных интересах. Вместе с тем государство с его тремя ветвями власти, являясь институтом «гражданского общества», а вовсе не внешней и чуть ли не противостоящей ему организацией, конституционными средствами должно контролироваться гражданским обществом. Ведь оно избирает парламент и главу государства. (Само понятие гражданского общества появилось в противовес отношениям феодальной зависимости и не избираемой свободными жителями (бюргерами) городов наследуемой власти монарха.) Новый экономический курс, если это не декларация, означает и *новую индустриализацию страны* как восстановление разрушенной и создание новой материально-технической и технологической базы для сбалансированного народно-хозяйственного комплекса отраслей и территорий, адекватного *социально ориентированной рыночной экономике*.

В предлагаемой книге III «Национальное богатство и национальный продукт» продолжается рассмотрение проблем воспроизводства и экономического роста в связи с социально-экономическими и хозяйственно-институциональными отношениями как в общетеоретическом, так и в конкретно-экономическом аспектах, которым были посвящены две первые книги, выпущенные в свет в 2010 и 2012 гг.¹ Представленная (третья) монография характеризуется акцентом на:

- 1) актуальную социальную проблему эффективного использования национального богатства для развития отечественной экономики на основе *новой индустриализации* материально-технической базы и *новой социально ориентированной модели экономической системы* страны, *непрерывного* экономического роста с введением *стратегического планирования* на уровнях федеральном, субъектов Федерации и муниципальном, создание национального продукта, обеспечивающего рост благосостояния населения как *главного критерия оптимизации структуры ВВП* в среднесрочной и долгосрочной перспективе;
- 2) разработку условий поддержания режима *самостоятельного национального расширенного воспроизводства на инновационной основе*, способного обеспечить все стороны национальной безопасности страны;
- 3) анализ *критериев справедливого распределения национального дохода*, предотвращения растущего в России разрыва и сокраще-

¹ Национальное богатство и национальный продукт: Монография / Под ред. В. Н. Черковца. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова; Рыбинск: Офис, 2000, 2010. — 280 с.; Национальное богатство и национальный продукт. Книга II: Монография / Под ред. В. Н. Черковца. — М.: ТЕИС, 2012. — 212 с.

ния существенных различий в доходах высших и низших слоев населения.

Неустойчивое, прерываемое периодически спадами и зстоями производства состояние российской экономики вот уже четверть века будоражит страну, все еще не завершившую переходный период от советского социализма к рыночной экономике западных капиталистических стран. И хотя Россия в лице ее правящих кругов, как самозванец, пытается представлять себя капиталистической страной, в документах международных организаций она числится «развивающейся к рынку страной». И эта квалификация отвечает реальному положению дел, ибо Россия продолжает проходить трансформационный период и находится, по сути, в состоянии не преодоленного до конца перманентного трансформационного кризиса. Поэтому на его поле в экономике разыгрываются более тяжелые, чем в других странах, события временного кризисного характера, связанные с финансово-кредитными и торгово-спекулятивными, а также внешнеполитическими отношениями. Признание незавершенности переходного периода в России вынудило бы правящие, научные и образовательные круги не закрывать исследования в этом ракурсе, а, напротив, усилить внимание к изучению противоречий этого периода, их причин и вносить соответствующие коррективы в решения экономической политики. Однако переходная проблематика оставлена в стороне, преждевременно перестала в глазах власти имущих быть актуальной. Поэтому, идя по стопам официальной экономической политики, экономическая наука утратила интерес к развитию теории переходной экономики, т.е. к познанию недостроенной и неустоявшейся реальной действительности, и предлагать соответствующие выводы и рекомендации правительству. Из вузовских учебных планов, опережая ход жизни, исчезла дисциплина переходной экономики. Преподавание же «экономики» ни в какой мере не имеет отношения к *теории переходного периода* «от социализма к капитализму». Между тем предмет этой теории открывает возможность сохранить преподавание и политической экономии в классической традиции с дальнейшим ее развитием как системы применительно к новейшим явлениям современности.

На фоне зстоя и ожидания нового кризиса экономики (2013–2016 гг.) на теоретическом фронте параллельно на разных уровнях прошли форумы, конгрессы, круглые столы, конференции, имеющие двойственную направленность: 1) резкая критика — даже со стороны первых лиц государства — нынешней и поиски новой модели экономической системы; 2) многоголосые призывы к ренессансу политической экономии, правда, скорее в области образования, чем науки (по-видимому, потому что классификатор ВАК официально сохраняет все эти годы политическую экономию в структуре «общей экономической теории»). Однако приоритет, не всегда осознаваемый участниками дискуссий, все же остается на стороне науки, поскольку поиск новой модели экономики ведет-

ся в сфере научной деятельности, будь то научные или образовательные организации. Публикуется много книг, сборников, статей в различных старых и быстро размножающихся новых журналах. Хотя публикации по двум указанным темам, как правило, пространственно разделены, одновременность двух потоков обсуждений не случайна. Она объективно обусловлена нынешним застойно-кризисным состоянием российской экономики и критикой проводимой правительством экономической политики последних лет, фактически поддерживающей сырьевой перекос в структуре национального хозяйства и либерально-монетаристскую идеологию в деятельности банковской системы во главе с Центральным банком и частных корпораций. При этом поиск альтернативных проектов неизбежно сопровождается разработкой новых или заимствованием известных концептуальных оснований из различных научных доктрин. Обращение к экономической теории, наталкиваясь на ограниченность или вообще отсутствие ее креативного материала, выдвигает требование ее дальнейшей углубленной разработки, расширения диапазона научного знания, перехода от частных к более общим, фундаментальным системным проблемам, относящимся к природе экономического строя России. Отсюда и актуальность общеэкономических проблем политической экономии, поскольку из всех ветвей общей экономической теории только классическая политическая экономия ставит и решает задачи познания сущности экономических явлений. Вытеснение ее из круга «мейнстрима» оставляет в его потоке такие ветви общей экономической теории, которым нет никакого дела до глубин экономических (производственных) отношений, скрытых от глаз внешнего наблюдателя, практика-предпринимателя, обывателя-потребителя. Представители этих ветвей — микроэкономики, макроэкономики, неонституционализма, — образно говоря, за деревьями не видят леса, да и не хотят его видеть. Такова их философия, неоклассическая методология.

В связи с назревшей и широко и остро обсуждаемой проблемой перехода России от существующей к новой модели экономической системы, естественно, актуализируется и вопрос о возрождении роли классической политической экономии в науке, образовании, экономической политике и ее дальнейшем развитии в свете социально-экономических изменений, происшедших в мире и особенно в пространстве бывшего СССР. Для нас на переднем плане находится вопрос: в какой точке своего исторического пути находится Россия и какой социально-экономический строй должен утвердиться как устойчивый результат ее просматриваемой перспективы? Как было сказано выше, мы исходим из того, что Россия, утратив социалистический характер экономики, еще не завершила полностью переход от советской плановой экономики к рыночно-капиталистической системе производственных (экономических) отношений. Хотя, по данным Росстата, частными (юридическими и физическими лицами) стали к 2013 г. 86% всех предприятий, а государствен-

ными и муниципальными — всего 7%, фактически их включения в систему внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции не произошло. Не создан институционально-хозяйственный механизм государственного управления экономикой в сочетании и взаимодействии с рыночными регуляторами, что характерно для современного рыночного хозяйства. Именно этот факт предопределяет характер ее противоречий, в том числе социально-классовых, неустойчивость и разбалансированность ее народного хозяйства, отсутствие импортозамещающего производства, в том числе машиностроения, особенно станкостроения, продовольствия, продукции легкой, фармацевтической промышленности и других отраслей, обеспечивающих личное потребление населения страны. От такой диспропорциональной и неэффективной переходной системы России надо уходить. Но куда? Предлагаются разные альтернативные варианты в рамках конституционного направления — к рынку. От этого направления официально в парламенте не отказывается даже самая радикальная фракция Государственной Думы — коммунистическая. В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться?», написанной в сентябре 1917 г., т.е. до Октябрьской революции, В. И. Ленин считал возможным рекомендовать буржуазному Временному правительству несоциалистические меры вывода экономики России из критического кризисного состояния.

Среди разнообразных альтернативных проектов «спасения» экономики современной России весьма активно распространяется ее ориентация на *конвергенцию социализма (коль скоро нынешний переход идет от него) и капитализма*. Сочетание лучших черт того и другого — такая идея отрицает «чистый» социализм как первый этап коммунистической формации. Один из новых вариантов этого проекта — концепцию «*нового интегрального общества*»¹, предлагаемого России как новая закономерная (и завершающая!) модель экономической системы взамен и капитализма, и социализма, взятых отдельно, — мы рассмотрим в главе 2. Соответственно таким моделям предлагается и обновление курса политической экономики как учебной дисциплины². Учитывая современное состояние мировой экономики (а российская экономика открылась навстречу ее проблемам), в предлагаемой книге выделен *раздел I* с главой, описывающей глобальные тенденции в мировом хозяйстве, экономический рост и структурные сдвиги в мировой экономике *как общий фон*, на котором происходит экономическое развитие России.

Раздел II полностью посвящен российской проблематике, начиная с выяснения причин экономического застоя России в условиях переживаемого ею общего трансформационного кризиса в связи с распадом СССР, на почве которого периодически вспыхивают отдельные финансово-экономические кризисы, дефолт, наблюдаются рецессии, происхо-

¹ См.: Философия хозяйства. 2014. № 5.

² См.: Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 87–88.

дит торможение экономического роста, возникают периоды абсолютно-го падения уровня жизни населения, живущего исключительно за счет своих трудовых доходов. Специальные главы посвящаются характеру и структуре существующих в России отношений собственности на ресурсы и национальный продукт, социально-классовым отношениям и растущим в них противоречиям на почве глубокого имущественного неравенства и растущего неравенства в распределении национального дохода между высшими и низшими слоями населения, ведущего к застою уровня производительности труда и торможению экономического роста в целом. Особое внимание уделено проблеме нерационального использования земли и воспроизводства возобновляемых природных ресурсов как важнейшей части национального богатства России, рынку земли и рентным отношениям, в том числе доказательству реставрации абсолютной ренты. Ряд глав посвящен выяснению ограничений экономического роста в России и ключевому фактору, способному преодолеть его замедление в настоящее время, причинам низкой эффективности национального воспроизводства и необходимым мерам в области экономической политики государства для ее повышения.

В разделе III обсуждаются проблемы реализации государством принципа социальной справедливости, масштабы, причины и последствия социального неравенства в современной России.

Раздел IV завершает книгу возвращением к вопросу об измерении национального богатства и национального продукта, с чего мы начали, определяя понятия, изучение этой темы с книги I и расширили ее разработку в книге II.

В последней главе выясняется политэкономическое понятие промышленного цикла в противовес понятию делового цикла, широко применяемому в современной, в том числе российской, научной и учебной литературе.

В. Н. Черковец

РАЗДЕЛ I

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ КАК ОБЩИЙ ФОН ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Глава 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

1.1. Структурные изменения

Глобальные изменения, охватившие мировую хозяйственную систему и ее отдельные элементы (регионы), вызваны небывалыми ранее в истории человечества успехами в области технологического развития, расширением возможностей самого человека и проектируемых им социальных структур (институтов). Эти изменения в основном характеризуются повышением скорости многих процессов, происходящих в общественной системе. Если ранее скорость совершенствования продукта (производства) была существенно выше скорости появления научных достижений, техники, информации, функционирования финансов, то затем ситуация изменилась так, что скорость изменений в науке и технике стала обгонять скорость изменений в производстве и продукте, но в последние 20 лет самой высокой стала скорость изменений информации и финансов. Глобализация охватила социокультурное развитие народов

¹ *От редактора.* Данная глава подготовлена на основе ряда прежних работ автора, ранее опубликованных в разных изданиях. Некоторые из них обсуждались в проблемной группе «Воспроизводство и экономический рост» кафедры политической экономии МГУ им. М. В. Ломоносова в период 2012–2015 гг. С идеями этих работ автор выступал на научных конференциях экономического факультета МГУ. Ценность главы заключается в том, что в ней собран материал, разбросанный по различным источникам и не дающий поэтому комплексного представления о целостной концепции авторского видения современного состояния мировой экономики, которое представлено в данной главе. Ее содержательная оригинальность состоит также в том, что в ней предлагается общий контекст описания экономического роста и структурных сдвигов в системе мировой экономики периода 1961–2012 гг., что представляет интерес в плане выбора стратегии догоняющего и опережающего развития для экономики России.

мира, технологическое и демографическое развитие и стала возможной благодаря научно-техническому прогрессу и резкому повышению роли знаний и информации в современном обществе. Это сказалось на скорости развития различных экономических систем. Возникли секторы с возрастающей отдачей, темп роста населения в бедных странах затормозился, темп роста дохода увеличился, отставание стало несколько сокращаться, хотя и продолжает оставаться катастрофическим по масштабам. Разрушились ранее считавшиеся верными закономерности, установленные экономической наукой. Темп экономического роста определяется темпом технологического прогресса, но уже не так сильно определяется темпом роста населения, как ранее. Более того, рост мирового населения замедляется, что действует в сторону увеличения дохода на душу населения и повышает требования к институтам, ответственным за распределение созданного продукта. Конкуренция между фирмами и государствами все более сводится к аспекту скорости принятия решения, времени реализации необходимых действий. По существу, сейчас наблюдается конкуренция «по скорости», и время становится самым ограниченным ресурсом. Затраты на борьбу с загрязнениями уже не могут вычитаться из создаваемого продукта и рассматриваться как фактор торможения экономического роста, когда ряд исследователей рисуют умозрительные «модельные» графики с двумя линиями роста, с учетом и без учета затрат на «экологическую чистоту», причем рост во втором случае оказывается по их моделям выше. Это, по сути, проблема учета ВВП, включения в него различных благ, таких как «экологическая чистота», затраты на «изготовление» которых должны отражаться с повышением динамики роста, поскольку экологические цели требуют особых средств производства, технологий и являются результатом научно-технического прогресса в не меньшей степени, чем иные технологии. Аккумуляция «экологического дохода» означает накопление национального богатства, что влияет на общую эффективность экономической системы¹.

Стратегии развития различных стран в условиях обозначенных глобальных изменений, которые тем не менее не снимают остроты экологических проблем, бедности и расслоения, крушения многих институтов международного права и миропорядка (возникновение режима управляемых экспортируемых войн, включая войны экономические), отличаются по форме и содержанию. Исходный уровень развития, доступ к знаниям и технологиям, состояние базовых институтов, демографические и природно-климатические условия определяют возможности выбора стратегии развития.

¹ Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии. — М.: Финансы и статистика, 2014.

Глобальные изменения сопровождаются политическим и экономическим доминированием одних стран и центров мировой системы по отношению к другим странам. В экономической науке это издавна называется отношения «центр — периферия». Режим структурной и технологической зависимости, возникший по причине историко-технологического отставания и социокультурной специфики, определяет стратегические возможности этих стран. Стратегия лидерства (пионерная стратегия) — это форма развития, когда страна представляет собой законодателя моды в области науки и технологий, социального стандарта потребления. При этом данное лидерство может быть основано на особом режиме функционирования системы «центр — периферия», плюс перенесение издержек развития на иные страны и континенты (включая экологические издержки). Это лидерство оформлено соответствующими институтами и имеет историческую основу. Иные страны, в том числе спутники по отношению к лидеру или группе лидеров, реализуют стратегии догоняющего развития, которые бывают по большому счету двух типов: 1) страны «второго эшелона», осваивающие технологические достижения и институты, созданные в странах-лидерах (пионерах), демонстрирующие довольно высокий социальный стандарт жизни населения, занимающие вспомогательную нишу относительно лидеров, осуществляющие доводку основных технико-технологических решений и приложений знаний, рождаемых в странах-пионерах; здесь может быть развит государственный сектор, способный осуществлять государственные инвестиции, но эти страны сохраняют в целом контроль над своим внутренним рынком; 2) страны третьего эшелона, стратегия развития которых полностью подчинена целям стран-пионеров, поскольку развитие осуществляется исключительно за счет масштабного заимствования технологий и знаний из стран-лидеров, бюрократия не является самостоятельной в решениях, государственный сектор может быть различным по величине, но внутренний рынок находится под контролем иностранных транснациональных компаний (в производительной («несырьевой») деятельности страна обычно не имеет компаний транснационального уровня).

Глобальные изменения были подготовлены всей историей XX в., который характеризовался, согласно С. Кузнецу, увеличением темпа прироста производства на душу населения, прироста производительности, структурных изменений, а также качественными сдвигами в структуре экономики в пользу сектора услуг. Особую роль приобрел сектор высоких технологий, создавший эффект «технологической гонки». Средний темп экономического роста увеличился с 1 до 3%. При этом на долю наиболее развитых стран (пионеров) приходилось около половины мирового продукта и две трети оборота мировой торговли. На сегодняшний день данные цифры сохраняют свое значение и стали еще более рельефными показателями роли стран-лидеров. Однако важнейшим качественным изменением явилось выдвижение в лидеры по темпу экономического

роста Китая, Индии и стран БРИКС. Нужно отметить, что подобное выдвигание ранее, к концу 1980-х гг., еще не прогнозировалось. В XX в. три четверти населения земли были отстранены от благ, которые дает экономический рост, даже несмотря на рост в среднем от 2 до 5–6% скорости увеличения производства.

Как бы ни определять ход глобализации, данный процесс зависит от фундаментальных сдвигов в структуре мировой экономики и распределения технологий. Структурные изменения охватывают следующие направления экономической системы:

- продукты и услуги (технико-экономические характеристики, формы сервиса и обслуживания);
- глобализацию как явление, целенаправленное управление которым проблематично, — предполагает изменение международных институтов и рынков;
- информационные технологии;
- финансовые рынки;
- рынок труда, продуктов и услуг;
- инфраструктуру, включая транспорт, обмен информацией и международную торговлю;
- макроэкономическую политику и управление (включая транзитивные процессы и реформы в отстающих странах).

Кстати, большой вопрос, не затормозит ли реформа экономический рост при реализации стратегии догоняющего или опережающего развития, можно ли ее применять как некий инструмент реализации такой стратегии и в каком объеме. Видимо, имеются ограничения на объем реформ, вытекающие из целей устанавливаемой стратегии. Иногда управление организуется так, что стратегия подчиняется реформе, а не наоборот. Это говорит не только о социально-экономическом, но и об информационном и даже ментальном отставании в развитии данной страны.

Структурные изменения в мировой экономике характеризуются наличием нескольких разрывов:

- 1) между финансовым и «реальным» секторами экономики;
- 2) между обрабатывающими и добывающими производствами, а также между традиционной и индустриальной экономикой и экономикой, воспроизводящей знания, вклад которых в создание добавленной стоимости резко увеличивается;
- 3) между производством и потреблением, между государственным и частным секторами экономики, граница между которыми постепенно становится все более призрачной.

В период с 1960 по 2012 г. население мировой системы увеличилось с 3 до 7 млрд чел., т.е. более чем в 2 раза. Скорость изменения численности населения увеличивалась с 1961 по 1971 г., затем с 1977 по 1991 г. соответственно с 40 до 76 млн чел. в год, затем снижалась до 72 млн чел. в год и с 1977 г. увеличивалась до 90 млн чел. в год. С 1991 по 2000 г.

она снижалась до 79 млн чел. в год. К 2011–2012 гг. скорость возросла до 81 млн чел. в год. Общий тренд изменения скорости демонстрирует ее возрастание, правда, с убывающей силой¹.

Темп прироста численности населения неуклонно снижался с 1961 по 2011 г. с 2,1 до 1,2%. Темп прироста мирового ВВП всегда был положительным, за исключением 1982, 1998 и 2001 гг., когда он почти равнялся нулю, и 2009 г., когда он стал отрицательным впервые в послевоенной истории (анализ проводился с 1961 г., но в послевоенные годы наблюдался восстановительный экономический рост)². Скорость абсолютного изменения ВВП неуклонно увеличивалась за данный период, но росла и амплитуда изменения скорости, что говорит об увеличении неравномерности экономического развития мировой экономической системы, что особо дает о себе знать в настоящий период, который обозначают как глобализацию мировой экономики. То же относится и к динамике жизненного стандарта, который возрос в несколько раз и составляет более 10 тыс. долл. на человека. Скорость его изменения и темп прироста отвечают динамике мирового ВВП. Чем выше темп экономического роста, тем выше ВВП на душу, т.е. жизненный стандарт потребления. Такое соотношение сохранялось для мировой системы стабильно. Рост численности населения происходил с ростом жизненного стандарта, который увеличивался, но скорость этого увеличения постоянно замедлялась. Скорость изменения численности мирового населения никак не влияла на величину жизненного стандарта (ВВП на душу населения). Когда скорость возрастала, жизненный стандарт также увеличивался, потому как рост ВВП существенно опережал рост численности населения, когда скорость снизилась с 90 млн чел. в год до 79–82 млн чел. в год, то жизненный стандарт возрастал почти вертикально, не завися от скорости изменения численности населения, которая уже практически не изменялась и ее можно было считать постоянной.

Представляет интерес связь мировой инфляции и темпа прироста жизненного стандарта (ВВП на душу населения). Для годовой инфляции от 5 до 8% был характерен наибольший темп прироста жизненного стандарта, а для инфляции меньше 5% и более 8% — самый низкий темп прироста ВВП на душу. Та же зависимость сохранялась и для темпа роста мирового ВВП и инфляции.

¹ Далее анализ всей цифровой информации по мировой системе основан на источниках: Статистические данные Всемирного банка, доступные по: <http://data.worldbank.org/indicator>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>; <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG>; <http://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN>; <http://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.DEFL.KD.ZG>

² Там же. С.13.

Для каждой экономической системы будет свой график соотношения среднегодового темпа инфляции и темпа экономического роста, но для мировой экономики он примерно выглядит, как на рис. 1.1 (с. 24). Следовательно, инфляция выступает некоторым сопровождающим условием экономического развития, и политика уменьшения инфляции ниже некоторых значений, имманентных для данной экономики, может выступить тормозящим фактором развития.

Два или три типа стратегий не исчерпывают весь список возможных действий на траектории развития данной страны. Далее покажем принципиальные условия для стратегии догоняющего развития, а также содержание стратегии опережающего развития, которая не может отождествляться с известными трактовками стратегии догоняющего развития.

1.2. Догоняющее, опережающее развитие и простейшая модель роста

При всей их схожести, догоняющая и опережающая стратегии развития экономики являются различными вариантами развития, как по смыслу, так и по системе возможных правительственных мероприятий, охватываемых рамками этих стратегий. Хотя по большому счету стратегия опережающего развития строится исходя из общих условий догоняющего развития. Стратегия догоняющего развития призвана сократить расстояние между рассматриваемыми странами, в общем сохраняя движение отстающей страны по известной траектории^{1,2,3}. Концепция догоняющего развития, восходящая к Ф. Листу, акцентирует внимание на преодолении отставания за счет концентрации собственных ресурсов на индустриализации и модернизации экономики (в основном за счет протекционизма). Действительно, и сегодня имеется ряд исследований, утверждающих, что протекционизм может быть иногда полезен даже в условиях глобальной экономической системы и резкого расширения международной торговли. Догоняющее развитие можно осуществлять, опираясь на собственные силы, если имеются необходимые ресурсы, либо за счет заимствования недостающих технологий и приобретения необходимых ресурсов. В любом случае центральным моментом догоняющей траектории является сохранение самой траектории и необходимость повышения темпа роста промышленного производства и экономики.

В связи с этим рассмотрим элементарную модель экономического роста. Введем ряд простых обозначений: ресурс R (I — энергия) превращается в продукт (P), результатом чего являются загрязнения (Y). Гео-

^{1, 2, 3} Лукас Р. Лекции по экономическому росту. — М.: Изд-во института им. Е. Гайдара, 2013; Хэллман Э. Загадка экономического роста. — М.: Изд-во института им. Е. Гайдара, 2011; Сухарев О. С. Экономический рост, институты и технологии. — М.: Финансы и статистика, 2014.

графическое распределение ресурса по m странам представляется вектором $R = \{R_1, R_2, \dots, R_m\}$, $R = \sum R_i$, а продукта по странам — $P = \{P_1, P_2, \dots, P_m\}$, $P = \sum P_i$. Загрязнение, при прочих равных, не имеет границ, хотя, конечно, это допущение не совсем корректно, поскольку загрязнение земельных угодий и даже воды, несмотря на кругооборот веществ, тем не менее от одного географического района к другому имеет свои отличия. Пусть r — природный ресурс на душу населения; g — жизненный стандарт (качество жизни без учета качества функций) — доход (продукт) на душу населения; $S(t)$ — функция производительности, превращения ресурса в продукт; N — население глобальной системы; обозначение i — для отдельной страны, тогда:

$$r = \frac{R}{N}; g = \frac{P}{N} = \frac{\sum_{i=1}^m P_i}{N}.$$

Реально для одних стран $g_j > g$ (относительно богатые страны), для других $g_i < g$ (относительно бедные страны). Или $P_j/N_j > P/N$ и $P_i/N_i < P/N$. Задача состоит в том, чтобы увеличить g_i для отдельных стран до уровня жизненного стандарта P/N . При этом жизненный стандарт богатых стран будет все равно выше, т.е. $P_j/N_j > P/N = P_i/N_i$.

Жизненный стандарт можно определить следующим образом:

$$g = \frac{P}{N} = \frac{R(t)S(t)}{N(t)}; R(t) = r(t)N(t); g = r(t)S(t).$$

Таким образом, он зависит от величины ресурса на душу населения и функции переработки (производительности) этого ресурса. Если ресурсов на душу населения остается все меньше, тогда общий уровень качества жизни можно поддерживать только за счет технико-технологических изменений, увеличивающих функцию $S(t)$. Функция возможностей создания дохода (продукта) для i -й страны примет вид:

$$P_i = \frac{R_i(t)}{N_i(t)} S_i(t).$$

Функция $S(t)$ сильно зависит от институциональных условий, инвестиций в образование и науку, исходного состояния фондовой базы экономической системы и производственной (технологической) эффективности. Когда существенно увеличивается функция $N(t)$ и сокращается функция $R(t)$ — истощаются ресурсы, чтобы сохранить $P(t)$, понадобится технологический прорыв. Одновременно рост численности населения резко может увеличить давление функции спроса в экономике, но для системы с широкой ресурсной базой это могло бы стимулировать развитие, включая и технологии, а при ограниченной или сокращающейся ресурсной базе это способствует только угнетенному состоянию системы. Высокий спрос остается без удовлетворения и дестабилизирует

систему. Как показывает опыт африканских стран, возникает ситуация нехватки продовольствия и голода. Взяв производную по времени «жизненного стандарта», получим выражение, связывающее скорости изменения g , P , N (соответственно v_{g_i} , v_{P_i} , v_{N_i}) для i -й страны:

$$g - g_i \rightarrow \min dg/dt = dg_i/dt,$$

$$v_{g_i} = \frac{1}{N_i(t)} v_{P_i} - \frac{1}{N_i^2(t)} P_i(t) v_{N_i},$$

где $v_{P_i} = dP_i(t)/dt$, $v_{N_i} = dN_i(t)/dt$.

В точке экстремума мы имеем подобие малой и большой систем, так как изменение произведения ресурсообеспеченности на ресурсную производительность системы по времени для малой и большой систем одинаково. Если такую задачу сформулировать для всех $i = 1, \dots, m$, где m — число стран, то получим многопараметрическую задачу оптимизации, которая при снижении $r(t)$ может быть решена за счет функции $s(t)$, а при $r(t) = 0$ не имеет решения, точнее, решение тождественно нулю. Поэтому вид функции $s(t)$ должен быть такой, чтобы эта функция могла противостоять снижению $r(t)$, иными словами, $r(t)$ в общем виде должно зависеть от $s(t)$. Подбор этих функций может осуществляться только эмпирически на основе накопленных данных по мировой экономике и экономикам отдельных стран.

Пусть Q — разведанные, начальные запасы энергетических ресурсов, скорость исчерпания равна V_1 и не изменяется, а V_2 — скорость нахождения новых источников (запасов) энергии. Тогда за время T будет исчерпан запас $Q = V_1 T$. Откуда время, через которое не будет ресурсов, равно $T = Q/V_1$. Это в предположении, что число живущих людей не меняется (N_1). Но за это время их число может увеличиться (либо теоретически уменьшиться): $N_2 = N_1 + V_N T$, где V_N — средняя скорость прироста населения (знак скорости означает увеличение или уменьшение населения). Можно записать выражение для объема ресурса, приходящегося на душу населения ко времени t , следующим образом:

$$r(t) = \frac{Q - V_1 t + V_2 t}{N_1 + V_N t}$$

или

$$g(t) = \frac{Q - V_1 t + V_2 t}{N_1 + V_N t} s(t).$$

Следовательно, качество жизни в экономической системе зависит от начального ресурса и величины населения, скорости исчерпания ресурса и возможностей по открытию и использованию новых ресурсов либо расширению запасов использования известных ресурсов и от производительной переработки ресурсов $s(t)$.

Таким образом, возможности реализации догоняющей стратегии развития определяются исходной ресурсообеспеченностью экономики (национальным богатством), величиной технологического уровня, задающей производительность (скорость) переработки ресурсов, институциональными условиями, позволяющими поддерживать такой темп роста, который бы сокращал отставание от лидеров. При этом важными окажутся и система конкуренции, структура экономики, торговые связи, масштаб экономики, уровень образования и здоровья населения и многие иные параметры, включая уровень загрязнений окружающей среды и структурную и технологическую зависимость от экономических систем лидеров.

В любом случае экономический рост должен иметь такой темп, который бы превосходил темп лидирующей экономики, на которую ориентируется данная страна, чтобы сократить свое отставание. Однако если цель состоит в том, чтобы догнать, раз стратегия догоняющая, то важным становится, как это будет достигаться. Если правительственная политика в рамках имеющейся структуры экономики и национального богатства будет реализовывать догоняющую стратегию, то сама исходная структура и институты будут объективными ограничителями в реализации такой стратегии. Она может завершиться фиаско, поскольку отсталая структура не обеспечит долгосрочного экономического роста. С другой стороны, изменение структуры, качественный рывок в развитии возможны за счет концентрации ресурсов и элементов национального богатства.

При таком рывке рост не сможет быть выше, чем рост страны-лидера, которую желают догнать, ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе. Следовательно, нужна такая модель, которая бы предполагала за счет качественных изменений институтов и структуры экономики обеспечение высокого темпа роста в среднесрочной и долгосрочной перспективе, когда отставание от лидеров сокращается. Немаловажен вопрос относительно того, по какому параметру считать, что расстояние сокращается и стратегия догоняющего развития успешна, и не приведет ли реализация такой стратегии в условиях сегодняшних индустриальных институтов к резкому увеличению загрязнений. Догоняя по одному параметру, есть вероятность резко ухудшить общее качество по другому, даже несмотря на эффект, связанный с изменением функции $s(t)$, когда технологии позволят расходовать меньше ресурсов и оставлять меньше отходов.

Опережающее развитие, как известно, является разновидностью стратегии догоняющего развития. Только оно связано с тем, что страна не идет известной траекторией, чтобы догнать лидера по какому-то параметру, а стремится выбрать параллельную траекторию за счет новейших технологий, в которые она начинает инвестировать и которые позволят ей в ближайшем будущем занять новое место в мировой экономике, создать

и контролировать новые рынки, обеспечивая за счет этих конкурентных преимуществ, которых не окажется у стран-лидеров, свою нишу и высокий темп роста продукта (дохода), превышающий темп роста экономических передовиков.

Стратегия догоняющего развития сейчас все менее эффективна, несмотря на успешное сокращение разницы в уровне дохода между богатыми и бедными странами, достигаемое за счет возрастающей отдачи в новых секторах глобальной экономики. Стратегия опережающего развития вроде бы оставляет шанс на успех для всех стран и символично связана с возможностью реализации эффекта возрастающей отдачи в масштабах мировой системы. Значительное число технологий и специализация на различных типах технологий разных стран, причем технологий, основанных на полученном новом знании, делают возможным такое опережение.

Этому способствовало широкое распространение информации и знаний к 1990–2000 гг., расширение международной торговли в силу интеграционных процессов в мире и снятия ограничений в торговле, а иногда и государственных границ (например, в Европе), что привело к росту уровня образованных в мире и особенно в отстающих в развитии странах. Все это привело к повышению темпа экономического роста и замедлению роста населения, что вывело многие беднейшие страны из «демографической ловушки», обеспечило повышение уровня их жизни и темп роста. Данные процессы породили тенденцию сокращения разницы в уровне жизни между богатыми и беднейшими странами. Однако величина разницы все равно остается очень высокой. Отдельные исследователи отмечают резкое сокращение этого разрыва, хотя пока стоит сохранить некоторый скепсис в этом отношении¹.

Важно то, по каким параметрам оцениваются отставание и разрыв. Если изменились условия, и по «стереотипным» параметрам этот разрыв начал сокращаться, то он сохраняется по иным параметрам — качеству жизни, политико-культурному влиянию этих стран в мире, информации, стоимости времени (в богатых странах время очень дорого и является дефицитом, бедные страны имеют более низкую оценку этого ресурса) и т.д.

1.3. Эмпирический анализ экономического роста по странам и регионам мира (основные особенности)

Далее проведем анализ мировой экономической системы, ориентируясь на базовые показатели развития: численность населения, величину ВВП и ВВП на душу (жизненный стандарт), — скорости изменения

¹ См.: Сухарев О. С. Указ. соч. С. 14.

этих показателей, а также динамику ВВП и жизненного стандарта и инфляции, используя данные Всемирного банка. Покажем эмпирические связи на графиках (рис. 1.1–1.10).

Во-первых, население мировой экономики возросло с 3 млрд чел. в 1960-х гг. до более чем 7 млрд чел. к 2012 г. (рис. 1.1).

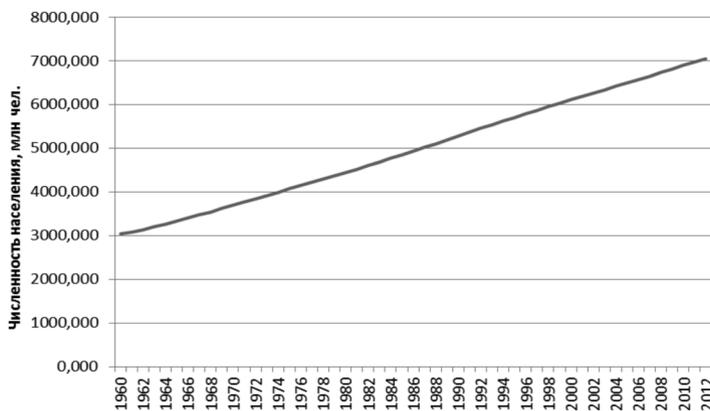

Рис. 1.1. Динамика численности населения мира, 1960–2012 гг.

Во-вторых, скорость изменения численности мирового населения возрастала в период с 1961 по 1971 г., затем с 1977 по 1989 г. С 1990 г. по настоящее время скорость изменения численности населения мира несколько снизилась и стабилизировалась примерно на уровне 80 млн чел. в год. При этом темп прироста численности населения в период с 1971 г. по настоящее время снизился с 2,2–2,3 до 1,2%, что связано со снижением общей скорости изменения численности населения мировой системы (рис. 1.2).

В-третьих, темп роста ВВП имел общую тенденцию к снижению, тем самым мировая экономика замедляла свой ход в интервале 1961–2012 гг. Снижался и темп роста жизненного стандарта населения (рис. 1.3–1.4).

Скорость изменения жизненного стандарта показана на рис. 1.5. Как видим, эта скорость довольно существенно изменяется от периода к периоду, показывая совершенно неравномерный характер развития мировой системы. При таких изменениях скорости, которые практически непредсказуемы, довольно трудно точно прогнозировать и темп экономического роста.

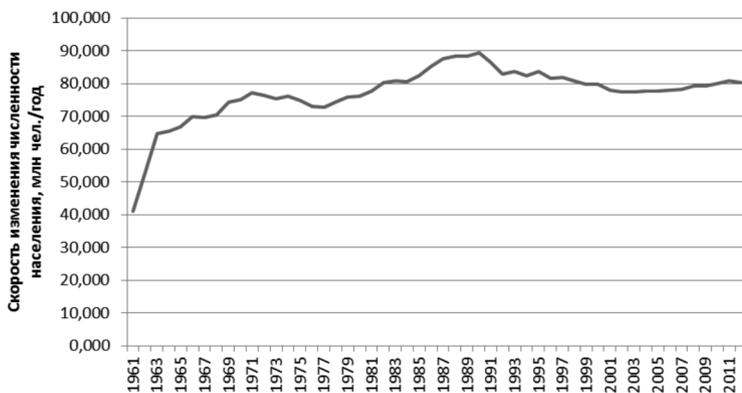

Рис. 1.2. Скорость изменения численности мирового населения (абсолютное изменение), 1961–2012 гг.

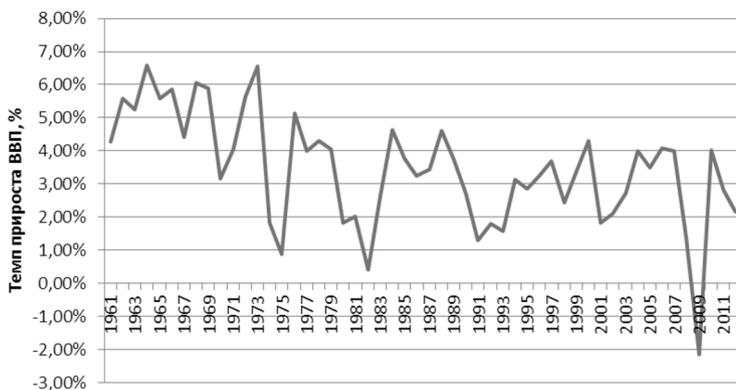

Рис. 1.3. Темп роста мирового ВВП, 1961–2012 гг. (в ценах 2005 г.)

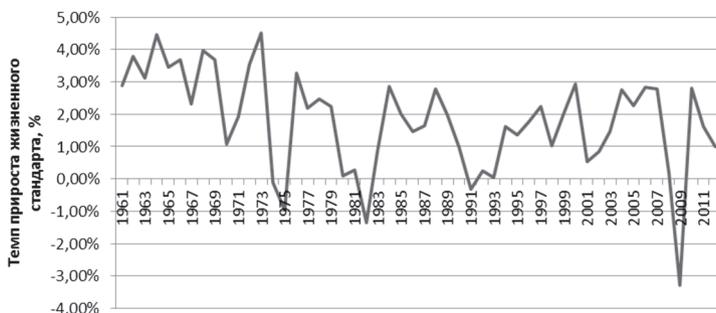

Рис. 1.4. Темп роста жизненного стандарта мировой системы, 1961–2012 гг. (в ценах 2005 г.)

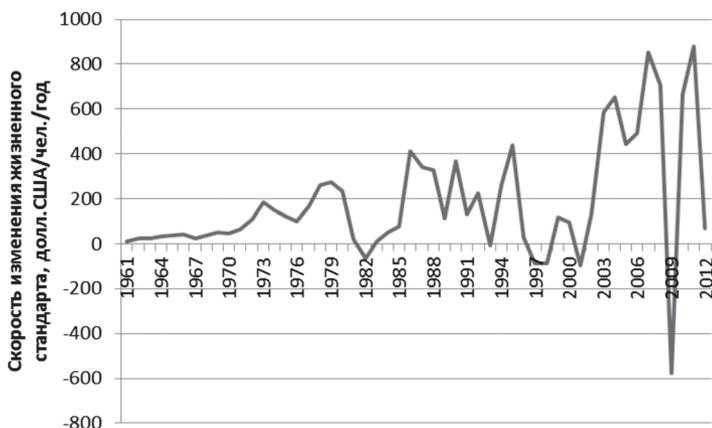

Рис. 1.5. Скорость V_{st} изменения жизненного стандарта в мировой экономике, 1960–2012 гг. (эмпирические данные)

При анализе эмпирических графиков по скорости изменения жизненного стандарта и скорости изменения численности населения вырисовывается один важный вывод: эти скорости изменялись в противоположных, в общем-то, направлениях. Если скорость жизненного стандарта, несмотря на резкие перепады, имела тенденцию к увеличению, то скорость изменения численности населения имела тенденцию к снижению. Эти две тенденции породили ситуацию наивысшего комфорта и позволили резко изменить условия жизни большей части населения Земли, в том числе за счет расширения технологических возможностей. Точнее, эти две скорости получили такие векторы изменения в силу технологических изменений позитивной направленности.

В-четвертых, как видно из данных рис. 1.6, наивысшая величина продукта на душу населения в мировой системе достигается при темпе экономического роста от 2 до 4% в год. Если темп роста выше 4%, то прирост жизненного стандарта и его величина меньше.

Сравнение динамики роста стандарта (ВВП на душу) и самого ВВП показывает, что выделяются небольшие площадки (горизонтальные линии уровня), соответствующие примерно 120, 400 и 650 долл. на душу в год (рис. 1.7), которые можно обозначить как площадки «социальной стагнации», когда абсолютный прирост продукта не сопровождается увеличением (прироста) жизненного стандарта.

В-пятых, наибольший темп роста жизненного стандарта мировой системы в период с 1981 по 2012 г. был при инфляции от 4 до 8% (рис. 1.8). То же относится и к темпу роста ВВП, однако этот темп был выше, нежели темп роста жизненного стандарта. Темп роста мирового ВВП доходил до 4,8%, а жизненного стандарта — максимум до 3%. Разница в темпах говорит о том, насколько важны институциональные условия, определя-

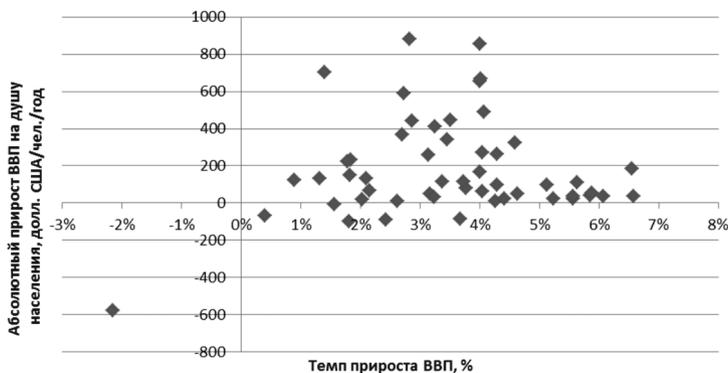

Рис. 1.6. Жизненный стандарт (ВВП на душу) и темп роста ВВП в мировой экономике, 1961–2012 гг.

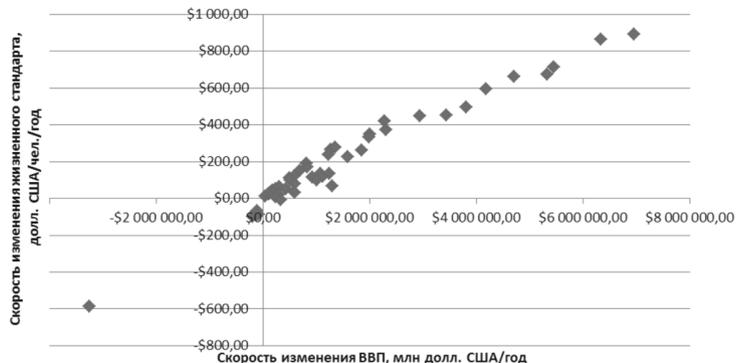

Рис. 1.7. Скорость изменения жизненного стандарта (ВВП на душу) и ВВП по миру, 1960–2012 гг.

ющие темп прироста населения и соответственно темп роста жизненного стандарта. Уровень неравенства по различным группам населения изменяет характер экономического роста (по регионам мира и странам). Следовательно, «плоды» роста приобретаются различными группами мирового населения не только в силу разницы вклада, но и в силу институциональных условий и даже динамики численности населения в конкретном регионе.

Рост числа занятых в мировой системе за 20 лет почти на 1 млрд чел. сопровождался ростом жизненного стандарта, однако также имелась площадка «социальной стагнации» (рис. 1.9–1.10). Аналогичные площадки имеются и хорошо видны на рис. 1.10 справа. Интересно отметить, что изменение скорости роста численности населения (см. рис. 1.10 слева) существенно не влияло на рост жизненного стандарта (почти вер-

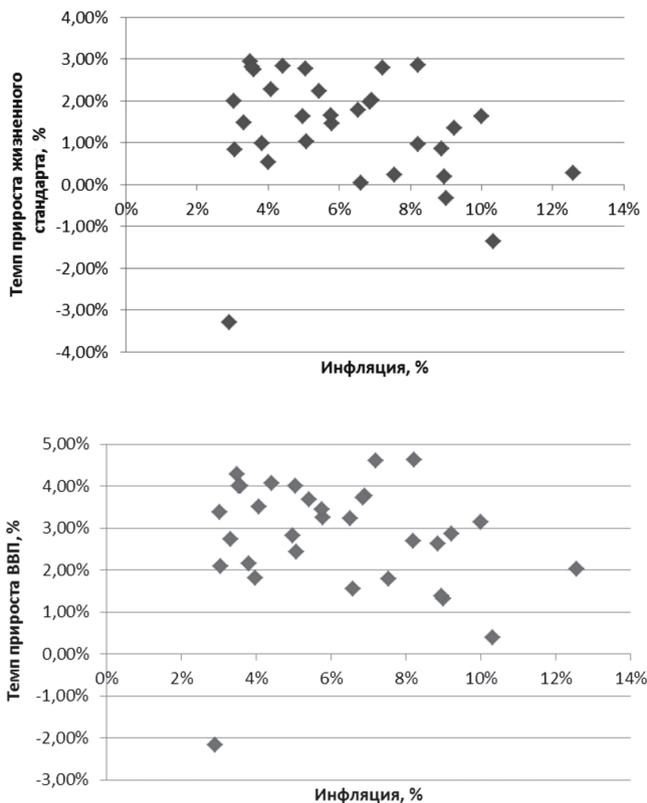

Рис. 1.8. Темпы изменения ВВП, жизненного стандарта и инфляция, 1981–2012 гг.

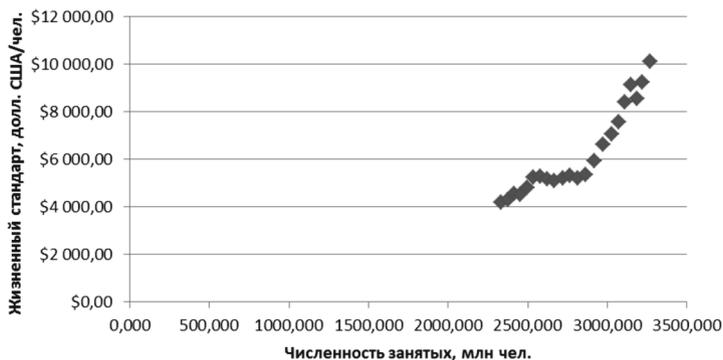

Рис. 1.9. Жизненный стандарт и численность занятых в мировой экономике, 1990–2011 гг.

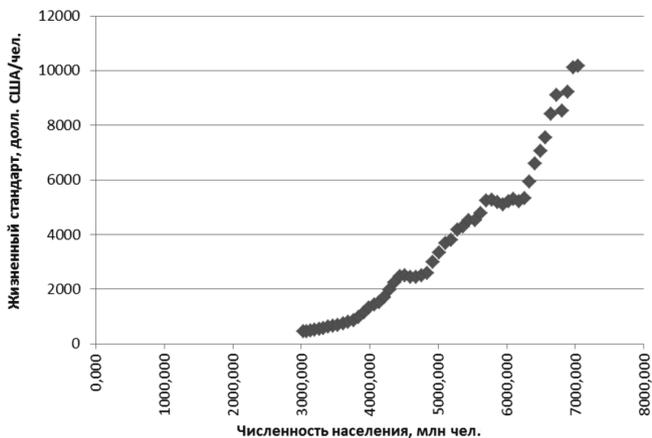
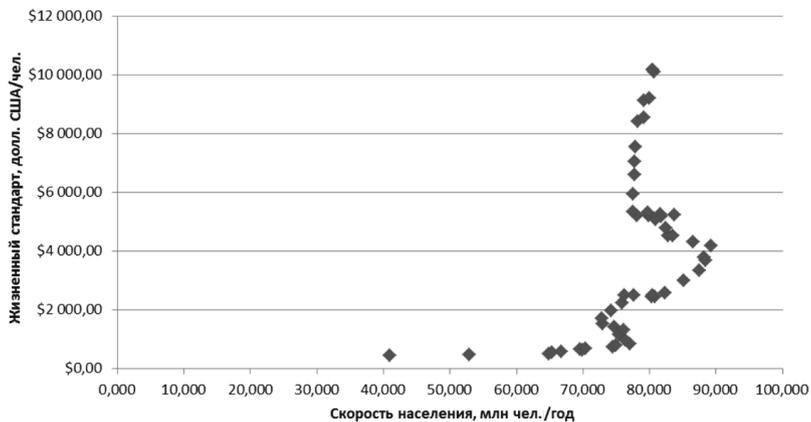

Рис. 1.10. Жизненный стандарт, численность населения и скорость изменения населения в мире, 1961–2012 гг.

тикальная линия при скорости около 80 млн чел. в год). Имелись периоды, когда увеличение скорости сопровождалось увеличением жизненного стандарта — участок от 2 до 4 тыс. долл. На рис. 1.11–1.12 приводятся модели экономического роста для ряда стран, демонстрирующие различные возможности сочетания темпа роста ВВП и абсолютного прироста продукта на душу населения, начиная с 1961 по 2012 г. включительно (для Германии и Индии — данные с 1971 г.). Как видим из представленных рисунков, полученных на основе обобщения эмпирических точек за указанный промежуток времени, для США наилучший темп роста составлял около 3–4% в год, для Китая — около 10%, Индии — 8%, ЮАР — 2,5–3%, Бразилии — 5–6%, а вот для Японии, Германии, Испании, демонстрировавших наибольший прирост ВВП на душу населения из рассмотренной группы стран, — менее 5% в год (рис. 1.11–1.12).

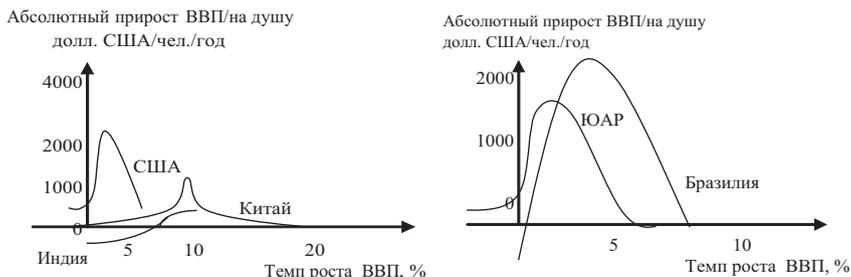

Рис. 1.11. Рост ВВП и абсолютный прирост ВВП на душу населения в разных странах, 1961–2012 гг. (Индия — с 1971 г.)

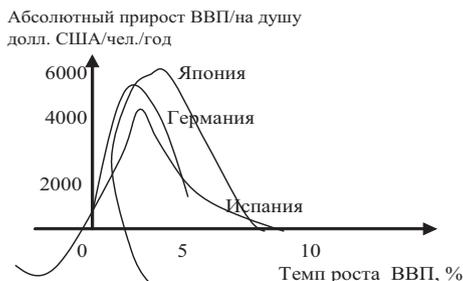

Рис. 1.12. Рост ВВП и абсолютный прирост ВВП на душу в разных странах, 1961–2012 гг. (Германия — с 1971 г.)

Тем самым можно говорить о наиболее приемлемом темпе экономического роста, задаваемом данной структурой экономики и действующими институтами. Иной вопрос связан с объяснением конкретного темпа

роста для каждой страны в отдельности. Однако даже из приведенных данных видно, что темп роста не гарантирует сам по себе наибольшую прибавку (приращение) продукта на душу населения.

Темп может быть высоким, но абсолютный прирост незначительным, и наоборот, темп может быть скромным — 3–4% или даже 2%, но прирост продукта на душу населения будет куда более существенным. Это и является отражением внутренней экономической и институциональной структуры, умением сочетать ресурсную обеспеченность, включая факторы роста, и создавать условия для технологического развития экономики. Следовательно, для данной структуры экономики и системы институтов отсутствует цель обеспечить наивысший темп экономического роста. Наибольший темп не будет означать наилучшего развития для экономической системы.

Далее проведем анализ результатов экономического роста в период с 1960-х гг. по 2012 г. по скорости изменения жизненного стандарта (ВВП на душу населения) по отдельным регионам мировой экономической системы (рис. 1.13–1.17). Для этого введем выражение для скорости изменения жизненного стандарта ($g = P/N$) экономической системы:

$$v_{gi} = \frac{1}{N_i(t)} v_{Pi} - \frac{1}{N_i^2(t)} P_i(t) v_{Ni},$$

где $v_{gi} = dg/dt$, $v_{Pi} = dP_i(t)/dt$, $v_{Ni} = dN_i(t)/dt$ — скорость изменения жизненного стандарта, а также скорости продукта и численности населения соответственно; P_i — продукт i -й страны или региона; N_i — численность населения.

Для стран субсахарской Африки скорость изменения жизненного стандарта невысока, не превышает 130–160 долл. в год и существенную часть времени либо находится возле нулевой отметки, либо уходит в отрицательную область (рис. 1.17 слева). Изменение жизненного стандарта в зависимости от численности населения (рис. 1.17 справа) демонстрирует существенный рост этого показателя только тогда, когда величина населения данного региона достигает 800 млн чел., при увеличении населения от 400 до 800 млн чел. обнаруживается площадка стагнации, т.е. жизненный стандарт не увеличивается. Такие площадки характерны и хорошо выявляются в ходе эмпирических сопоставлений для самых бедных стран, а также стран и регионов, отстающих в развитии. Однако, например, для Северной Америки и Европы подобные «площадки» не обнаруживаются. Для Арабского региона и стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона (рис. 1.13–1.14 справа) имеются площадки «социальной стагнации», причем существенно меньшие, чем для региона субсахарской Африки. Величина жизненного стандарта наиболее высока для Восточной Азии и Тихоокеанского региона, скорость его изменения увеличивается, хотя ее колебания довольно существенны. Самые высокие параметры скорости характерны для Северной Америки и Евросоюза

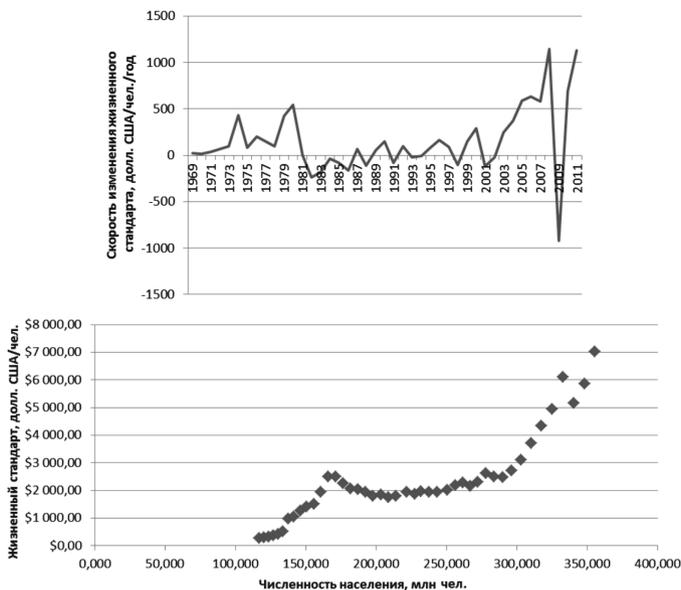

Рис. 1.13. Скорость изменения жизненного стандарта и зависимость его от численности населения Арабского региона, 1968–2011 гг.

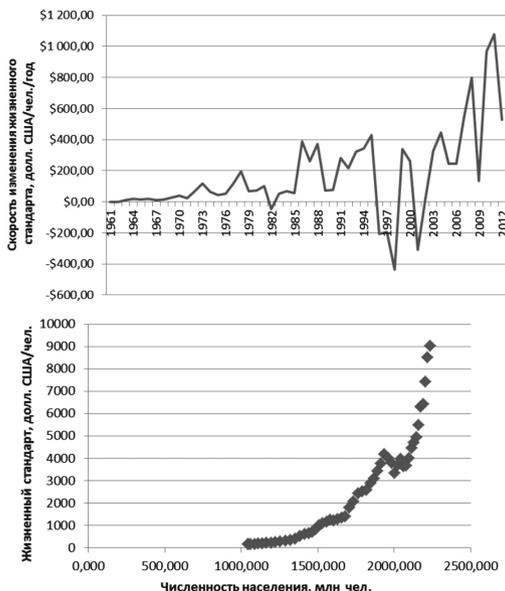

Рис. 1.14. Скорость изменения жизненного стандарта и зависимость его от численности населения Восточной Азии и Тихоокеанского региона, 1961–2012 гг.

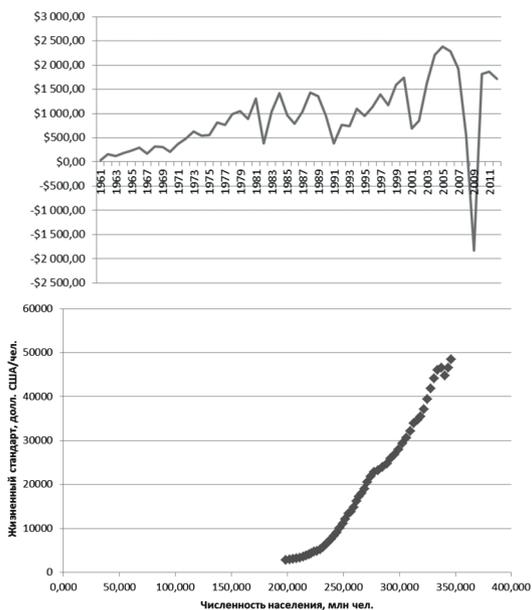

Рис. 1.15. Скорость изменения жизненного стандарта и зависимость его от численности населения Северной Америки, 1960–2012 гг.

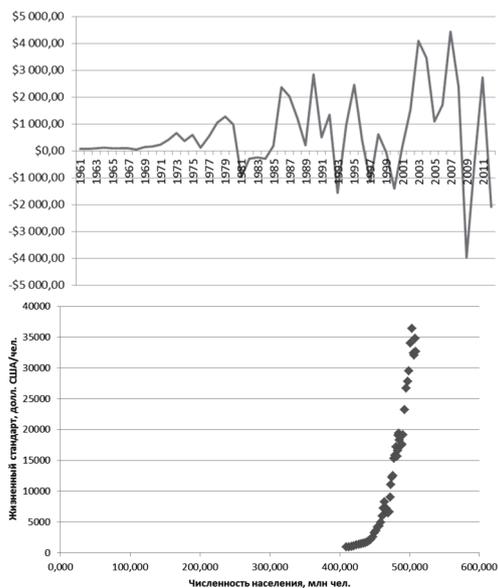

Рис. 1.16. Скорость изменения жизненного стандарта и зависимость его от численности населения Европейского союза, 1961–2012 гг.

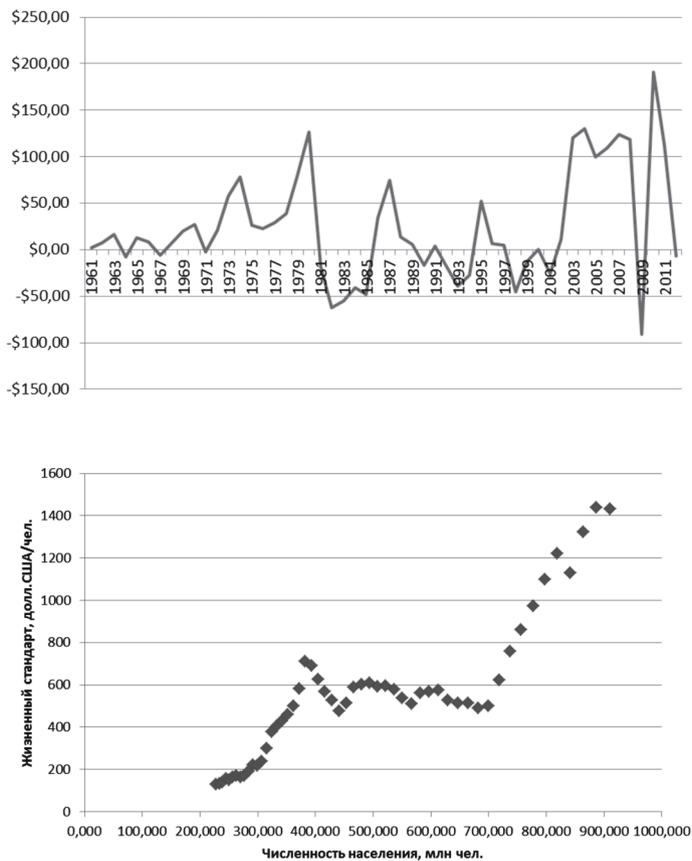

Рис. 1.17. Скорость изменения жизненного стандарта и зависимость его от численности населения стран субсахарской Африки, 1960–2012 гг.

(рис. 1.15–1.16 слева), при этом рост жизненного стандарта вообще не обнаруживает площадки «социальной стагнации» (рис. 1.15–1.16 справа). Скорость развития Евросоюза в среднем выше, чем Северной Америки, хотя и величина перепадов скорости превышает перепады для Северной Америки, что говорит о нестабильности развития и повышенном значении институциональных условий и изменений. В общем, это говорит о большей нестабильности развития и его непредсказуемости.

Феномен экономического роста в Китае состоит в том, что это был не просто количественный рост и не просто высокий рост, а это был устойчивый рост, темп которого приходилось намеренно сдерживать. Скорость изменения жизненного стандарта (рис. 1.18) всегда положительная, даже в период кризиса 2008–2010 гг., когда для многих стран она стала отрицательной, для Китая, несмотря на снижение, сохранила свое положительное значение.

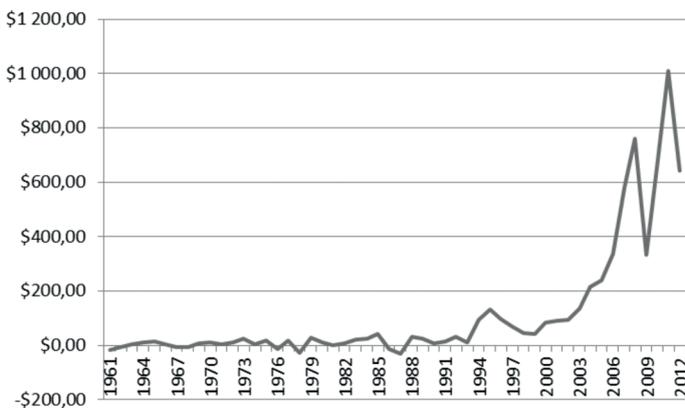

Рис. 1.18. Скорость изменения жизненного стандарта Китая V_{gi} (по эмпирическим данным), 1961–2012 гг.

Планомерный и планируемый экономический рост с положительной скоростью изменения жизненного стандарта на протяжении 50 лет представляет собой важный феномен, который должен найти отражение в виде изменения соответствующих теоретических построений в рамках теорий циклического развития. При этом Китай, в отличие от иных стран и регионов мира, не имел площадки социальной стагнации (рис. 1.19), хотя при проведении политики ограничения рождаемости тем не менее наблюдался рост населения китайской экономики и числа занятых в экономической системе.

Рост населения стабилизируется, но рост жизненного стандарта неуклонно продолжается. Таким образом, можно вести речь о нескольких форматах экономического роста, заданных макроструктурой конкретной экономики и региона мировой системы.

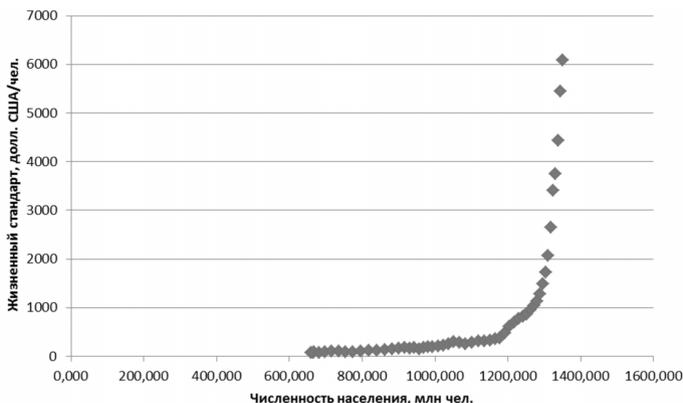

Рис. 1.19. Зависимость жизненного стандарта от численности населения Китая, 1960–2012 гг.

Далее покажем, какой темп экономического роста обеспечивает наибольший абсолютный прирост ВВП на душу населения для различных регионов мира и России (табл. 1.1). Этот темп роста будем считать наилучшим для данной экономической системы, характеризующим динамику данной структуры. Развитие большим или меньшим темпом приводит к более скромному параметру абсолютного прироста жизненного стандарта для этого региона и страны.

Таблица 1.1

Наилучший темп роста для региона мировой системы, России и соответствующая ему инфляция

Регион мира*	Темп роста ВВП, %	Абсолютный прирост жизненного стандарта (ВВП/на душу населения), долл. США/на чел./ год	Инфляция, %
Субсахарская Африка	5	200	5–13
Северная Америка	3–3,5	2500	2–10
Евросоюз	3	4000	2,5–8
Арабский регион	6	900	5
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	4–5	1100	3–7
Россия**	5–6	2500	9,0–10,0

* Данные по регионам мира обработаны за период 1961–2012 гг.

** Данные по России обработаны с 1993 по 2012 г.

Исходя из данных табл. 1.1 видно, что строгой связи между темпом экономического роста и инфляцией по России и отдельным регионам

мировой системы не обнаруживается. Более того, стремление обеспечить высокий темп экономического роста не является необходимой целью экономической политики, потому что абсолютный прирост жизненного стандарта при этом может оказаться меньше, а при меньшем темпе роста — больше по величине. Инфляция, как следует из собранных эмпирических данных, не связана напрямую с темпом экономического роста, определяется иными факторами, присущими конкретной экономической системе.

Проведенный эмпирический анализ по макроэкономическим агрегатам показывает, что отдельные регионы мира и страны обнаруживают свои «качества» экономического роста. Следовательно, набор факторов, обеспечивающих рост, и структурные элементы системы неодинаковы по этим странам и регионам, и одна модель или некий набор исследуемых факторов не могут стать действенными инструментами, стимулирующими экономический рост. Кроме того, между странами и регионами действуют силы (подобные силе гравитации в механике), которые рост в одном месте делают функцией роста на другом материке или регионе/стране. Подобные эффекты изучены много хуже, и здесь уже эмпирического анализа будет явно недостаточно, понадобятся модели, которые предполагали бы наличие таких сил, а также дальнейшая эмпирическая проверка таких моделей, когда они будут получены.

РАЗДЕЛ II

СОЦИАЛЬНО-ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Глава 2

О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗАСТОЯ В РОССИИ И НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕХОДА К МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ

В главе рассматривается соотношение внешних и внутренних причин, вызвавших замедление роста, рецессию, начало кризиса. Доказывается, что разработка нового курса экономической политики по преодолению кризиса требует обоснованного «диагноза» на базе выяснения главной причины в системе экономических отношений и концептуальных оснований выдвигаемых альтернативных проектов борьбы с кризисом, путей дальнейшего развития России.

2.1. «Диагноз и лечение» российской экономики

Название этой темы в данном случае можно выразить и по-другому, в духе старой русской публицистической традиции: «Кто виноват и что делать?» В «медицинском» варианте этот алгоритм указывает на то, что без диагноза лечение больного невозможно, а неверный, ошибочный и даже поверхностный диагноз может привести к применению неадекватных методов лечения, ухудшению состояния больного и даже к летальному исходу. Публицистическая формула акцентирует на том, что программе действий по выходу из сложившейся неблагоприятной, удручающей ситуации должно предшествовать выяснение (по большому счету) причин не только (как кажется на первый взгляд) субъективных, но прежде всего объективного характера. Оба варианта сводятся к тому, что поиски выхода из создавшегося затруднительного положения (как лечить,

и какова программа действий) должны опираться на предваряющее исследование (выяснение) *характера (природы, сущности, происхождения)* данного феномена и *причин его движения во времени и пространстве (роста, развития, депрессии, застоя, спада и т.д.)*.

Образец такого подхода дал А. Смит в своем фундаментальном «Исследовании о природе и причинах богатства народов», в котором были выяснены трудовая природа происхождения (создания, источник) богатства народов, его величина и рост, зависящие («причины») от количества затрачиваемого населением труда и роста производительности их труда. Таким образом, не только врачи, но и А. Смит, А. И. Герцен («Кто виноват?»), Н. Г. Чернышевский и В. И. Ленин («Что делать?») — все они указывают на методологию первичности диагноза и производительности (вторичности) «лечения», прогнозов и программ позитивной созидательной деятельности.

К сожалению, прогнозирование и определение путей выхода из предкризисных и кризисных состояний экономики современного капиталистического мира не только в российских кругах, но и у западной научной и политической элиты не основывается, как свидетельствуют литература и оглашаемые различного рода публикуемые документы, на глубоком анализе и постановке научно аргументированных диагнозов, проникающих в самую сущность природы явлений, на выяснении самых главных причин кризисных потрясений разного рода. Статистическая картина положения дел, разумеется, необходима, и чем полнее она освещает ситуацию, тем достоверней может быть данная ей оценка, характеристика. Но это лишь эмпирическое представление, на базе которого нельзя еще увидеть глубинные причинно-следственные связи, характеризующие природу данного процесса, скрытую от глаз наблюдателя фактов. На базе такого рода знания как прогнозы, так и программы оказываются многовариантными предположениями, в которые то и дело вносятся поправки, порой весьма существенные, с переменной взгляда даже на близкую перспективу. В качестве свежего примера можно указать на то, что Министерство экономического развития РФ в течение второй половины 2014 и января 2015 г. три раза изменяло макроэкономический прогноз на один только текущий — 2015 г. Причем если в декабре 2014 г. прогнозировали падение ВВП на 0,8%, то в январе 2015 г. — уже на 3%! При этом ссылались на быстрое снижение мировых цен на нефть. Но почему влияние этих цен на всю многоотраслевую российскую экономику столь существенно? Ссылка на ее «сырьевой характер» не менее поверхностна, ибо другие нефтедобывающие страны, например Норвегия, не подвержены такому диктату внешнего фактора, и, естественно, возникают вопросы: в чем причина российской капитуляции перед ним и является ли этот фактор главной причиной наступающей новой волны экономического кризиса? Не только представители либеральных правительственных кругов, отвечающих за экономическое развитие страны,

но и некоторые ученые склонны апеллировать к внешним причинам. Так, Е. М. Примаков начал свой доклад в «Меркурий-клубе», опубликованный в правительственной «Российской газете», следующими словами: «Россия переживает нелегкую ситуацию. *Сказываются внешние причины* (курсив редактора. — В. Ч.): падение мировых цен на нефть, антироссийские санкции»¹. Называются очевидные факторы, наблюдаемые всеми и знакомые всем, кто смотрит телевидение и читает газеты. А через день премьер-министр, выступая на так называемом Гайдаровском форуме перед либеральными кругами фундаменталистского толка, к удивлению всех, кто интересуется экономической политикой, проводимой до сих пор правительством во главе с премьером, и знаком с экономической теорией, объясняет все иначе: «Внешние факторы лишь обострили ситуацию... Основная группа причин — *это внутренние проблемы и ограничения* (курсив редактора. — В. Ч.), которые накопились в нашей экономике и с которыми нам пока не удастся справиться... Российская экономика, кстати, начала притормаживать еще при высоких нефтяных ценах»². Последний факт, конечно, опровергает ссылку на разрушительный «приоритет» нефтяных цен. Можно с достоверностью добавить: и западных санкций тоже. Нельзя не согласиться с этим. Но интересно, что же имеется в виду под внутренними «проблемами и ограничениями», составляющими «основную группу причин»? Называется несколько причин, свидетельствующих о том, что «старая энергосырьевая модель исчерпана». Признаками этого являются: отсутствие устойчивого роста экономики, стимулов для инвестиций в реальное производство, невосприимчивость технологических инноваций и — главное — необеспеченность стабильного повышения уровня жизни населения. Все это трудно отрицать, хотя либеральная часть экономистов вряд ли согласится с выводом об исчерпанности этой модели, созданной под их руководством взамен советской плановой экономики. Фактически и Е. М. Примаков в упомянутом докладе развертывает анализ внутренних причин кризиса, указывая на то, что в течение 25 лет не решались задачи диверсификации, перехода от сырьевой направленности экономики к развитию обрабатывающей наукоемкой промышленности, к решению проблем импортозамещения. Остается добавить о приоритете этих причин по сравнению с внешними в застойности и скатывании российской экономики в кризис³. Такой подход надо было применить и при анализе причин миро-

¹ Примаков Е. М. Не просто работать, а знать во имя чего // Российская газета. 2015. 14 января. № 3 (6574).

² Медведев Д. А. В точке кризисов, но без страха // Российская газета. 2015. 15 января. № 4 (6575).

³ Кстати, о поверхностных диагнозах свидетельствует и разноречивость в определении нынешнего состояния российской экономики. Говорят о «замедлении роста» (утешительное название темы юбилейной научной конференции экономического факультета МГУ «Ломоносовские чтения-2015»), «застое», «рецессии» и самом настоящем «кризисе».

вого финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. на российском поле. Но диагноз в верхах был неполноценным, дальше очевидного фактора внешнеэкономического долга наших корпораций не шел, корневую причину высоких потерь российской экономики по сравнению с ведущими западными странами не выяснили или не захотели официально признать. Поэтому в антикризисных мерах ограничились тем, что помогли нашим банкам и некоторым корпорациям отбиться от западных кредиторов. В реальном же производстве страны ничего не изменилось. В результате Россия, чуть встряхнувшись, снова вошла в фазу депрессии, застоя, переходящего без подъема, по признанию Минэкономразвития, в фазу кризиса. В эпицентре же тогдашнего кризиса, в США, дела пошли на поправку, и за 2014 г. их экономика дала 5% роста. Теперь, словно очнувшись, Федеральное собрание, наконец, принимает Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации», подписанный Президентом РФ 31 декабря 2014 г.¹ А российское правительство в спешке (27 января 2015 г.) принимает план первоочередных мероприятий, намеченных только на текущий год². Но опять, как и прежде, во всех мероприятиях экономической политики главное внимание было уделено поддержке банков (в размере 1 трлн руб.), которые могли увеличить свою капитализацию, а значит, и общий доход и должны были использовать выделяемые средства для кредитования «перспективного бизнеса», определяемого, видимо, самими банками. Адресные инвестиции в реальный сектор не предусматривались, хотя прогнозировалось падение инвестиций на 14%. Сократились на 10% все статьи бюджетных расходов, в том числе на социальную сферу, что, естественно, не обеспечило бы социальную стабильность. Индексация пенсий с 1 февраля 2015 г. на 11,4% не компенсировала ожидаемого в январе роста инфляции на целых 16%! При этом оставался открытым вопрос о соответствующем повышении заработной платы, процентов по депозитам и кредитным картам, в противном случае произошло бы прямое снижение уровня доходов подавляющей части наемных работников, т.е. то, что Маркс называл «абсолютным обнищанием».

Антикризисные меры, предпринимавшиеся правящими кругами России прежде и предлагаемые в 2016 г., даже в том случае, когда признаются главными внутренними причинами кризисных состояний, основаны на диагнозах, не доходящих до «сущности явлений». Примером может служить распространенная ныне формула различных конференций, форумов, «круглых столов»: в России необходим переход к *новой экономической модели* — «несырьевой экономике». Таким образом, новая модель

¹ Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 12 января. № 1 (6572).

² План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году // Российская газета. 2015. 2 февраля. № 19 (6590).

экономики отождествляется с переходом от сырьевой к несырьевой ориентации экономики. Но такое понимание новой модели экономики ограничивается логическим уровнем характеристики отраслевой структуры производительных сил страны, их техно-технологической базы, территориальной, региональной организации, диверсификации и специализации материального производства, соотношения материального производства и социальной сферы. Однако это одна сторона *экономической системы*, ее *материально-техническая основа*. Если новую модель экономики отождествлять с этой основой, то очевиден односторонний ракурс и, более того, уход от *экономического базиса* данного общественно-экономического организма (формации). Но без учета этого базиса нельзя говорить об *экономической системе как единстве производительных сил и экономических (производственных) отношений*, в которых можно выделить как *интегральный сегмент и хозяйственно-институциональные отношения (механизм хозяйствования)*. А именно в этой сфере находятся корневые основы любой модели экономической системы как целостности, закономерности ее функционирования и развития, отношения (формы) собственности на средства производства и природные ресурсы, целевая функция, критерии эффективности хозяйствования и социальной справедливости, стимулы роста производительности труда, производства, накопления и распределения национального продукта и национального богатства, методы управления производством на различных уровнях хозяйствования и пр.¹

Только анализ этого логико-теоретического уровня экономики позволит поставить действительный диагноз болезни любой экономической системы, в данном случае — российской, и соответственно разработать государственную программу ее лечения. Четвертьвековой опыт существования российской модели экономики показывает, что без изменений в этой сфере и на этом уровне российской экономической системы «отказаться» от так называемой сырьевой модели и перейти к новой модели невозможно. Без конструктивно-созидательного прямого и индикативного участия государственной политики с помощью правовых и административных методов этого не произойдет. Еще в XVII в. французский классик политической экономии, автор известной «*Экономической таблицы*», впервые представивший модель общественного (об-

¹ Во Введении мы назвали работу С. С. Губанова, которая, как нам кажется, имеет то же направление, в ней предлагается свое оригинальное объяснение логики внутренней российской причинно-следственной связи, приводящей к современному «*системному кризису*». Под ним автор понимает «такой кризис системы воспроизводства, при котором из строя выведено первое подразделение — производство машинных средств производства...». Основным следствием этого явилась дезорганизация национального машиностроительного комплекса и в целом *деиндустриализация народного хозяйства*. Основную же причину системного кризиса автор видит в «*денационализации собственности*» (Экономист. 2014. № 8. С. 16).

шенационального) воспроизводства, Ф. Кенэ признавал необходимость временного вмешательства государства как «лекаря» в «заболевшую» рыночную экономику. Современная рыночно-капиталистическая экономика нуждается не только в медицинских услугах врача-государства, но и в качественно иной, постоянной «помощи» государства как в некоторой мере регулятора экономических процессов.

2.2. Об альтернативных доктринах выхода из кризиса и продвижения к капитализму в России

На вопрос «что делать» экономисты — ученые и практики, бизнесмены и управленцы отвечают по-разному. Альтернативные концепции в оценке состояния нынешней российской экономики и понимания генеральной линии ее развития предлагают представители экономической науки и политические деятели. Олигархический клан, овладевший нефтяной, газовой, металлургической промышленностью, заинтересован в консервативной позиции. Ему нет смысла вкладывать свои капиталы не только в техно-технологическую инновационную модернизацию производства, но и в восстановление изношенного оборудования путем простого воспроизводства за счет амортизации. Они стремятся свои огромные доходы переводить в зарубежные банки и получать проценты при более низких налогах на доходы, чем в России. Другая часть предпринимателей, многие управленцы государственного уровня, широкие круги разных слоев населения, ряд политических партий, ученых-экономистов, в том числе академиков, оценивают отрицательно первую доктрину, консервирующую нынешнюю отсталость России. Многие из них доказывают, что актуальная проблема заключается в разработке на той же рыночно-капиталистической основе новой модели с такими пропорциями отраслей, которые выведут на передний край обрабатывающую промышленность, что изменит в ее пользу и структуру ВВП. Представители этой доктрины обосновывают новый курс на *индустриализацию и комплексную модернизацию* всего российского общества, развивающегося по тому же рыночно-капиталистическому маршруту. Конституция РФ узаконивает этот путь. По кодификации ООН, Россия относится к числу *«развивающихся к рынку стран»*. В Федеральном собрании представители обоих направлений работают, по сути, в одних фракциях, плывут в одной лодке. Однако положение таково, что официальная разработка Стратегии экономического развития России до 2020 и следующих годов и срочно потребовавшиеся антикризисные меры, чем занимается сейчас правительство, находятся фактически в руках представителей интересов первой доктрины.

В лице названных доктрин вниманию российского общества представлена, таким образом, одна из ряда существующих основных альтернативных пар противоборствующих концепций в рамках капиталистической ориентации.

В печати можно встретить попытки определения идеолого-политических позиций обеих доктрин. Одно время первая, либерально-радикальная сторона настойчиво упрекала вторую сторону в стремлении повернуть Россию к модели *государственного капитализма*, к сторонникам которого причисляли и президента. Однако официального признания эта модель не получила, хотя приверженность к усилению экономической роли государства проявлялась в различных формах. И в период кризиса 2009–2010 гг., и особенно в связи с предвыборной программой, президент (как в своих известных семи статьях, так и в своей активной деятельности в 2013 г. по контролю за реализацией правительством задач, поставленных в этих статьях) явно избегал давать свои собственные теоретические характеристики какой-либо новой модели российской экономики, предпочитая практические дела, которые не всегда укладываются в представление о какой-то конкретной модели. Ясно лишь то, что он ориентировался на модель «смешанной» рыночной экономики с активной ролью государства (правительства в широком смысле). Но какой тип, вид, подвид этой модели, каково соотношение различных форм собственности на средства производства (ресурсы), каковы способы сочетания государственного регулирования экономики и рыночных факторов, механизмы внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, миграции частных инвестиционных капиталов, контроля над ценообразованием, кредитной системой, социальной сферой и т.д. — все эти вопросы висят в воздухе. Между тем появились высказывания известных авторов о квалификации президента и поддерживающего его крыла как представителей *либерального* политико-экономического направления в противоположность первому из названных направлений, трактуемому как *неолиберальное*, начало-де которому положил известный австрийский экономист Ф. Хайек. Такая аттестация обоих направлений вряд ли имеет основания. Понятие «*либерализм*» как система взглядов в экономике известно давно и связано с формулой свободной рыночной экономики без вмешательства государства в предпринимательскую деятельность *laissez faire*. Этой формулы придерживаются английские и американские «консерваторы» (тэтчеризм, рейганизм). Поскольку Дж.М. Кейнс и Ф. Рузвельт связали либерализм с сильным государственным вмешательством, «чистокровные» консервативные либералы-фундаменталисты — противники такой доктрины, именуют себя консерваторами. В континентальной Европе в немецком Фрайбургском университете родился во главе с В. Ойкеном новый вариант либерализма — *ордолиберализм*, внесший элемент государственного вмешательства в экономику. На его почве выросла в послевоенное время и идея «социального рыночного хозяйства», автором концепции которой считается А. Мюллер-Армак¹. Ф. Хайек — сторонник

¹ Всемирная история экономической мысли / Гл. ред. В. Н. Черковец. В 5 т. Т. 5. Отв. ред. Ю. Я. Ольсевич. — М.: Мысль, 1994. Гл. 2. С. 31–44.

традиционного, классического либерализма, политики *laissez faire*, и поэтому вряд ли может их «сторонник» быть назван родоначальником давно известного либерализма и тем более неолиберализма, претендующего на признание определенного регулирования капиталистической экономики. Неолибералы ближе к госкапитализму, чем «истинные» либералы. Они теперь, скорее, *неолибералы*, допустившие в «либерализм» (в порядке своего рода «отрицания отрицания») некоторые элементы постоянного государственного участия. Вряд ли поэтому стоит отдавать «бренд» неолиберализма, о чем нередко пишут в газетных статьях, отечественным крайним противникам государственного регулирования нынешней российской экономики, пытающимся как можно больше расширить поле существующего частного сектора и сузить как можно больше и без того весьма ограниченную нынешнюю роль государства в экономике вообще.

Ясно, что на методологических и теоретических основах названных двух направлений в отечественной мысли и политике могут быть разработаны в рамках модели одного социально-экономического *типа* («общее») модели двух разных *видов* («особенное») — *либеральная* и *неолиберальная* в том понимании, как сказано выше. В свою очередь, эти виды представлены сегодня рядом концептуальных *разновидностей* («единичное»). В данном случае не рассматриваются другие возможные альтернативные типы, известные по публикациям как *нерыночные системы*. Остановлюсь на актуальной разновидности второго доктринального направления, которая может стать концептуальным основанием и нового курса экономической политики России. Но вначале рассмотрим, с какой структурой национальная экономика оказалась после распада СССР Россия и каких глобальных размеров задачу предстоит ей решать, чтобы сформировать независимое в принципе от импорта, самостоятельное, самообеспечиваемое собственное общественное расширенное воспроизводство, удовлетворяющее как личные (индивидуальные) потребности людей, так и возмещение и накопление производственных ресурсов. Эта проблема «импортозамещения» возникла далеко не только в связи с так называемыми санкциями как мерой наказания России рядом западных и восточных стран за присоединение Крыма и за поддержку двух областей Украины, объявивших себя самостоятельными республиками. Необходимость создания и налаживания работы многих предприятий отраслей материального производства и сферы услуг была вызвана прежде всего распадом СССР.

2.3. О некоторых новых проектах конвергенции социализма и капитализма

В числе предлагаемых альтернативных концепций новой экономической модели России выдвигаются и разные варианты проекта *конвергенции социализма и капитализма* как закономерной (и завершающей)

экономической системы взамен и капитализма и социализма, взятых отдельно, и «синтезирующих» не только техно-технологические и организационные, но и социально-экономические достижения капитализма и социализма. Одна из таких моделей — «новая модель интеграции общества» — предлагается Г. Н. Цаголовым¹.

Идея конвергенции капитализма и социализма, инициированная западными учеными еще в 50-х гг. минувшего века, далеко не стала общепризнанной в их кругу, хотя в рядах социал-демократии она получила довольно широкое признание. Естественно, в советской и других социалистических стран общественно-научной литературе, в том числе в политической экономии, эта концепция подвергалась критике как действительно немарксистская без поисков путей ее рациональной интерпретации. Попытку такой интерпретации, кажется, впервые в современном российском сообществе экономистов и предпринял Г. Н. Цаголов, размышлявший о возможности применения идеи *конвергенции* к теоретической разработке для условий России соответствующей интегральной модели.

В этой связи, по нашему мнению, было бы уместно обратиться к известным высказываниям К. Маркса в третьем томе «Капитала» (опубликованном в 1894 г.) о *переходных* формах к «обществу ассоциированных производителей», возникавших еще на почве капитализма в XIX в., например, о кооперативных фабриках рабочих, внутри которых было «разрешено» противоречие между наемными рабочими и собственниками капитала. Да и в акционерных обществах Маркс увидел момент переходности к отрицанию частной собственности на средства производства самим капитализмом. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (1878) акцентировал факт передачи управления предприятиями менеджерам и тем самым ненужность фигуры капиталиста для функционирования производства. Й. Шумпетер (1912) связал уход капитализма с исторической сцены с заменой индивидуального капиталиста корпорацией и прогнозировал схождение капитализма (производство предметов потребления) с социализмом в виде государственной собственности на средства производства с сохранением рынка (идея «рыночного социализма»). В. И. Ленин (1916) называл высшую стадию капитализма — монополистический капитализм — «переходным» состоянием («строим») к «глядящему со всех окон» социализму, характеризовал переход к нему как подрыв товарного производства и свободной конкуренции. Во всех этих случаях признается, судя по всему, сосуществование и, если хотите, взаимодействие капиталистических и некапиталистических отношений как *результат естественно-исторического развития самого капиталистического способа производства*, зарождение предпосылок и неких переходных форм внутри капитализма. Стоит обратить внимание на то, что в отличие от современной теории конвергенции, доказывающей процесс *сближения*

¹ См.: Философия хозяйства. 2014. № 5. С. 255–256.

капитализма и социализма как существующих (или уже существовавших) реальных экономических систем, хотя и не развившихся в полной мере, вышеназванные суждения исходили из фактов зарождения основ социализма в индустриально развитом капиталистическом обществе и *подрыва* его изнутри, сопровождавшегося всплесками революционных выступлений против капитализма вообще как общественной системы. Ни о какой конвергенции как теоретической концепции речи не шло и не могло идти всерьез.

Такая концепция появилась после того, как социализм (с теми или иными погрешностями) не только стал реальностью, но и вышел в числе победителей из Второй мировой войны и явился центром формирования мировой социалистической системы. Социализм после войны стал активным участником борьбы и серьезным соперником в соревновании за научно-технические достижения в разразившейся в 1950-х гг. современной научно-технической революции. Только тогда интеллектуальная элита Запада с участием русского бывшего эсера, эмигранта-социолога П. Сорокина, почувствовав угрозу успехов социализма, обратилась к *спасительной* для капитализма идее конвергенции. Дж. М. Кейнс, выпустивший в годы Великой депрессии экономики капиталистического мира, особенно США, свою знаменитую книгу «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) и не думал спасти капитализм с помощью конвергентной амальгамы с социализмом (хотя, будучи женат на русской актрисе, бывал в СССР и знакомился с работой Госплана). Дж. М. Кейнс, один из богатейших людей Англии, открыто и упорно искал меры спасения экономики капитализма с помощью государственного регулирования и был решительно против даже тех социальных реформ, которые проводил Ф. Рузвельт в США.

Иначе повели себя Я. Тинберген, Дж. Гэлбрейт и другие лидеры теории конвергенции. Все они оставались приверженцами частной собственности, как и П. Сорокин, и необходимо глубже проанализировать вопрос о возможности вообще оптимального «интегрального» функционирования частной и общественной собственности на средства производства. Этот вопрос может быть обращен и к автору концепции «нового интегрального общества». В лучшем случае конвергенция может дать некую «смешанную систему отношений собственности», на базе которых возникают разные целевые установки, сохраняя социальное неравенство, разные формы управления и государственного регулирования. Однако теория конвергенции представлена разными версиями. Я. Тинберген видит только рыночную систему, основанную на частной собственности, где главная цель предпринимателей — прибыль, а от социализма «берется» большая степень равенства, некий рабочий контроль и экономическое, т.е. индикативное, планирование. Дж. Гэлбрейт, напротив, считает, что современное техническое развитие объективно *требует планирования взамен «уходящим» рыночным отношениям*, но планирование осу-

шествляют корпорации, а они находятся в частной собственности и не могут, следовательно, быть объектами централизованного планирования, необходимо поэтому, полагает он, какое-то их регулирование со стороны государства. Получается, что и эта интегральная модель дает некий вариант «смешанной экономики», которую вряд ли правомерно назвать вобравшей в себя лучшие черты социалистического строя. Й. Шумпетер видит «конвергентную» модель рыночного социализма, в котором государство с помощью централизованного планирования управляет производством и распределением средств производства, а производство и реализация предметов потребления находятся в частном секторе и управляются рынком. Как бы то ни было, если мы хотим разобраться, в чем суть теории конвергенции, мы должны знать и обсуждать ее разные версии, а они подчас серьезно, как мы видим, различаются, особенно по вопросу соотношения *общественной и частной собственности, плана и рынка*.

Обсуждение данной темы ставит перед нами ряд других, смежных вопросов, пересекающихся с проблемой интегральности, конвергентности и других форм сопоставления, расхождения, смещения, соединения различных экономических систем.

Так, очевидно возникает проблема различных *переходных* состояний экономического строя, их особенностей в отличие от других формационных образований, что свидетельствует о возможности сосуществования различных социально-экономических укладов в рамках некоей системной целостности с доминирующим системообразующим укладом (структурой с основополагающими экономическими законами) на определенных этапах данного способа производства — на *раннем*, когда он возникает, на *последнем*, когда подготавливаются материальные, социальные и духовные предпосылки нового способа производства (новой экономической формации), и *промежуточном*, когда утеряно господство предыдущего способа производства и не завершилось «становление» (по Гегелю) нового. Так, в интерпретации марксистской теории между капитализмом и социализмом должен существовать *особый переходный период*, имеющий свои ступени развития. Такой период официально и теоретически признавался в СССР (включая НЭП). Например, Китай, согласно официальной идеологии правящей КПК, находится в настоящее время на начальной ступени перехода к социализму, экономика которого трактуется как *социалистическая рыночная экономика* (аналог НЭПа). Вьетнам использует более «мягкую» формулу — *рыночная экономика социалистической ориентации*. Ряд капиталистических стран Европы, Южной Америки, Африки характеризуют свои экономики как «социальное рыночное хозяйство», «социально ориентированная рыночная экономика», «исламский социализм» и т.п. Хотя разница между ними и по уровню развития производительных сил, и по социально-экономическому и политическому устройству, и по господствующим идеологиям значительная, более того, порой они воинствующе враждебны по отношению друг к другу. Вместе

с тем все они в той или иной мере заключают в себе и элементы *конвергентности, смешанности* разных форм собственности, способов координации, соединения частей своих экономик в некое целое образование, подчиненное общему правовому режиму хозяйствования, *интегративные* связи, объединяющие различные предприятия, сегменты и сектора в различные корпоративные и даже государственные образования (организации), возникают разнообразные *коалиции* по согласованию хозяйственной деятельности и пр.

На этом уровне различных «конвергентных процессов» возможно заимствование опыта различных стран, обмен новациями в техно-технологической области, организации труда и процесса производства, обучения кадров и т.п. Однако если даже идет речь об обмене такой деятельностью между капиталистической и социалистической странами, она не имеет отношения к проблеме конвергенции *капитализма и социализма как экономических систем определенного исторического типа*. В свое время СССР и другие социалистические страны вели активную внешнюю торговлю с капиталистическими странами. Но внешняя торговля этих стран ни в коей мере не являлась формой конвергенции социализма и капитализма, как и наоборот. Иное понимание может привести к выводу, что всякая торговля между разными странами дает нам феномен их конвергентности. Такое слишком расширительное употребление (скорее от филологии) понятия «конвергенция» (приближение, сближение, слияние, взаимодействие и проч.) ведет к утрате точного смыслового значения данного термина (слова) как определенного понятия в данной науке, в нашем случае в общей экономической теории, политической экономии, включая сюда и экономикс. В Большой советской энциклопедии приводятся пять случаев применения термина «конвергенция», причем в совершенно разных науках: 1) в биологии; 2) в физиологии, медицине; 3) в языкознании; 4) в *современной социально-экономической теории*; 5) конвергентные зоны в океане. Во всех этих случаях приводятся разные понятия. Нас интересует последнее, но и оно, оказывается, имеет разные варианты, касающиеся *причины и сути* данного процесса в области производительных сил и социально-производственных отношений с примыкающими к ним хозяйственно-институциональными отношениями. К сожалению, на научные и идеологические различия этих вариантов не обращается достаточного внимания.

Автор рассматриваемого проекта выбрал из всего разнообразия вариантов теории конвергенции в качестве исходной теоретической базы теорию «гибридизации» капитализма и социализма П. Сорокина (Гарвард). И название предложенной к обсуждению системы российской экономики «новая интегральная модель общества» заимствовано у П. Сорокина. И суть такой интеграции-конвергенции такая же, как у первопроходца: соединение капитализма и социализма в одной системе идет в этой модели не путем превращения одного строя в другой, а путем синтеза луч-

ших сторон того и другого, так сказать, на равных. Однако так до конца остается неясным, какие элементы (производственные отношения) той и другой стороны сохраняются в предложенной концепции как положительные и отпадают как отрицательные. И как остающиеся структуры вписываются в единый механизм хозяйствования. Но если отдельные элементы могут как-то приспособиться к этому неизвестному механизму, то как будет обстоять дело в «интегрированной» экономической системе с объективными основополагающими *экономическими законами* капитализма и социализма? Обычно сторонники интеграции и конвергенции двух систем сводят почему-то (как сказано выше) всю проблему к сочетанию планирования с рыночным механизмом свободной конкуренции и свободного ценообразования. При этом обходятся стороной проблемы *собственности и основных законов, определяющих главные цели хозяйствования, способов распределения ВВП, обеспечения социальной справедливости*. В варианте Г. Н. Цаголова также нет ответа на эти вопросы. Некоторые сторонники конвергенции понимают ее как перевод социализма в состояние рыночной экономики с плюрализмом форм собственности и с непременным допущением частной собственности. Но такая «конвергенция» означала бы поглощение социализма капитализмом. Как сказано выше, Дж. Гэлбрейт («Новое индустриальное общество») исповедовал совершенно другую, весьма смелую и полезную для наших отечественных либералов версию конвергентности: не коммунисты, а объективный научно-технический прогресс требует введения плана вместо рыночных отношений. Это означало бы обратное движение: история избавляется от остатков капитализма. Правда, вопрос о собственности он оставлял в стороне. Однако его теория в целом не может быть, по нашему мнению, опорой концепции «новой модели интеграции общества» нашего уважаемого автора, как и «планово-рыночной модели» С. С. Дзарасова¹, поскольку, по Гэлбрейту, рыночные отношения уходят в прошлое. То же самое можно сказать и в адрес его концептуального предшественника — Дж. М. Кейнса, который конструировал модель государственного регулирования капиталистического хозяйства во имя спасения капиталистического способа производства, а не ради его конвергенции с системой *плановой экономики социализма*, хотя именно опытом советской экономики он не пренебрег.

Как же с позиций «новой модели интеграции общества» видится обновленная политическая экономия? Автор этой концепции — сторонник «Курса политической экономии», вышедшей в двух томах под редакцией его отца Н. А. Цаголова в 1973 г. Отвечая на вопрос интервьюера о пригодности «Курса...» для обновленной политической экономии, он высказал положения, свидетельствующие о признании им так называемого формационного, т.е. марксистского, подхода. По мнению Г. Н. Цаголова,

¹ Дзарасов С. Куда Кейнс зовет Россию? — М., 2012. С. 273 и др.

во-первых, в теории первобытного, рабовладельческого и феодального способов производства (I том) «много менять не требуется». Во-вторых, теорию капитализма (I том) надо лишь, по его словам, «дополнить новейшими модификациями» и фактами «углубления его общего кризиса», что означает в таком случае сохранение и использование методологии и теории «Капитала» Маркса, а значит, диалектико-материалистического метода анализа, трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости, что категорически не примут защитники капитализма, авторы неоклассического экономикс. Это осознает автор и поэтому говорит о параллельном существовании учебников по классической политической экономии капитализма и экономикс. Причем в политической экономии капитализма появляется «первая социалистическая форма» — государственное централизованное планирование без адекватного социалистического содержания. А это и есть, на наш взгляд, шаг к «социально ориентированной экономике» на почве и в рамках капитализма. Но иначе обстоит дело с политической экономией социализма (II том «Курса...» Н. А. Цаголова). Отвергается ее связь с коммунизмом, первой ступенью которого является социализм, а поэтому фактически отрицается и вся система категорий и законов социализма, ее логика и содержание, разработанные во II томе. Напротив, к планированию «добавляется капитализм и его эффективность». Что еще сохраняется от социализма и что добавляется от капитализма, кроме сохранения рыночных отношений, — это остается неизвестным. «Итог — биполярная система новой смешанной, или интегральной, формации как реальность и императив современного развития»¹. Как содержательно определить эту «формацию», неизвестно, поскольку неясно, какие у нее «ядро», доминирующий уклад, основополагающая форма собственности, каково соотношение «плана и рынка», какова главная, высшая цель способа производства, какой вектор ее развития и т.д. Во всяком случае, II том «Курса...», в котором представлена главная специфика и новизна в разработке политической экономии в широком смысле, несовместим с концепцией «интегральной формации».

По сути дела, методологию II тома «Курса...» и в целом его содержание как политической экономии социализма не включают (не принимают?) в предложенный курс «классической политической экономии» А. В. Бузгалин и А. И. Колганов. Их альтернативный проект² ограничивается политической экономией в «узком смысле», т.е. только политической экономией капитализма, что, вообще говоря, вполне правомерно, кстати, и потому, что в России социализм с его плановой экономикой разрушен и завершается переход к рыночно-капиталистической экономике. Курс же теории капитализма воспроизводит в основном логику «Капитала» в ва-

¹ См.: Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 87–88.

² См.: Там же. С. 129–130.

риантах, применявшихся в советских учебниках, в том числе в I томе «Курса...» Н. А. Цаголова, с учетом некоторых новых явлений. Однако проект не находит среди них никакой интеграции капитализма и социализма в самой капиталистической системе. Такой же позиции придерживаются в вводном курсе «Общая экономическая теория» под редакцией А. А. Пороховского, выпущенном кафедрой политической экономии в 2010 г. Его особенностью является попытка включить в общую ткань изложения ряд тем и подходов неоклассического синтеза (экономикс), отражающих внешние формы выражения простых рыночных и капиталистических производственных отношений, а также характеристику институциональной теории¹. Проект А. В. Бузгалина и А. И. Колганова не приемлет не только синтез (интеграцию) капитализма и социализма в самом капитализме как реальность, но и синтез (интеграцию) классической политической экономии и экономикс как теоретических доктрин.

2.4. Необходимость формирования единого народно-хозяйственного комплекса России

Комплекс взаимосвязанных отраслей и территорий (регионов) представляет базовую материально-техническую платформу, на которой существует, функционирует и развивается экономическая система с адекватным ей социальным содержанием. Некомплексность, деформация, а тем более разрушение этой платформы не могут быть компенсированы стягивающими скрепами экономических и институциональных отношений. И хотя без этих отношений система «не работает», трещины и провалы в общественном разделении труда подрывают фундамент экономического механизма, соединяющего процессы производства, обмена, распределения и потребления совокупного национального продукта. Отсюда высокая актуальность «диагностического» анализа положения дел в этой области вообще, сегодня в России в особенности. Очевидные аспекты этой актуальности определяются рядом обстоятельств.

Во-первых, необходимостью познания и детальной государственной оценки состояния нынешней структуры российской экономики вследствие тех изменений, которые произошли во взаимосвязях ее отраслей и регионов в результате прежде всего *распада «единого народно-хозяйственного комплекса СССР»*, разорвавшего или в лучшем случае резко ослабившего хозяйственную интеграцию между экономикой РФСР, ее регионов и экономикой всех остальных 14 союзных республик. Некоторое представление о масштабе потерь и структурных деформаций собственно российской экономики в результате разлома единого союзного народного хозяйства дают существовавшие межэкономические связи в виде потоков продукции различных отраслей союзных республик,

¹ Общая экономическая теория. Вводный курс: Учебное пособие / Под ред. А. А. Пороховского. — М.: Издательский дом «Кодекс», 2010.

идущей на потребление в России, и наоборот. В данном случае мы говорим о России. В конце 1980-х гг. на удовлетворение почти четверти потребностей России в продукции машиностроения, более чем на треть потребностей в черных и цветных металлах и примерно на четверть производственных нужд российской химической и традиционной с далекими времен легкой промышленности работали заводы союзных республик, не считая импорта из других стран. Особенно сильный удар по экономике России был нанесен Украиной с ее мощными металлургическими заводами, предприятиями машиностроения, судостроения, авиастроения, производства тепловозов, сельхозтехники, сахарной продукции, курортных районов Крыма, Азовского моря, Одессы и Измаила. Огромная территория с освоенной Целиной, богатейшими природными ресурсами, в том числе нефтяными богатствами, цветными металлами, отделилась в лице Казахстана от единого союзного хозяйства и государственной границей от российской экономики, и теперь экономические связи с российскими компаниями казахстанские предприятия пытаются восстанавливать постепенно, начав с вхождения в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана. Однако Таможенный союз как начальная форма интеграции независимых государств, затем создание Евроазиатского Союза не снижают значения проблемы структурной организации самостоятельных хозяйственных комплексов на уровне отдельных государств, бывших составных частей СССР в ранге статусов союзных республик, в том числе РСФСР.

Во-вторых, в том же направлении, что и распад СССР, оказал отрицательное влияние на существование как всего единого народно-хозяйственного комплекса Союза, так и соответствующего ему комплекса Российской Федерации *отказ от кооперационных отношений между странами бывшего СЭВа и воспроизводством России*. Понимание этого не требует специальных теоретических усилий. Некоторые из бывших партнеров по СЭВу быстро переключили свои экономические отношения на страны Евросоюза, оставив российские предприятия без поставок соответствующего оборудования, что привело к закрытию многих предприятий или отдельных их производств. Российские компании стали завязывать свои отношения с прежними и новыми западными фирмами по правилам свободной рыночной экономики и частнохозяйственных отношений. Пользуясь расстроенностью бывшей плановой российской экономики, неуправляемыми частными потребительскими рынками, западные предприниматели, в том числе и из бывших стран СЭВа, ринулись в российскую экономику по дорогам выгодного импорта своих товаров, заполняя продовольственные рынки. Рынки ширпотребности стали завоевывать дешевыми товарами китайские предприниматели. Иностранному капиталу предпочитает портфельные инвестиции, методы спекулятивного роста, игры на фондовой бирже. Общая картина такова, что сложившегося хозяйственного комплекса хотя бы с упорядочен-

ными остатками бывшей мощной обрабатывающей промышленности, устойчивым ценообразованием, свойственным развитой рыночной экономике механизмом конкуренции, способной продвигать технический прогресс, в России не существует.

В-третьих, бесспорную остроту представляет сегодня изучение последствий проведенной приватизации *основных фондов*, упадка обрабатывающей промышленности не только по указанным выше причинам, но и по внутренним, собственным причинам, и не только ее сердцевины — машиностроения, но и таких отраслей, как легкая и пищевая промышленность. В том, как была проведена приватизация основных производственных фондов, была заложена причина их разбазаривания, омертвления и прямого разрушения. Примером могут служить, по сути, разгромленные московские автомобильные заводы-гиганты ЗИЛ, «Москвич», знаменитый станкостроительный завод им. Орджоникидзе, телевизионные заводы, позорно законсервированные авиационные заводы, сельскохозяйственного машиностроения и др. Вместе с тем часть перспективных предприятий (с точки зрения их перепродажи или будущей доходности, о чем знали некоторые чиновники и банкиры) оказывалась не без помощи государственных кредитов и подсказок в руках отдельных частных собственников, в числе которых оказалось немало директоров предприятий, государственных управленцев, бывших комсомольских деятелей. Такая хаотическая ситуация не могла не ударить по классу наемных работников, в том числе инженеров и рабочих высокой квалификации, ухивших искать круги спасения в рыночных джунглях. Восстановление корпуса производственных специалистов — не менее сложная задача, чем возрождение отечественной промышленности в техно-технологической области. В целом после 25 лет преобразований отношений собственности и системы управления экономикой перед Россией встала необходимость проведения *новой индустриализации* во всех основных отраслях народного хозяйства, включая аграрный сектор. Идея этого все больше овладевает умами теоретиков и практиков. С ней связана и проблема *«социальной модернизации»*, которую уже официально начали решать Китай и Казахстан. Такие масштабные проблемы не могут решаться отдельными компаниями и регионами. Они адекватны уровню единых народно-хозяйственных комплексов, в том числе и национальной экономики России с ее ресурсами и традициями.

В-четвертых, в силу указанных перемен нарушены и *внутрироссийские межрегиональные* связи на почве сложившейся специализации хозяйства регионов. Те предприятия регионов (субъектов Федерации), которые имели производственные контакты с предприятиями других союзных республик и зарубежных стран СЭВа, при разрыве этих контактов вынуждены были искать новые связи, но уже на территории российских регионов. В противном случае их ожидало банкротство, переориентация производства на прежнем оборудовании, сокращение объемов продукции

и т.п. Между тем формирование собственного народно-хозяйственного комплекса РФ не может происходить без создания внутренней межрегиональной системы, соединяющей регионы друг с другом, и этот процесс не может выпасть из общего процесса. Возникает и вопрос о восьми (теперь — девяти) федеральных округах, созданных указом президента и не имеющих согласно Конституции статуса субъекта Федерации. У них нет конституционного права собственности, они не могут издавать законы для своей территории, выходить на внешнеэкономические связи за пределы России. Практика и анализ, однако, показывают, что управление федеральными округами не должно ограничиваться полицейско-надзорными функциями. Масштабы экономики контролируемых ими субъектов Федерации говорят о том, что в управление федеральными округами могла бы быть включена и экономическая компонента, ориентированная на проектирование развития больших сложившихся ранее, еще в советский период, экономических районов, их производственной и социальной инфраструктуры, координацию деятельности расположенных на их территории субъектов Федерации, а также крупных государственных и частных корпораций. В последнее время в прессе стала выдвигаться идея создания огромного единого экономического макрорегиона, объединяющего территорию от Урала до Дальнего Востока включительно. Сейчас на этой территории располагаются три федеральных округа: Уральский (частично), Сибирский и Дальневосточный. В этом варианте видится развитие в Сибири транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры, создание рабочих мест и рост доходов населения, повышение качества жизни и общей привлекательности сибирских и дальневосточных территорий. Данный вариант противостоит другому, выдвигавшемуся некоторыми учеными с развернутой пропагандой по телевидению еще в конце правления Горбачева. Этот вариант рассчитан на импорт новых технологий и оборудования, вахтовый метод использования рабочей силы, минимальные налоги и значительное сокращение населения, численность которого неуклонно снижается. В настоящее время первый вариант признан вполне обоснованно приоритетным на президентском уровне в декабре 2013 г. Вместе с тем вряд ли оправданно вести речь о слиянии существующих трех федеральных округов в один — Сибирский. Скорее, есть основание разделить огромный Сибирский федеральный округ на два: Западно-Сибирский (Новосибирск) и Восточно-Сибирский (Красноярск). Что касается формирования макрорегиона «Сибирь», то он мог бы стать особым прогнозно-плановым научным центром при Министерстве развития Сибири и Дальнего Востока под методологическим руководством РАН.

В-пятых, вступление России в ВТО добавляет к существующим серьезнейшие проблемы, в первую очередь обеспечения конкурентоспособности нашей обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства на собственных рынках перед лицом очевидного роста импорт-

ной интервенции товаров с более низкими издержками производства. При этом каждый из девяти федеральных российских округов и каждый из 84 (включая Крым) субъектов Федерации оказывается перед лицом специфических проблем, связанных с особенностями укоренившейся структуры экономики конкретного региона. Так, например, продолжает угрожать спад Челябинскому металлургическому комбинату, поскольку находящийся в кризисе Запад сократил закупки не только российских энергоресурсов, но и черных металлов. Кроме того, на металлургическую продукцию ВТО ввела различные 22 ограничительные меры, в основном антидемпинговые цены с высокими пошлинами, делающие российских металлургов неконкурентоспособными. Одновременно с этим внутренний рынок товаров был захвачен импортом — 44% товаров иностранного производства, говядина — 78%, игрушки — 70%, лекарства — 75%, с которыми наши предприятия конкурировать не в состоянии. Западные санкции резко сокращают долю импорта, принуждая тем самым к налаживанию замещающего производства и размещению его по регионам страны. Санкционная агрессия Запада наносит, конечно, удар по конкурентоспособности России, отодвигая решение этой честолюбивой претензии в условиях перманентного трансформационного кризиса с новыми проявлениями и навязывая России труднейшую проблему организации огромных масштабов производства импортозамещения. Парадокс в том, что недружественный Запад заставляет Россию делать то, что она давно должна была осуществить, освободившись от сырьевых олигархов и махинаций разросшегося финансового капитала с паразитирующей фиктивной ее частью. Не создав народно-хозяйственный комплекс, российская экономика не способна на равных состязаться ни на рыночном поприще ВТО, ни в условиях осложняющихся отношений с развитыми западными странами в настоящее время и в ближайшем будущем.

В-шестых, сохраняется потенциал восстановительной интеграции экономик стран СНГ. Ряд актуальных социально-экономических проблем интеграционного процесса на исторических корнях уже развернулся на полях СНГ. Начало положило образование *Союзного государства России и Белоруссии*, затем *Таможенного союза*. Теперь процесс интеграции развернулся в восточном направлении. Представляет интерес анализ ситуации, сложившейся в Казахстане, в северной части которого от Уральска до Павлодара проживает большой массив русскоязычного населения. Вместе с тем именно из Казахстана, от его президента пришла инициатива развития Таможенного союза, создания *Евразийского экономического союза (ЕАЭС)*. Думается, что Россия должна с уважением и вниманием, без великодержавности и «имперскости» (с претензиями А. И. Солженицына) отнестись к соседнему государству, в котором дружно живут и успешно трудятся казахи и русские. Переход

к ЕАЭС имеет не только политическое значение. Политический аспект формирования Союза, бесспорно, важен как выражение действенности объективной тенденции народов бывшего Советского Союза к единому государственному образованию. Однако потери экономики России, особенно в области промышленности в 90-е гг. прошлого века, связанные с распадом СССР и разрушением внутренних и внешних воспроизводственных связей между бывшими союзными республиками, другими социалистическими и многими капиталистическими странами, выдвигают в качестве первоочередной базисной необходимости восстановление и создание собственного расширенного воспроизводства, развитие новейшего техно-технологического фундамента народного хозяйства с избавлением от сырьевой доминанты. Интеграция экономик стран СНГ позволит наладить каналы единого воспроизводства на основе эффективного обмена природными и трудовыми ресурсами, продуктами материального производства, услугами социальной сферы, достижениями в различных областях культуры. Поскольку страны — члены ЕАЭС будут работать на основе правил ВТО, возникает, с одной стороны, необходимость (обязательность), а с другой стороны, возможность совместного обеспечения их конкурентоспособности на внешних и внутренних рынках. В этом отношении представляется важной для изучения данной проблемы прозвучавшая в столице Казахстана Астане идея замены конкуренции *взаимодействием* стран. По материалам СМИ можно заключить об ожидаемых *функциях* ЕАЭС и обозначить его определение (см., например: Российская газета. 2014. 30 мая. № 121). Это: 1) общее пространство со свободным перемещением товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, что фактически означает создание *общего единого рынка* в пространстве СНГ; 2) институт согласованной политики стран-участниц в ключевых отраслях экономики; 3) организация, действующая на принципах ВТО (в России с декабря 2013 г.); 4) в будущем со своим общим финансовым рынком; 5) ЕАЭС может стать впоследствии основой «политического, военного и гуманитарного единства», а с экономической стороны — прообразом (можно предположить) будущей основы Единого народно-хозяйственного комплекса (аналога ЕНХК СССР с соответствующей спецификой, если сохраняется государственный статус членов ЕАЭС). С января 2015 г. к ЕАЭС присоединилась Армения, затем — Киргизия.

Представляет интерес и анализ общего фона интеграционного процесса, характерного для современной мировой экономики, и места в нем отечественной составляющей. Не заходя слишком далеко, можно обратить внимание на так называемый «Общий рынок угля и стали», созданный шестью европейскими странами, включая Францию и ФРГ, в 1961 г. и сыгравший весьма важную роль в развитии послевоенной Европы, особенно в феномене экономического «чуда» германского возрождения.

«Общий рынок» явился, по сути, первой международной экономической программой. Эта интеграционная форма явилась началом появления новых более высоких с диверсификацией международных форм *обобществления* производства. Европейский союз (ЕС) с его объединенной экономикой возник на ее базе.

Нельзя не заметить, что в 1960–1970 гг. и в СССР в рамках развивающегося ЕНХК страны развернулся новый этап *всестороннего* интеграционного процесса. В связи с идеей перехода к этапу «развитого социализма» проблема дальнейшей интеграции стала важнейшим пунктом государственных программных документов, чертой этого «недостроенного» этапа. В рамках ЕНХК стали возникать разные виды интеграции и в области производительных сил, и в сфере производственных отношений: «территориально-производственные», «отраслевые», «межотраслевые» комплексы. На уровне микроэкономики развернулся процесс формирования «производственных объединений», которым передавались от отдельных предприятий функции относительно самостоятельных субъектов товарно-денежных отношений и полного хозрасчета (аналог корпорации в рыночно-капиталистической системе).

Современный интеграционный процесс в России, учитывая как ее внутренние проблемы, так и проблемы СНГ, требует, конечно, активного участия государства. Тем более что либеральная часть правительства упорно сопротивляется усилению его воздействия на экономику. Между тем институциональные отношения в лице высших органов управления способны, как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт, обеспечить не только восстановление нарушенных воспроизводственных связей, но и наладить новые внутренние и международные связи для создания и внедрения техно-технологических инноваций, организовать огромных масштабов строительство производственных, энергетических, социально-культурных объектов. Такого рода созидательные мероприятия нуждаются в непосредственном участии в управлении народно-хозяйственными процессами соответствующих институтов типа Госплана СССР, а для организации и соединения научных исследований и разработок с производством в масштабе страны — типа Государственного комитета по науке и технике. Только с помощью таких институтов страна может избавиться от сырьевой доминанты в своей экономике и обеспечить расширенное воспроизводство не только в денежно-финансовом (стоимостном) выражении, но и в создании необходимого и возможного при российском производимом и природном богатстве растущего объема и разнообразного ассортимента потребительных стоимостей (благ) производственного и непроизводственного назначения.

Генеральная линия экономического противоборства России различного рода «санкциям» и другим недружественным акциям со стороны ряда развитых западных стран — в структурной перестройке пропорций

народного хозяйства, способных обеспечить режим самостоятельного национального расширенного воспроизводства страны во всем многообразии ее отраслей, видов экономической деятельности и определения в нем места каждого региона. Только такой комплекс сможет успешно решать и проблемы *импортозамещения, национальной экономической безопасности*, включая и *оборонную безопасность*. Только такой комплекс может открыть перспективу ухода России не только от однобокой сырьевой экономики, но и от позорного 152-го места в мире по продолжительности жизни — одного из трех оснований измерения общемирового показателя «человеческого развития». Создание такого комплекса при наличии богатейших и разнообразнейших природных ресурсов (даже при тех потерях, которые произошли при отходе бывших союзных республик) — задача нелегкая, но разрешимая, как показал опыт индустриализации народного хозяйства СССР, построившего единый народно-хозяйственный комплекс производства, обмена, распределения и потребления на территории всей страны.

2.5. Роль социального государства, стратегического планирования в формировании единого воспроизводственного комплекса и модели социально ориентированной экономической системы

Комплекс грандиозных проблем требует, конечно, от общегосударственного нового курса экономической политики актуализации научного и практического интереса к концепции и методам определения *среднесрочной и долгосрочной социально-экономической перспективы России* (проекты, программы, планы). Отсюда необходимость конструирования «дорожной карты» поэтапного стратегического развития страны и регионов со «структурными схемами» межотраслевых, межрегиональных и внутрирегиональных связей на каждом этапе (координаты времени и пространства) с приоритетной ориентацией общенациональной и региональной экономики на решение *социальных проблем*. Российская экономика — не плановая, а рыночная, поэтому, естественно, и методы государственного регулирования экономики не директивно-плановые, а «планово»-рыночные (сочетание государственно-правовых и рыночных регуляторов на базисе частного и частно-корпоративного хозяйствования). Перед такой «смешанной» экономикой, не *завершившей еще переходный период и по международным стандартам относящейся к странам со становящейся рыночной экономикой*, перспектива выдвигает указанные выше ключевые задачи. Чтобы решить эти проблемы, необходима структурная перестройка пропорций. Для этого нужен межотраслевой и межрегиональный перелив капитальных инвестиций (аллокация, миграция капиталов), который может происходить двумя путями: а) уход капита-

ла из одной отрасли и переход его в другую отрасль, что может происходить и на тех же предприятиях, и б) направление новых капиталовложений (инвестиций) преимущественно в определенную отрасль, в тот или иной регион. Капитализм выработал и механизм такого перемещения капиталов, координации функционирования различных сегментов экономической системы. Это прежде всего *межотраслевая конкуренция* за более прибыльное приложение капитала, слияние и поглощение капиталов, приводящие к росту концентрации капитала и производства, к его диверсификации при посредстве кредитно-банковской системы и фондового рынка. Современная рыночная экономика развитых западных стран «признала» необходимость и вовлекла, как уже говорилось, вследствие высокого уровня реального обобществления производства в свою сферу постоянную, хотя и ограниченную, регулирующую функцию государства. В нынешней экономике России такой механизм еще не сформировался. Поэтому функция макроэкономических структурных преобразований в системе пропорций в определяющей мере может осуществляться только *с участием государства*¹ с использованием рыночных и нерыночных методов структурирования экономики, включая соотношение добывающей и обрабатывающей промышленности и социальной сферы во взаимосвязи с материальным производством, его различными отраслями. Многие межрегиональные и даже региональные проблемы восстановления, реконструкции и инновационного развития, имея в виду их российские масштабы, особенности рельефа местности, лесные массивы и пр., не могут решаться без помощи государства как в принятии решений, особенно связанных с большими рисками, так и в организации финансирования и притока рабочей силы.

Конституция РФ определяет российское государство как *социальное*, что требует, на наш взгляд, от правительства (понимаемого в широком смысле) активного осуществления функции *социального ориентирования экономики*. К сожалению, в научном плане отсутствуют в нашей литературе разработки этой темы. Многие вообще не видят в ней принципиальных особенностей постановки проблемы, трактуя формулу Конституции как декларацию или как то, что уже имеет место в деятельности современных государств, в том числе и России, в виде социального обеспечения, социальной защиты, частичного бесплатного образования и здравоохранения, некоторых льгот для участников войн, различной благотворительности и т.п. Однако в юбилейный, 20-й год Конституции РФ в средствах массовой информации, в том числе от депутатов парламента, стали раздаваться голоса о необходимости разъяснений понятия

¹ Аносов А. Ю., Гавкалова Н. Л. Модернизация: путь в будущее // Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии. Сб. Т. 2 / Под ред. В. П. Колесова, Л. А. Тутова. — М.: ТЕИС, 2012. С. 22–29.

«социальное государство». Юристы помалкивают. Думается, что социальное государство, хотя оно в понимаемом обычно смысле и не трактуется как «социалистическое», отражает все же высшую возможную при капитализме ступень объективного процесса *социализации*, усиливающейся прежде всего под давлением роста реального обобществления производства, развития общественного характера современных производительных сил, глобализационных процессов. Эта прежде всего материально-техническая и организационно-управленческая перестройка мировой экономики требует качественного усиления регулирующей (прогнозной, программной, стратегически-планирующей) роли в жизни общества, в том числе и прежде всего в области экономики и социальной сферы¹. Такое требование объективно увязывается с другим — с интересами роста материального благосостояния и духовно-нравственного развития людей, недопущения роста безобразного социального неравенства между ними, включения работников в органы управления предприятиями, обеспечения бесплатного здравоохранения и образования, культурного роста всех слоев общества и т.д. Конечно, неуправляемая рыночная экономическая система сама по себе не реализует противостоящие ее природе эти требования новых производительных сил, но социальное государство частично может решать эти проблемы, чем и вызвано появление таких понятий, как «социальное рыночное хозяйство», «социально ориентированная рыночная экономика» в рамках капиталистического строя. Думается, что принятие в 2014 г. Федерального закона РФ о введении *стратегического планирования* является фактическим признанием принципиально важного координирующего все части российской экономики одного из главных звеньев *социальной ориентации*, встроенной в форму движения национальной экономической системы.

3 июля 2014 г. произошло событие эпохального значения. Общественно-национальный официоз «Российская газета» (№ 146 (6418)) опубликовала полный текст Федерального закона РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон был принят Государственной Думой 20 июня 2014 г., одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 г. и подписан Президентом Российской Федерации 28 июня 2014 г.² По своему содержанию, характеру, целям и задачам он выделяется из ряда множества законов, принятых после распада СССР в области экономики и всего социально-экономического строя РФ. Только обыватель или хитроумный либерал, противник и яростный борец с самой идеей и реальной практикой плановой экономики, могут не понять и «не заметить» осо-

¹ Кульков В. М. Проблемы макроэкономического измерения и задачи модернизации российской экономики // Национальное богатство и национальный продукт. Кн. II / Под ред. В. Н. Черковца. — М.: ТиРу, 2012. С. 54–58.

² Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля. № 146 (6418).

бой принципиальной роли этого закона, состоящей в том, что он определяет правовые основы существенного изменения в структуре современной модели российской экономической системы, в механизме ее функционирования как развивающейся рыночной экономики и в целом социально-экономического развития страны, всех субъектов Федерации (как отдельно взятых, так и в составе макрорегионов) и даже муниципальных образований. Само *стратегическое планирование* понимается в законе широко, включая такие ингредиенты, как целеполагание, прогнозирование, собственно планирование, программирование, и ведется на трех уровнях: федеральном, субъектов Федерации и муниципальных образований, т.е. должно стать, по сути, *всеобщей формой* деятельности по общегосударственному регулированию экономики и социальной сферы. Это уже, конечно, не общепризнанные черты (формы, элементы) рыночной экономики даже в той ее современной форме, когда осуществляется активное, но частичное государственное регулирование так называемой «смешанной экономики» в варианте сочетания некоторых государственных функций регулирования экономики и превалирующих по своей роли рыночных механизмов (внутриотраслевая и межотраслевая конкуренция, свободное ценообразование, не управляемая сверху миграция капиталов за границу и обратно и т.д.). Стратегическое планирование, как оно определяется в указанном законе, выходит за рамки традиционных, имманентных признаков рыночно-капиталистического хозяйства.

Возникает противоречие в идеологических, методологических и теоретических рамках курса и реальной динамики перехода России к рыночной экономической системе, ставящее под сомнение прямолинейный возврат России к капитализму, указывающее на необходимость считаться с исторической закономерностью и особенностями ее национальной специфики.

Вряд ли можно отрицать, что одним из важнейших ключевых вопросов противостояния и критики советской экономической системы либеральной частью управленцев и представителей науки наряду с вопросом общенародной собственности на средства производства был вопрос о плановой экономике с ее централизованным долгосрочным, среднесрочным (пятилетки) и годичным планированием народного хозяйства. Атака на эти краеугольные категории экономической системы социализма, постепенно разворачиваясь и усиливаясь, была инициирована, по существу, идеологическим настроем XX съезда КПСС («новое мышление»!). Опуская детали истории этого поворота в идеологии правящей партии, отметим, что анализ показывает в программе дальнейшего развития социализма рождение претенциозной новой теоретической «парадигмы» ускоренного перехода к высшей, идеальной фазе коммунизма как антикапиталистического строя. Дальнейшие со-

бытия, особенно 80-х гг. прошлого века, показали, к каким результатам эта линия привела. Отказ от народно-хозяйственного плана на 1990 г. дал старт в этом же году к первому после Великой Отечественной войны спаду общественного производства (совокупный общественный продукт и национальный доход упали на 4 и 2% соответственно), положив, таким образом, на финише еще советской экономики начало перманентного экономического кризиса, превратившегося в результат и выражение трансформационного кризиса, не завершившегося полностью до сих пор.

Системе стратегического планирования уже трудно найти место в Вашингтонском консенсусе, вообще в либерально-монетарной неоклассике, соединить с методологическим индивидуализмом, принципом реальных ожиданий, с загадочными маршрутами движения капиталов в финансово-кредитной сети, с ложными показателями фиктивного капитала. Стратегическое планирование с обозначенным в законе содержанием не имеет прямых мостов и к кейнсианской модели. Скорее, здесь обозначается, возможно, и неосознанно, «дорожная карта» к социально ориентированной рыночной экономике с усиленным по сравнению с рядом европейских стран новым социальным моментом, но без отказа от частнокапиталистической собственности вообще, от ее олигархической разновидности в особенности. Однако остается неясным, попадает ли частный сектор в сферу деятельности по стратегическому планированию. Из текста документа ясно только, что попадают в эту сферу корпорации с долей государственного участия, но о частных корпорациях закон умалчивает. Можно предположить, что стратегическое планирование ограничивается, по закону, только государственными и государственно-частными объектами. С этой точки зрения понятие «стратегическое планирование», данное в законе, применяется к какому-то варианту «смешанной экономики».

В законе нет теоретических объяснений соотношения организуемой системы стратегического планирования и системы «централизованного планирования народного хозяйства» в структуре советской плановой экономики (общность, различие, отрицание). Нет также теоретического обоснования необходимости введения стратегического планирования в рыночную экономику, располагающую собственными специфическими регуляторами взаимодействия производства и потребления, спроса и предложения, сбалансированности отраслей и аллокации (перемещения) капиталов и др. Почему возникает необходимость реконструкции рыночного механизма и насколько существует возможность согласованного взаимодействия регуляторов двух принципиально противоположных типов экономических систем? Конечно, правовой закон не должен выполнять миссию научных политэкономических доказательств подобного рода. Но они вообще должны быть представлены и научному

сообществу, и в более популярной форме — гражданам страны. Но их нет ни в зарубежных, ни в российских научных публикациях высокого уровня. Нет их и в широко распространенных учебниках «Экономикс», внедренных в преподавание экономической теории в российских вузах. Молчат на сей счет пересказывающие западных авторов российские учебники «Макроэкономики», идеологически прямо нацеленные на дискредитацию плановой экономики с ее механизмами общенационального централизованного планирования в сочетании с полным хозрасчетом государственных предприятий. О государственном планировании, определяющем целеполагание производственной деятельности отдельных корпораций, и слышать не хотят авторы учебников «Микроэкономики», признающих в качестве цели производства действительный объективно и субъективно присущий природе капиталистического хозяйствования факт извлечения максимума прибыли (прибавочной стоимости). Ясно, что какие-либо другие варианты целеполагания от имени общества в форме государственных интересов, приоритетов социально-экономического развития и мер по обеспечению национальной безопасности, закладываемых в социально-экономическую и бюджетную политику, реализуемую через прогнозирование, планирование и программирование, будут находиться в противоречии с фундаментальной целью капиталистического предприятия. Игнорировать эту цель невозможно, ибо микроэкономическая структура капиталистического способа производства (экономикс) является его первоосновой и исходным пунктом его макроэкономической части. Нельзя не учитывать также, что олигархическая верхушка капитала своими корнями уходит в микроэкономическую почву. Олигархические интересы раздваиваются. И далеко не факт, что общенациональная часть этих интересов берет верх. Если, таким образом, руководство (в широком смысле) России законодательно вводит систему стратегического планирования, оно должно столь же законодательно утвердить принцип приоритета общенациональных интересов и механизм их связи с микроэкономическими целями предпринимателей, включая меры их ответственности за реализацию принятых ими обязательств в решении общенациональных задач.

Можно считать, что внедрение такой системы стратегического планирования означало бы еще один крупный шаг по азимуту социально ориентированной рыночной экономики, дальнейшее продвижение процесса *социализации* экономики пока еще в условиях сохранения рыночно-капиталистического строя. Этот процесс, идущий уже давно как бы по ступенькам растущего реального обобществления производства в развитых капиталистических странах Запада, имеет в России ту существенную особенность, что до развала СССР он происходил в иных общественно-экономических и политических условиях советского социа-

лизма как результат *планомерной индустриализации* всех (хотя и в разной степени) отраслей и регионов на всем так или иначе пространстве народного хозяйства страны. Таким образом, реставрация капитализма в 1990-х гг. происходила на более высокой ступени социализации, принявшей капиталистический характер по аналогии с процессами высокого обобществления производства в западных капиталистических странах. Однако этот переход при полном отказе от централизованного планирования народного хозяйства, благодаря грабительской приватизации государственных предприятий и свободному ценообразованию обернулся для России разрушением материально-технической базы, особенно в обрабатывающей промышленности, сократившей наполовину объем производства, а традиционная для России легкая промышленность упала до 4%. Почти 25 лет не хватило России при преобладании частной собственности и отсутствии планирования для полного восстановления объемов производства 1990 г. к настоящему времени. Неэффективность бесплановой рыночной системы с приоритетами частной собственности на средства производства в течение прошедшего времени очевидна. Возвращаться к преобладанию государственной собственности высшее управление страной не собирается. Более того, готовит новую волну приватизации. А вот курс на создание системы стратегического планирования дает повод думать о частичном возвращении системы планового ведения и развития национальной экономики, о сохранении, стало быть, некоторого опыта советской экономической системы. В данном случае речь идет не о некоей «конвергенции» капитализма и социализма. Россия и по Конституции РФ, и по целевым установкам переходного периода, и по структуре и содержанию складывающихся общественно-производственных отношений идет по рыночно-капиталистическому пути социально-экономического развития, т.е. по пути, противостоящему, отрицающему социализм как определенное историческое общественно-экономическое устройство и образ жизни людей. Речь идет об использовании капитализмом ряда элементов социализма для «лечения», укрепления, повышения эффективности его рыночной системы и в конечном счете для его сохранения, выживания. Когда-то великий французский экономист — классик Ф. Кенэ сравнивал государство с лекарем, которого призывают в экономику, когда она заболевает, чтобы ее подлечить. Дж. М. Кейнс фактически с аналогичной целью искал методы государственной бюджетной и кредитной политики, чтобы вывести капитализм из депрессивного состояния. Нечто подобное мы можем увидеть в апелляции российского руководства к системе стратегического планирования, которое было органическим элементом государственного централизованного планирования народного хозяйства в СССР, являвшегося главной формой осуществления (проявления) *планомерности* — объективного экономического закона социализма на базе общенарод-

ной собственности на средства производства, исходного пункта системы категорий экономической теории социализма. Ни термина «конвергенция», ни понятия «государственный капитализм» Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» не употребляет, отражая, судя по всему, идеологию классического либерализма, с одной стороны, непризнания социализма как закономерной общественной системы и, с другой стороны, отрицания вмешательства государства вообще в процесс функционирования рыночной экономики («чем меньше в экономике государства, тем лучше»). Переход же к государственному капитализму как всеобщей системе, в которой полностью доминирует государственное предпринимательство, объективно несовместим с капитализмом вообще, так как означал бы, по существу, ликвидацию частного сектора в экономике и ее рыночной природы. Государственный капитализм сохраняет свою сущность как капитализм только как сектор «смешанной экономики». Именно в боязни возможной перспективы приоритетного развития госкапитализма кроется самая глубокая причина политического противостояния такому процессу класса капиталистов, особенно его олигархической части, даже в форме так называемого партнерства с государством в совместных инвестициях и корпорациях.

Такая тенденция известна уже давно как противодействие отмиранию частной собственности. Классический пример с частной собственностью на землю, являющейся причиной образования абсолютной земельной ренты и присвоения ее вместе с частью дифференциальной земельной ренты, возникающей на лучших землях, земельным собственником, объясняет причину непринятия представителями капитала идеи национализации земли с исчезновением абсолютной ренты, снижением цен на сельскохозяйственные продукты и передачи государству для общенациональных нужд части дифференциальной ренты. Выгоду для всего общества перевешивает инстинкт опасения посягательства на частную собственность вообще. Отсюда: не допустить национализации всей земли, не дать расширяться государственному капитализму и теснить частный капитал.

Вопрос о земле архиважен для России с ее огромным географическим пространством. Землю, населенную российским народом, надо оценивать во всех ее «ипостасях». Она не только место обитания человека и предоставляет ему естественные условия жизнеобеспечения. Земля — всеобщий предмет человеческого труда, источник вместе с трудом создаваемых потребительских благ («труд — отец богатства, земля — его мать»). Земля — это поле для земледелия, пастбище для животных, почва для лесных массивов, кладовая полезных ископаемых, источник и ложе водных ресурсов и т.д. Земля, согласно Конституции РФ (ст. 9), является «основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей

щей территории» и в то же время находится в «частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Но как, например, можно истолковать основу жизни народов, т.е. народную собственность, как частную, как соединить ее с продажей и куплей? Аренда — это другой вопрос. Как формируется цена земли в условиях российской рыночной экономики практически (и теоретически)? Возникает особый вопрос о собственности на природные ресурсы. Если они «народные» и находятся в собственности у государства, то как объяснить монополию на них государственных или частных корпораций в качестве источника миллионно-миллиардных доходов их управляющих директоров, отдельных собственников, реализующих в своих интересах эту монополию? Нельзя пройти мимо и экологических проблем окружающей среды во взаимосвязи с общественным воспроизводством, хищнического использования ограниченных природных богатств, доступных человечеству. Общечеловеческая, национально-страновые и региональные задачи — сохранение этого богатства на Земле и, конечно же, в России, живущей сейчас на базе сырьевой экономики. И это еще один аргумент в пользу стратегического планирования с жестким обеспечением реализации его научно обоснованных индикаторов.

Ограничиться одним прогнозированием (с тремя или двумя вариантами прогноза) наша экономика уже не может, войдя в полосу почти без экономического роста. Всего 1% роста ВВП ожидало Министерство экономического развития накануне 2015 г. (Российская газета. 2014. 27 августа. № 193 (6465)), а произошло снижение, по данным Росстата, почти на 4% (Парламентская газета. 2015. № 43. С. 17)! Такие прогнозы — предположения, а не обязательный для исполнения план. Совершенно обоснованно Федеральный закон о стратегическом планировании признал (гл. 15) утратившим силу Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 25 июля 1995 г., утвердивший в самый разгар экономического кризиса отказ от планирования вообще, в силу чего и программы оказались столь же «ожидаемыми», скорее неопределенными, что и разноцветные (многосценарные) предсказания-предположения. Теперь прогнозирование превращается в необходимый ответственный работающий элемент системы стратегического планирования, на базе которого должно осуществляться собственно планирование (разработка плана), реализующееся в программах социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, а также отраслей экономики, сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности страны. Вводится мониторинг и контроль реализации документов *всей системы* стратегического планирования. В законе она не именуется, по аналогии с советской экономикой, системой *централизованного*

планирования народного хозяйства. Однако единство централизации и децентрализации здесь присутствует де-факто, как и принцип децентрализации использовался в советском плановом управлении, поскольку реальный хозрасчет покоился на относительной хозяйственной самостоятельности предприятий (объединений), которые к тому же могли производить и сверхплановую продукцию. Однако рыночная экономика по самой своей природе исключает директивность централизованного планирования или допускает этот принцип в ограниченной мере по отношению к государственным корпорациям и отдельным государственным программам...

Первородные истоки идеи планомерного развития генетически заложены в самой природе человеческого труда, в его *целесообразном характере*. Говоря словами классика, человек всегда, при любых общественных условиях в отличие от «пчелы» *планирует* свою собственную работу, соединяя в процессе труда умственный и физический труд. Не случайно, прибегая к аналогии, можно утверждать, что и Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», определяя его участников, на первое место ставит деятельность в процессе *целенолагания* (гл. 1, ст. 1, п. 3). Конечно, нельзя ставить знак равенства между отдельным человеком с его индивидуальным трудом и обществом с совокупными общественно-разделенным и в то же время связанным экономическими отношениями трудом, между «микропланом» индивида и «макропланом» государства, общества. Между ними долгая историческая эволюция с различными ступенями, но ее ступени «завернуты» в логику современной структуры общественного труда, воспроизводятся в ней, хотя не все направления этой эволюции приводят экономику непосредственно к высшей «целесообразности» — стратегическому и текущему планированию народного хозяйства в масштабе страны, более того, ее комплексного социально-экономического развития. Целесообразный характер приобретает кооперация труда в ее различных видах и на различных уровнях и при стандартном капитализме. Но рыночная экономика в силу частной собственности на средства производства выходит в самой большей мере на «смешанную» государственно-корпоративную систему с массой обслуживающих мелких вспомогательных структур и по самой своей природе не нуждается в системе обязательного для исполнения стратегического плана и противостоит ей, хотя стратегический прогноз с его многовариантными предположениями (нередко напоминающими «гадания на кофейной гуще») вполне устраивает частный капитал.

Введение стратегического планирования ставит теперь перед теоретиками российского либерального фронта трудную задачу. Если Федеральный закон «О стратегическом планировании» интерпретировать только в институциональном смысле, ограничиваясь организацией системы

взаимодействующих учреждений и подготовкой ими указанных в законе соответствующих документов и контролем их исполнения, то задача, конечно, облегчается. В законе предусматривается создание (наличие) федеральных органов, которые на основе ежегодных посланий и указов президента разрабатывают прогнозы и стратегию социально-экономического развития страны на шесть лет и другие документы, осуществляют функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию, обеспечению национальной безопасности страны и т.д. Указывается, чем должны заниматься в системе стратегического планирования субъекты Федерации и муниципальные образования. В законе не даются названия соответствующих федеральных органов, однако по определению задач и функций можно предположить создание аналогов таких мощных институтов, как ГКНТ (Государственный комитет по науке и технике) и Госплан СССР, что усиливает вывод о некоем ренессансе механизма плановой экономики. Однако характер системы планирования — директивный, частично директивный, индикативный и пр. — в законе не определен. Думается, что на этой «площадке» еще предстоит состязание разных экономических и политических концепций, в том числе и в руководстве страны.

Другое дело, что термин «социально ориентированная экономика» может применятся и применяется по отношению к некоторым «развивающимся» странам, декларирующим переход *к социализму*. Однако КНР характеризует свою экономику как «социалистическую рыночную экономику», признавая вместе с тем нахождение страны на начальной ступени перехода к социализму¹. Вьетнам менее категорично называет свою систему «экономикой социалистической ориентации»².

Высокоразвитые «социальные» государства, сохраняя и обновляя рыночно-капиталистическую мировую систему, вместе с тем не могут допускать экономической эксплуатации отсталых в своем развитии стран, тем более военных угроз, унижения их национального достоинства. Мировое значение и юридическое определение *статуса социального государства*, особенно в условиях нынешней мозаики государственных образований, должна установить Организация Объединенных Наций.

Как уже отмечалось на международных конференциях экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по проблемам инновационного развития экономики России, особенно на третьей (2010), четвертой (2011) и пятой (2012), курс на модернизацию экономики России не может быть ограничен кругом инновационных изменений в области

¹ *Чень Жуйфень*. Наши принципы — справедливость и социальное равенство // Правда. 2013. 11–14 января. № 2 (299920).

² *Динь Тхе Гуинь*. Рыночная экономика социалистической ориентации // Правда. 2013. 1–4 февраля. № 11 (299929).

производительных сил, хотя решающей задачей для утверждения формирующейся национальной экономической системы России является именно восстановление и обновление понесшей колоссальные потери в 1990-х гг. и устаревшей *материально-технической базы* страны, ее *новая индустриализация*. Однако непреходящую область экономической модернизации составляют также и *общественно-экономические (социально-производственные) отношения* и соответствующие им *хозяйственно-институциональные отношения*, что также отмечалось и подчеркивалось на международных конференциях экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Обоснование такой части модернизации с ее принципиальными качественными и количественными индикаторами должна дать общая экономическая теория, политическая экономия, опираясь на конкретно-экономические исследования, способные дать материал для разработки *общей концепции дальнейшего социально-экономического развития России*, включая как производительные силы, так и общественно-экономическую сторону производства. Пока же такая концепция, характеризующая официальное представление о долгосрочной перспективе социально-экономического развития России, ее общенациональную и общегосударственную «идею», воспринимаемую большинством народа, отсутствует. В этом отношении нас опережает Китай, сделав упор на социальную сторону жизни общества, особенно на устранение прежде всего глубокого разрыва между городом и деревней. На последнем съезде КПК прозвучала идея *гармонии* как главной сущности социализма с китайской спецификой¹. Республика Казахстан осуществляет, хотя бы декларативно, «социальную модернизацию» страны как главную программу ее преобразований. Поскольку вопрос о социальном может толковаться и в широком и в узком смысле, включая экономическую модернизацию, а с другой стороны, только социальную сферу и вопросы социального равенства и справедливости, в целом есть основания рассматривать современную модернизацию как комплексный процесс. Необходимость *комплексной модернизации* России активно обсуждается и в научных кругах, и в выступлениях общественных деятелей. Речь идет не только об экономике. На повестке дня — модернизация общества, о чем было сказано еще на третьей из указанных университетских конференций. *Модернизация современного российского общества — многосторонняя, интегральная и многомерная проблема*, охватывающая все его стороны и сферы. Очевидна глубокая взаимосвязь и взаимовлияние процессов обновления его различных звеньев. Отсюда вытекает необходимость указания на комплексный характер современной модернизации и соответствующего его отражения в возможной научно обоснованной и законодательно утвержден-

¹ Чень Жуйфень. Указ. соч.

ной парламентом «Комплексной программе модернизации производительных сил и всей системы (совокупности) общественных отношений как в материальной, так и в нематериальной сферах жизнедеятельности общества»¹. Общегосударственный интерес требует актуализации научного и практического внимания к концепции и методам определения среднесрочной и долгосрочной социально-экономической перспективы России (проекты, прогнозы, программы, планы) на основе инновационной модернизации. Отсюда необходимость конструирования глубоко *разработанной всем комплексом наук — фундаментальной, медицинской и сельскохозяйственной — во главе с Российской академией наук (РАН) как верховным научным центром страны* «дорожной карты», системы федеральных программ поэтапного стратегического развития страны и регионов со «структурными схемами» межотраслевых, межрегиональных и внутрирегиональных связей на каждом этапе (координаты времени и пространства) с приоритетной ориентацией общенациональной и региональной экономики на решение под руководством государства крупнейших социальных проблем².

* * *

В «Курсе политической экономии», выпущенной в двух томах под редакцией Н. А. Цаголова (М.: Экономика, 1963, 1970, 1973—1974), была разработана в системе законов и категорий политической экономии социализма (II том) *планомерность* функционирования и развития социалистической экономики в блоке объективного экономического закона планомерности (сущность) с централизованным планированием и плановым управлением народным хозяйством в качестве *наиболее общей формы движения* социалистической экономики и теоретически *исходного пункта ее логического воспроизведения* методом восхождения от «абстрактного к конкретному» как системы. Это положение сопрягалось с отрицанием товарного (рыночного) *характера* социалистического производства наряду с признанием сохранения в плановой экономике реальных товарно-денежных отношений и закона стоимости и необходимости их эффективного использования. Далеко не все советские экономисты соглашались с этим, одним из главных положений «Курса...», вели с ним полемику, но большинство из них стояло на позиции признания «закона планомерного (пропорционального) развития социалистического хозяйства».

¹ Черковец В. Н. Тенденции, типы и виды модернизации современной российской экономики // Вестник Московского университета. Серия «Экономика». 2011. № 2. С. 16.

² Глазев С., Ивантер В., Макаров В., Некштелов А. и др. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука. 2011. № 3.

Проблема планомерности социально-экономического функционирования и развития общества будет с нарастающим звучанием и новыми акцентами усиливать свою актуальность не только в России, но и в мировом масштабе. И в памяти о тех, кто внес свой вклад в теоретическое обоснование объективной закономерности ее возрастающей значимости и научную пропаганду, должно сохраниться место для Николая Александровича Цаголова (1904–1985).

Глава 3

СОБСТВЕННОСТЬ НА УСЛОВИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

3.1. Собственность и ее ракурсы (теоретические аспекты)

Собственность — уникальное общественное явление и теоретическая категория, с давних времен представлявшая особый предмет внимания, изучения и столкновений.

Первый принципиальный аспект состоит в том, что она имеет *разные стороны*: правовую (юридическую), экономическую, нравственную. Из них первые две оформлены более строго, и основные различия между ними сводятся к следующему. Экономическая сторона, во-первых, отражает отношения между людьми по поводу присвоения факторов производства (и других элементов богатства) и результатов производства, а не просто имущественное отношение к вещам. Во-вторых, в ней акцент делается на динамике, отражая воспроизводственный процесс происхождения и движения экономических благ. В-третьих, она фиксирует социально-экономическое положение людей (характер и степень зависимости, дифференциацию доходов, специфические интересы социальных групп и хозяйствующих субъектов), в то время как правовой подход инертен к этому, ставя во главу угла формальную законность или незаконность действий.

Второй аспект состоит в том, что, в свою очередь, собственность как экономическую категорию можно, на наш взгляд, представить как *совокупность трех ее сторон* (уровней, ракурсов): социально-экономического содержания, форм собственности и прав собственности. Обычно они (особенно это относится к первой и последней характеристикам) берутся как сосуществующие, неспособные к объединению и, более того, как противостоящие друг другу. Мы исходим из того, что имеется определенная возможность их интеграции, и постараемся показать это. Без этого «собственническая» картина экономики становится обедненной.

Содержание собственности определяется типом социально-экономического присвоения (кто, что и — главное — как присваивает в процессе экономической деятельности). Присвоение — важнейшая черта экономических отношений, и, будучи вычлененным из всей совокупности этих отношений, оно определяет содержание собственности как особого экономического отношения. Данное понимание собственности науч-

но-исторически сопряжено с формационным подходом к классификации экономических систем и более детально раскрыто применительно к капиталистическому типу присвоения как специфически антагонистическому присвоению. Указанный социальный ракурс присвоения не утратил своего научного значения. Но сфера его распространения может быть значительно расширена. Анализ типа присвоения может затрагивать соотношение общенационального и частного присвоения, содержание и сферы теневого и криминального присвоения, особого рентного присвоения, этноэкономического присвоения и т.д. Здесь отношения присвоения возникают (в отличие от традиционного формационного подхода) между широким кругом разных экономических агентов в их различных конфигурациях: предпринимателями (фирмами), работниками, домашними хозяйствами, государством, местным самоуправлением, этническими, конфессиональными общинами и др. «Присвоенческий» подход высвечивает очень важный аспект экономических отношений, затрагивая широкую совокупность взаимодействий. К этому следует добавить и то, что сопровождавшее весь XX в. формирование смешанных экономик характеризовалось возникновением и расширением смешанного способа присвоения: «капитало-ориентированный» (частнопредпринимательский) способ в той или иной мере дополнялся и ограничивался социально ориентированным способом присвоения, реализующимся прежде всего в разнообразных социальных гарантиях, независимых от обладания людьми факторами производства, и в возможностях работников и широких слоев населения влиять на принятие экономических решений.

Форма собственности — явление более конкретное, определяемое со стороны какого-либо узкого критерия. Так, по субъектам собственности можно выделить применительно к условиям современной России частную (физических и юридических лиц), государственную (федеральную и субъектов Федерации), муниципальную формы собственности, а в другом ракурсе — собственность коммерческих и некоммерческих организаций и т.п. По объектам собственности — это, в частности, собственность на средства производства, на землю и другие природные ресурсы, на недвижимость, на финансовые активы, интеллектуальная собственность и др. Можно дать и такую разновидность указанной классификации, уместную для исследуемой здесь темы: собственность на запасы и потоки, а более детально — собственность на национальное богатство и собственность на национальный продукт и доход. В условиях формирования смешанной экономики складывается смешанность форм собственности. Она проявляется, во-первых, в их пространственном многообразии (наличие наряду с частной и иных форм собственности) и, во-вторых, в образовании смешанных форм в более узком смысле (государственно-частные партнерства, сочетание разных субъектов присвоения в акционерных обществах и др.).

Наконец, со стороны *прав собственности* собственность есть набор («пучки») имеющихся у экономических агентов частичных правомочий, которые могут дробиться, обмениваться и закрепляться за разными субъектами. Такое их закрепление на определенные объекты с указанием способа воздействия означает спецификацию прав собственности в противоположность их размыванию. Последнее имеет место в тех случаях, когда права собственности неточно установлены, плохо защищены или подпадают под разного рода ограничения (административные, монополистические, традиционалистские, криминальные и т.п.). Исходная структура прав собственности, пришедшая из римского права, сводится к единству прав владения, пользования и распоряжения. Она используется и в ныне действующем Гражданском кодексе РФ. В более развернутых современных неoinституциональных трактовках она включает в себя большее число правомочий. В наиболее известной классификации А. Оноре их одиннадцать. Это следующие права: владения, пользования, управления, извлечения дохода, на капитальную стоимость (возможность продажи, дарения, уничтожения вещи), на безопасность, передачи по наследству, бессрочность (отсутствие временных ограничений), на запрет вредного использования, ответственность в виде взыскания, конечные права или остаточный характер собственности (при перераспределении и уточнении прав собственности). Спецификация прав собственности осуществляется именно по поводу этих правомочий. В данном процессе должно быть обеспечено их наиболее эффективное распределение. При этом спецификация прав собственности должна продолжаться до тех пор, пока дальнейший выигрыш от преодоления их размывания не будет окупать издержки этого процесса.

Отмеченная выше (применительно к способам присвоения и формам собственности) смешанность проявляется и в сфере прав собственности. Для современной экономики характерен процесс расщепления полного права частной собственности на ряд правомочий, которые могут закрепляться за различными субъектами, сочетаться («смешиваться») разным образом. «Смешение» прав собственности является более детализированным и гибким по сравнению со смешанностью форм собственности и более адекватным усложнению взаимосвязей в современной экономике. Однако в указанном понимании оно еще не выходит из рамок частнособственнических отношений, означая лишь их дробление и конкретизацию. Более примечательным является вхождение государства в структуру прав собственности, что может реально ограничивать частнособственнический набор правомочий. Это, впрочем, не поддерживается неoinституциональной теорией прав собственности.

Принимая во внимание все три указанные характеристики собственности, можно получить более богатую картину, в которой каждая из них выступит как сторона целостного представления о собственности. Это можно показать на примере участия государства в экономике. Во-первых,

со стороны социально-экономического присвоения собственность проявляется в отношениях, реализующихся посредством аккумуляции государством значительной части национального богатства, продукта и дохода. Во-вторых, она проявляется и в особой форме государственной собственности. В-третьих, со стороны прав собственности она дает о себе знать через санкционированное государством законодательное закрепление этих прав и их защиту и через возможное (о противоречивости чего см. выше) включение государства в структуру этих правомочий.

В историко-научном смысле принято выделять две основные традиции исследования собственности: континентальную и англосаксонскую. Первая из них исходит из понимания собственности как некоего монолита, не подлежащего расщеплению: в этом русле «работают» как либеральная (классическая, неоклассическая), так и марксистская научные школы, несмотря на все их существенные концептуальные различия. Вторая линия представлена неинституциональной теорией прав собственности, исходящей из понимания собственности как некоего «пучка правомочий», который может расщепляться и в таком качестве закрепляться за разными субъектами. Но можно выделить и другую форму своеобразных коалиций: марксистская политэкономия и институционализм (опять-таки при всех их существенных различиях) оказались объединенными в своей приверженности признанию важной роли «работающей» теории собственности в экономической теории и в хозяйственной жизни в отличие от либерального подхода, громко признающего частную собственность фундаментом рыночной экономики, но не раскрывающего (по примеру «черного ящика») детальную «работу» этого фундамента. При этом надо иметь в виду то, что институциональное расщепление прав собственности и конституирование на этой основе «рассеянной», многосубъектной собственности часто (а в переходной экономике России — чаще всего) становится «прикрытием» социально-экономической монопольной власти отдельных субъектов, осуществляющих, по сути, на уровне своих фирм частнокапиталистическое присвоение в режиме частной собственности. Об этом подробнее речь пойдет ниже.

Раскрыв теоретические аспекты собственности и их проекцию на экономическую жизнь, оценим через призму обозначенных выше ракурсов (присвоение, формы и права собственности) состояние дел в России.

3.2. Характер социально-экономического присвоения условий и результатов производства в России

Важной чертой социально-экономического присвоения в России стало возникновение в ходе рыночных трансформационных процессов частнопредпринимательского типа присвоения и формирование (по сравнению с прежней системой отношений) более многообразного, смешанного характера присвоения. В теоретическом поле произошел

переход к факторной теории распределения, нацеливающей на признание равноправия факторов производства, а следовательно, и порождаемых ими форм доходов.

А как в реальности выглядит картина социально-экономического присвоения в современной России? Для нее характерны следующие черты и деформации.

Частнопредпринимательское (капиталистическое) присвоение отличается (по сравнению с современными требованиями смешанной экономики) чрезмерной антагонистичностью, что находит свое выражение в резкой социальной дифференциации населения по накопленному богатству и текущим доходам, в низкой социальной ответственности бизнеса, в резких контрастах в присвоении доходов частными фирмами (от олигархического присвоения сверхприбылей со стороны ряда крупных бизнес-структур, особенно сырьевых и финансовых, до ориентации на выживание у огромного числа других предприятий) и т.п. Возникший и расцветший в 1990-х гг. в России олигархический тип присвоения как специфическая разновидность частнопредпринимательского присвоения имеет своей основой чрезмерную концентрацию капитала в руках узкого круга крупных бизнесменов, слитность собственников и топ-менеджеров (инсайдеров) и фактическое присвоение ими в узкокорыстных целях значительной части национального богатства. Спутниками такого типа присвоения становятся офшоры, коррупционные связи с чиновниками и лоббистами, фактическая бесконтрольность распределения доходов, что в совокупности находит свое отражение в такой особой форме присвоения, как инсайдерская рента. Характерной чертой утвердившегося в России присвоения стало и делание денег «из воздуха», отражающее распространение непроизводительной, спекулятивной (а не производственно-инвестиционной) деятельности, «хищническое» присвоение национального богатства, а также активное использование специфических конкурентных преимуществ, возникающих не столько на основе новых технологий и повышения качества продукции, сколько путем использования таких путей, как участие в приватизации выгодных активов, использование административного ресурса в пользу определенных коммерческих структур (деление бизнеса на «свой» и «чужой»), получение скрытых субсидий отдельными структурами (доступ к инфраструктуре, различные льготы и т.п.), «оптимизация налогообложения» и т.п.

Социально ориентированное присвоение как закономерное требование современной смешанной экономики не отличается ни масштабом, ни системностью, ни укорененностью, несмотря на обилие сохраняющихся для населения всякого рода мелких социальных льгот, при этом слабо дифференцированных. Для России характерны высокий уровень бедности, неразвитость социального партнерства, слабость институтов социальной политики (прежде всего профсоюзов), во многом бесправие рядовых работников, глубокое социальное расслоение общества.

Огромные средства от эксплуатации национальных природных ресурсов, присваиваемые частными компаниями и государством (даже при наличии у последнего Фонда национального благосостояния), фактически не входят в сферу социально ориентированного присвоения: особенно выпукло этот вывод выглядит в сравнении со многими нефтегазодобывающими странами, активно направляющими финансовые средства подобного рода фондов в сферу формирования человеческого капитала нации и даже на прямую поддержку населения.

Соотношение капитало- и социально ориентированного видов присвоения в современной России может быть проиллюстрировано конкретными фактами.

Так, по подсчетам исследовательской группы известного швейцарского банка Credit Suisse, по неравенству распределения имущества и доходов Россия находилась в 2014 г. на одном из первых мест в мире. 10% домохозяйств в России владеет 85% всего благосостояния (богатства) домохозяйств в стране. «Это значительно выше, чем в любом другом крупном в экономическом отношении государстве. Например, в США эта цифра равна 75%, а в Китае — 64%», — говорится в докладе банка¹. В России в 2013 г. 110 миллиардеров контролировали до 35% богатств всех домохозяйств, в то время как в среднем в мире на их долю приходится 1–2%. В среднем в мире на каждые 170 млрд долл. богатств домохозяйств приходится один миллиардер. В России один миллиардер приходится на 11 млрд долл. богатств домохозяйств. В банке отметили, что столь высокий уровень имущественного неравенства отмечается лишь в России и некоторых государствах Карибского моря. По оценке Credit Suisse, в 2013 г. в России насчитывалось 1986 человек, чье состояние превышало 50 млн долл. Количество долларовых миллионеров в России оценили в 84 тыс. чел. В качестве основы для исследования Credit Suisse привлек статистические данные доходов домохозяйств в различных государствах мира. Затем эти данные были наложены на существующую в этих государствах систему распределения собственности.

В мае 2013 г. исследовательская компания Boston Consulting Group подсчитала, что в России есть 180 тыс. домохозяйств, располагающих каждое более чем миллионом долларов, и по этому показателю страну поставили на 13-е место в мире. Указанные факты показывают чрезмерную капиталистичность и слабую социальность утвердившегося в России типа присвоения.

Обратим теперь внимание на другой параметр присвоения: соотношение *национального (общенационального) и частного типов присвоения*. Характерная для рыночной экономики частная форма присвоения («микроприсвоение») в условиях смешанной экономики стала дополняться масштабным общенациональным присвоением («макроприсво-

¹ www.yandex.ru

ением»). Последнее находит свое выражение прежде всего в усилении роли государства в экономических процессах, в его широком участии в накоплении и расходовании бюджетных средств. Будем при этом исходить из того, что именно государство (при всей противоречивости его социально-экономической и институциональной природы, тем более с учетом имеющихся в современной России его серьезных деформаций) является наиболее концентрированным выразителем национальных интересов.

Содержательное определение последних состоит в том, что это объективно значимые для страны долговременные и жизненно важные цели или совокупность внутренних и внешних потребностей в обеспечении защищенности и устойчивого развития страны¹. Было бы сильным упрощением их сведение лишь к внешнеполитическим аспектам или к узкосубъективному выражению. Важны их объективные основы и содержательный смысл. В двух важных направлениях экономической теории (неоклассике и марксизме, несмотря на все их принципиальные различия) эти национальные интересы недооцениваются. Основная причина этого, как представляется, состоит, в одном случае, в господстве принципа методологического индивидуализма, выводящего все общественно-экономические явления из целеустремленной деятельности индивидов и их интересов, а в другом случае — в примате социально-классового подхода, не предполагающего самоценного значения общенациональных интересов в антагонистическом обществе.

Национальные интересы — это не мистификация, призванная затушевать социально-классовые интересы, и не некое аморфное образование, не имеющее прочной основы. Они имеют конкретное наполнение, выражающееся в «общей пользе» (М. В. Ломоносов, Ф. Лист) — в частности, в обеспечении суверенности национальной экономики, ее статуса, мощи и масштаба, национальной экономической безопасности, территориальной целостности, единого экономического пространства, «сбережения народа», конкурентоспособности национальной экономики, в реализации национальных стратегических приоритетов, повышении общего уровня благосостояния, учете цивилизационной идентичности, консолидации общества, укреплении позиций страны в мире, росте национального богатства, заботе о будущих поколениях и т.п. Нередко реализация этих интересов может снижать экономическую эффективность, и вместе с тем эти жизненно важные интересы не могут игнорироваться. Данные интересы (цели) не задаются извне, они вытекают из самой национальной экономики, взятой в единстве со всем набором национально-специфических факторов. Они обладают самоценным началом, что, конечно, не означает отказа от признания важной роли со-

¹ Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537.

циально-классовых интересов и коммерческих интересов частных хозяйственных субъектов.

Что касается социальных реалий современной России, то можно отметить, что на первый план в 1990-е гг. выдвинулись частно-корыстные интересы, связанные с сырьевой, спекулятивной деятельностью, участием в дележе собственности, коррумпированностью власти, получением рентных доходов и т.п. В этих условиях оказались подорванными основы общенациональных интересов. Начавшиеся в 2000-е гг. «возвращение государства» и «национализация государства» были необходимыми и позитивными, хотя и осуществлялись в противоречивой форме. Осложнившееся в последний период геополитическое и экономическое положение России со всей остротой показало крайнюю необходимость и востребованность большего учета национальных интересов.

Если взять за основу количественного выражения структуры присвоения структуру российского ВВП по расходам и определять при этом долю национального присвоения по величине расходов государственного бюджета (иначе говоря, по величине государственного спроса), то эта доля составляла в последние годы примерно 40%. Остальные 60% ВВП присваивались частными субъектами: домашними хозяйствами, фирмами и внешнеэкономическими агентами. Если же взять богатство, принадлежащее 200 богатейшим бизнесменам России, то, по версии журнала Forbes, их совокупный капитал оценивается в 481 млрд долл. Много это или мало? К примеру, доходы федерального бюджета России на 2014 г. — 13,5 трлн руб., или, по курсу рубля на октябрь 2014 г., 339 млрд долл., а весь экспорт товаров из России в 2013 г. составил 526 млрд долл.¹ Указанная величина почти совпадает с объемом международных резервов России. Сумма личных состояний этих людей весьма велика даже относительно макроэкономических показателей. А ведь они контролируют намного больший капитал, чем их персональное богатство.

Доля частного присвоения заметно вырастет, если к этому добавить объем *теневого присвоения*. Последнее осуществляется в самых разных формах, включая скрытые доходы от предпринимательской деятельности, собственности и труда, сохранение заметной доли природной ренты у сырьевых компаний, коррупционное присвоение. Если в 2013 г. доля серых зарплат на рынке составляла 35%, то в 2014 г., согласно исследованию портала Rabota.ru, она взлетела до 59%. Гораздо больший размах характерен для поведения крупного бизнеса — в частности, в форме офшорной деятельности. Так, в ноябре 2014 г. в Совете Федерации РФ оценили отток средств из России в офшоры за последние 20 лет: предположительно, он составил от 800 млрд до 1 трлн долл. Основные мотивы — снижение налоговых издержек, анонимность и более высокая гарантия сохранности своего бизнеса. Любопытный конкретный факт: Счетная

¹ www.lenta.ru

палата РФ выяснила, что почти половина (более 40%) рыбы и других биоресурсов экспортируется из России по договорам с офшорами, носящим формальный характер.

Еще один аспект присвоения имеет неформально-институциональный *этноэкономический* характер. Он показывает присутствие разных этнических, а также конфессиональных и иных культурных и цивилизационных общностей в структуре социально-экономического присвоения. Сразу следует отметить деликатность данного вопроса и необходимость избегать прямолинейных выводов. Интересное исследование указанного вопроса проведено в конце 2014 г. в рамках проекта «Лента.ру» по изучению российской элиты (за основу исследования взят уже упоминавшийся выше рейтинг журнала Forbes «200 богатейших бизнесменов России-2014»). Исходя из указанного рейтинга, исследователи показали, как в многонациональной стране различные группы населения, используя корпоративную солидарность и реакцию на начало «эры капитализма», сумели включиться в экономическую и политическую жизнь принципиально нового типа. Сделан вывод о существенной разнице между национально-культурной структурой Российской Федерации и структурой списка богачей¹. Для многонациональной страны указанный вопрос, несмотря на всю его деликатность, неизбежно важен, и его учет и аналитическое сопровождение помогут избежать ненужных трений и будут способствовать установлению цивилизационной гармонии и устойчивости общества. Здесь будет уместно отметить интересный и эффективный пример проводившейся с 70–80-х гг. прошлого века гармонизации этноэкономических отношений в Малайзии, где утвердились три крупные национальные общины (малайская, китайская и индустская) при исторически сложившемся экономическом доминировании двух последних («нетитульных») общин в распределении богатства, продукта и доходов, что потребовало тонкой взаимосогласованной коррекции, не нарушившей межнационального мира в стране.

Таким образом, проанализированы разные аспекты социально-экономического присвоения как важнейшего ракурса собственности в его политэкономическом наполнении. «Присвоенческий» аспект собственности раскрывает значимую сторону экономических отношений, утвердившихся в стране.

3.3. Особенности структуры и содержания форм собственности на условия и результаты производства в России

Структура форм собственности зависит от многих факторов, среди которых: уровень развития экономики и тип социально-экономической

¹ Шибутов М., Пак М. Кому на Руси жить хорошо? Проект «Ленты.ру» по изучению элиты // www.lenta.ru

системы; масштаб производства, специфика уровня концентрации (обобществления) производства в разных отраслях и секторах экономики; историческое наследие, глубина и модели преобразования собственности в ходе перехода к рынку; национальные особенности страны, включая действие национально-специфических факторов (географического, природно-климатического, геополитического, социокультурного и др.), значимость обеспечения национальной экономической безопасности. Характерной формой, присущей современной экономике, стала смешанная собственность, а различия «национальных коэффициентов» смешения форм собственности являются одним из критериев формирования различных национальных моделей современной экономики. Своя степень смешения должна быть характерна и для российской экономической модели с учетом тех многообразных и уникальных факторов, которые присущи нашей стране. Указанные факторы, очевидно, предопределяют более заметное участие государства в российской экономике, в том числе в структуре форм собственности.

За последние два с половиной десятилетия в сфере собственности в России произошли масштабные изменения. Они стали итогом радикальных преобразований форм собственности (особенно в 1990-е гг.) — преимущественно в форме приватизации государственной собственности. В общей сложности в России было приватизировано: в 1993–1997 гг. — 82,7 тыс., в 1998–2002 гг. — 10,7 тыс., в 2003–2008 гг. — 2,4 тыс., в 2009–2013 гг. — 1223 предприятия (точнее — имущественных комплекса). Приватизация государственных предприятий, не относящихся к стратегически важным объектам, продолжается и в настоящее время, что фиксируется в ежегодно принимаемых правительством «Прогнозных планах (программах) приватизации федерального имущества», дополненных аналогичными планами на региональном и муниципальном уровнях. В Прогнозном плане приватизации федерального имущества на 2014–2016 гг. намечено приватизировать 514 ФГУПов (из имеющихся 1795), пакеты акций в 436 акционерных обществах (из 2337), а также более 20 тыс. других объектов и 553 млн га земли. По отраслевой структуре среди передаваемых в частные руки ФГУПов больше всего (79) относится к сфере научных исследований и разработок, 69 — к производству изделий медицинской техники, средств измерений, оптических приборов, 40 — к сфере здравоохранения и предоставления социальных услуг. Среди приватизируемых пакетов АО наибольшее количество приходится на сферу вспомогательной транспортной деятельности (93).

В последние годы (после относительно умеренного протекания приватизационных процессов в 2000-е гг.) эти процессы (и намеченные по их осуществлению планы) стали заметно более объемными, что нашло свое отражение в термине «новая (или вторая) волна приватизации». Она касается, прежде всего, приватизации крупных компаний, из которых стоит выделить Росспиртпром, Объединенную зерновую компанию, «Роснано»,

«Ростелеком», а также аэропорты «Шереметьево» и «Внуково». Кроме того, будут сокращены пакеты в «Аэрофлоте», «Транснефти», «Уралвагонзаводе», «РусГидро» и банке ВТБ. Общая запланированная выручка от реализации федерального имущества в 2014–2016 гг. должна составить 1,7 трлн руб. (для сравнения: в предшествующие годы ежегодная выручка составляла порядка 5–7 млрд руб.). Важно не свести осуществление намеченных (внешне в целом позитивных) задач к преимущественно фискальному направлению, тем более в условиях обострившихся в экономике бюджетных проблем. Должно также учитываться и то, что в период современного усложнения условий развития национальной экономики, усиления неблагоприятной рыночной конъюнктуры возрастают риски обесценения активов и снижения цен приватизируемых объектов. Главным критерием должно быть сопряжение «новой приватизации» со стратегическими задачами модернизации российской экономики — в противном случае она не может быть оценена как позитивная и конструктивная. Любопытно и то, насколько граждане России одобряют указанное намерение. По данным исследования ВЦИОМ, проведенного в начале «новой приватизации», идею отказа государства от своих долей в крупных компаниях поддержали лишь 27%. Директор ВЦИОМ В. Федоров пояснил, что россияне видят в этой инициативе напоминание о приватизации госсобственности в начале 1990-х гг.: «Отношение к ней остается настолько негативным, что веры в какую-то новую приватизацию, которая может быть справедливой, нет»¹. Исследование ВЦИОМ показало, что у россиян не вызывает отторжения ситуация, когда государство является собственником крупных компаний. По мнению большинства из них, крупная собственность «должна быть государственной», а частный бизнес воспринимается позитивно в том случае, если он относится к мелкому и среднему предпринимательству. Оказалось, что государство в глазах россиян воспринимается как «абстрактное добро». Такой вывод вытекает не только из конкретно-исторических причин («память о приватизации»), но и из системы ценностей и других национально-специфических факторов.

К настоящему времени в России сложилась следующая структура форм собственности. По данным Росстата, по доле в общем числе предприятий госсобственность занимает 2,3%, муниципальная — 4,7, частная — 85,9, смешанная и иные формы — 7,1%, по доле в инвестициях — соответственно: 15,4; 3,1; 59,9 и 19,9%. Примерно такая же картина роли разных форм собственности в создании ВВП: экстраполяция известных ранее данных по этому параметру (в условиях, когда Росстат перестал приводить цифры такого рода) позволяет сделать вывод о том, что примерно 20% ВВП создается в сфере государственной и муниципальной собственности, 60% в частной сфере и 20% в сфере смешанной, ино-

¹ www.lenta.ru

странной и иных форм собственности. По числу занятых в экономике названные выше пропорции выглядят так: 28,8; 59,1 и 12,1%.

Следует выделить и еще один параметр в оценке масштабов государственной собственности в России. Реальная стоимость активов, находящихся под управлением государства, оценивается приблизительно в 100 трлн руб.¹. Примечательно, что, несмотря на приватизацию, стоимость активов под государственным управлением в последние годы постоянно растет. Это происходит, в частности, за счет того, что принадлежащие государству компании активно работают на рынке слияний и поглощений. Так, несколько лет назад государственная «Роснефть» купила частную ТНК-ВР, а госбанк ВТБ приобрел Банк Москвы. 100 трлн руб. — огромная сумма даже по меркам российского бюджета и национального продукта страны: в 2013 г. она превысила доходы всего российского бюджета примерно в 7,5 раза и ВВП всей России примерно в 1,5 раза. Следует отметить и то, что оценка «природного капитала» (природно-ресурсного богатства) России как составной части национального богатства, исчисленного специалистами Всемирного банка по своей методике, составляет 24 трлн долл. — а это в основном государственная собственность. При этом Россия является единственной страной мира, обеспеченной всеми видами полезных ископаемых и других природных ресурсов. На ее территории сосредоточена четверть всех природных ресурсов мира, более 40% мировых запасов природного газа, 45% угля, более 30% нефти, 60% торфа, 22% площади занято лесами (треть лесов мира). В России сосредоточены значительные запасы пресной воды — 30 тыс. куб. м (только озеро Байкал составляет 20% всей пресной воды мира). Таким образом, находящаяся в государственной собственности часть национального богатства России имеет огромный масштаб и потенциал, которым нужно эффективно распорядиться в национальных интересах.

В структуре форм собственности, утвердившейся в России, накопилось немало проблем и деформаций. До сих пор нет должного обоснования оптимальной для России структуры форм собственности с учетом специфики национальной экономики и особенностей страны в целом. Отсюда — противоречивые действия: с одной стороны, формирование государственных корпораций, расширение роли государства в ТЭКе и другие подобного рода действия, послужившие реанимации термина «госкапитализм»; с другой — начало масштабной «новой приватизации».

Государственная собственность в форме государственных унитарных предприятий и госпакетов акций в АО управляется недостаточно эффективно. Государство нередко демонстрирует фактическую отстраненность от участия в их управлении и доходах, не контролируя должным образом деятельность их управляющих или представителей в АО. Не определены четко масштабы и цели участия государства в предпри-

¹ www.lenta.ru

нимательской деятельности. Сходные проблемы существуют и в сфере муниципальной собственности. К тому же нередки конфликты по поводу разграничения полномочий между государственным и муниципальными уровнями управления собственностью, между разными муниципальными уровнями — тем более в условиях хронических финансовых дефицитов у последних. Частная собственность в заметной мере опутана групповыми (ведомственными, родственными, этническими, нередко криминальными) узами, во многом имеет клановый характер; испытывает влияние деформированной конкурентной среды в условиях высоких административных и иных барьеров, недружественных и враждебных поглощений, рейдерства; часто погружена в теневую экономику и т.п. Для многих крупных акционерных компаний характерна слитность собственности и менеджмента, ведущая к ослаблению взаимного контроля, непрозрачности корпоративного управления, получению сверхдоходов в форме инсайдерской ренты: тем самым акционерная собственность, выступающая в классическом виде как частно-групповая, комбинированная или смешанная собственность, по сути, превращается в частную собственность отдельных крупных бизнесменов.

Итак, анализ сложившейся в России структуры форм собственности показал целый ряд ее несовершенств и деформаций. Они снижают возможности реализации экономического потенциала страны, нацеленности экономики на решение стратегических задач, отвечающих национальным интересам России.

3.4. Состояние прав собственности в России

Для распределения прав собственности в современной российской экономике характерна низкая степень спецификации прав собственности.

Во-первых, формальная многосубъектность и многоправность собственности нередко оказывается мнимой: на вопрос о том, как реально распределены права собственности между различными субъектами в той или иной хозяйственной структуре, не всегда можно получить ответ, так как часто имеет место их неточное установление и теневое распределение.

Во-вторых, права собственности в России еще слабо защищены, что подтверждается частыми фактами передела собственности, в том числе путем рейдерских разборок.

В-третьих, распространенным является и ограничение прав собственности в формах необоснованного бюрократического (нередко коррупционного) вмешательства в хозяйственную жизнь со стороны административных органов, а также весьма живучего влияния разного рода клановых структур.

В-четвертых, для российского акционерного капитала характерна высокая степень концентрации капитала. Так, в России доля крупнейшего акционера составляет примерно 30–40%, а по другим данным,

в 70% АО она превышает 50%. Для сравнения: эта доля в США равна 8,5% (по другим данным — 13%), в Англии — 14,4%. Но можно ли считать англосаксонскую реальность идеальной и наиболее адекватной рыночно-конкурентной среде? Совсем нет. Так, в странах континентальной Европы (в частности, в ФРГ, Швеции, Франции) указанная доля заметно (в 2–4 раза) выше. Что касается России, то следует учитывать большую предрасположенность к континентальной модели: так, компания «Аэрофлот», доля которой на рынке пассажирских авиаперевозок в стране до недавнего времени составляла только 25%, заявила, что будет брать пример с таких европейских компаний, как Lufthansa, Air France, которые на домашних рынках вместе с дочерними компаниями занимают 50–60%. Есть здесь и национально-специфический аргумент, вызванный особой ролью географического и геополитического факторов в национальной экономике. Высокая концентрация производства — характерная черта экономики России. Эта традиция, вопреки существующему заблуждению, зародилась задолго до революции и появления советских индустриальных гигантов. Фактически концентрация производства — это следствие постоянной в развитии России мобилизационной составляющей, т.е. задач, требующих максимально быстрого развития и концентрации ресурсов на приоритетных направлениях, тем более в условиях огромных пространств. А крупным предприятиям добиваться этого намного легче¹.

В-пятых, для российских компаний в заметной степени характерна срешенность прав владения и управления, что предопределяет чрезмерную экономическую власть топ-менеджеров, низкую степень взаимного корпоративного контроля, слабую транспарентность бизнеса, сверхдоходы в форме инсайдерской ренты, о чем уже шла речь выше.

В-шестых, широкое распространение получили скрытые или неучтенные права собственности. В частности, это имеет место и в тех случаях, когда на государственных унитарных предприятиях управляющие не находятся под должным контролем отраслевых органов, действуя при этом в своих интересах или вступая в негласный сговор с вышестоящими чиновниками. Это нередко проявляется и в слабом участии государства в управлении своими пакетами в смешанных АО. С 1990-х гг. скрытые или неучтенные права собственности проявляются и в сфере природного национального богатства, когда сырьевые компании стали получать значительную часть природной ренты, де-факто реализуя не принадлежащие им права владения на естественные ресурсы страны.

В целом размытость прав собственности в российской экономике чаще всего связана с двумя причинами: с их теньвым распределением и с их излишней концентрацией у отдельных субъектов. И то и другое,

¹ www.ig.ru

согласно научным институциональным критериям и сложившейся практике, ведет к снижению эффективности хозяйственной деятельности.

Известный венгерский исследователь переходных экономик Я. Корнай, оценивая действия реформаторов и в целом ход и итоги российской приватизации через призму теоретических характеристик, использовал формулы «вульгарный марксизм» и «вульгарный коузизм». В первом случае имеется в виду узкая двухмерность представлений реформаторов о преобразованиях собственности, выражаемая «безальтернативным» лозунгом: либо частная, либо общественная собственность. Во втором случае имеется в виду чрезмерно идеалистическое отношение приватизаторов к известной теореме Р. Коуза, считавшего, что при четкой спецификации прав собственности и нулевых транзакционных издержках итоговое распределение прав собственности не зависит от их первоначального распределения, или, иначе говоря, в результате свободного обмена правами собственности последние в итоге перейдут в руки наиболее эффективных собственников. Однако жесткие реалии российской переходной экономики во многом опровергли такую логику: спецификация прав собственности оказалась низкой, транзакционные издержки распределения прав собственности и барьеры рыночного обмена этими правами высокими, существенное значение приобрели особые конкурентные преимущества (в том числе в форме административного, а нередко — и криминального покровительства), в результате чего происходила консервация первоначального распределения прав собственности (или вторичного — нередко полученного путем их «захвата» или «перехвата») — очень часто неэффективного. Выражением такого состояния стала и уже упоминавшаяся чрезмерная концентрация капитала и прав собственности в руках узкого круга экономических субъектов.

Таким образом, собственность в экономической системе России, взятая как совокупность ее разных сторон применительно к условиям и результатам производства, показывает наличие целого ряда особенностей и деформаций. Они касаются как характера социально-экономического присвоения, так и состояния форм собственности и прав собственности относительно национального богатства, продукта и дохода. Их знание позволит выработать эффективные пути оздоровления всего комплекса отношений собственности в современной экономике России с учетом национальных интересов страны.

Глава 4

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ СОБСТВЕННОСТИ

В отечественной науке, экономической и юридической, собственность не обойдена вниманием. О том, что она представляет сложное социальное явление, можно судить по тому, что в научной литературе и конкретных программах реформирования отношений собственности присутствуют разные понимания ее сути, противоположные взгляды на ее природу и эволюционное развитие форм собственности. Объяснить это можно самим феноменом собственности как *общественной формы присвоения благ, представляющей явление экономики и права одновременно*. Согласно воспроизводственному подходу, присвоение как *такое* может осуществляться посредством действительного производства, обмена, распределения и потребления благ. Но в общем определении собственности речь идет не о присвоении *как таковом*, а об его общественной форме. Тем самым подчеркивается, что собственность — явление общественное, которое требует исторического к ней подхода. Всякая форма собственности предполагает субъекта присвоения, объект присвоения и общественный способ его присвоения. Последний является определяющим моментом в этом единстве, характеризуя конкретно-историческую форму связи между людьми в процессе присвоения. Его общественная форма, определяемая системой *реальных производственных (экономических) отношений*, существующих в данном обществе, образует собственность и характеризует ее как *экономическую категорию*. Право же собственности характеризуется как *волевое отношение людей к вещам (объектам) как к своим и чужим*. Согласно классическому римскому праву оно осуществляется посредством трех правомочий: путем *владения, пользования и распоряжения* вещью. Только наличие единства трех правомочий определяет полноту права собственности, каким располагает субъект собственности.

В публикациях конца 1980-х — начала 1990-х гг. нами был акцентирован вопрос о том, что *экономическое* содержание собственности имеет не только *юридические* формы (распространенное к тому времени представление), в которых оно закрепляется юридическими законами и подзаконными актами государства, но и *экономические*¹. В обыденной жиз-

¹ Малахинова Р. П. Собственность: экономическая и правовая формы // Экономическая газета. 1989. № 10; *Ее же*. Правовая эйфория // Экономика и жизнь. 1990. № 40; *Ее же*. Диалектика экономического и социального в обновлении социализма // Экономические науки. 1990. № 4; Кучеренко Т. М., Малахинова Р. П. Формы собственности и хозяйство-

ни людей собственность часто отождествляется с ее объектами. Это нашло отражение в языке. Так, в Толковом словаре русского языка В. Даля собственность определяется как «собь», «собина», «все свое», «имение» и всякая вещь как чье-то достояние. Представления о собственности как *волевым отношении* человека к вещи как к своей или чужой, как прямой власти субъекта (физического или юридического лица) над объектом берут начало с древней эпохи, когда присвоение человека ограничивалось собирательством, и он относился к окружающей природе и ее дарам «как к своим». Впоследствии уже не первоначальные естественные предпосылки труда, а общественно-исторические факторы, процессы общественного производства и воспроизводства начинают играть определяющую роль в присвоении человека. Поэтому содержание собственности как *собственной формы присвоения* не ограничивается кругом *волевых отношений людей* по поводу благ как своих или чужих, а имеет более глубокое экономическое наполнение. В связи с этим возникает и проблема не только юридических форм собственности, но и многообразия ее *экономических форм*, в которых проявляется ее экономическое содержание и которые фактически непосредственно регулируются правом. Таким образом, экономическое содержание собственности выражается в двух видах форм: экономической и юридической.

Экономическая форма собственности характеризует специфически социальный аспект производства, а именно общественный способ присвоения людьми условий и результатов производства. Выражая отношения присвоения «в их реальной форме», т.е. как исторически развивающиеся отношения по производству, распределению и обмену и потреблению благ, она является сущностным содержанием для юридической формы, которая выражает отношения присвоения как *право* собственности.

Впервые юридическое определение собственности как особого рода правоотношений людей по поводу вещей, имущества, а также работника-раба было дано, как известно, римским правом. Собственность в нем была отождествлена с частной собственностью. Римское частное право оказало большое воздействие на все последующее развитие права. Причиной тому было его соответствие отношениям товарного производства. В нем были детально разработаны правоотношения товарладельцев, а также обязательственное право, регулирующее главным образом договорные отношения и др. В этих отношениях нет и не могло быть отраже-

вания в аграрном секторе экономики России. — М., 1992. Впоследствии такой подход к определению форм собственности был осуществлен в первом издании «Курса экономической теории» под ред. А. В. Сидоровича (1997), в работе И. В. Пшеницына «Капитал и собственность. Методология исследования собственности» (Экономическая теория на пороге XX в. — II / Под ред. Ю. М. Осипова и др. — М.: Юристъ, 1998. С. 268), в статьях ряда участников дискуссии об эволюции капиталистической собственности, проведенной в журнале «Экономист» в середине 1990-х гг., в монографии «Собственность в экономике России» под ред. В. Н. Черковца и В. М. Кулькова (М.: ТЕИС, 1998) и др.

ния социально-экономической стороны присвоения, чем объясняются его более чем двухтысячелетняя история и принятие за образец при разработке кодексов в странах феодальной, а затем буржуазной континентальной Европы и России.

В общеэкономическом плане вполне достаточно указание на то, что присвоение в обществе может происходить индивидуально, группой, обществом. Эти же формы характеризуют состояние присвоенности, принадлежности вещей субъектам гражданского права, т.е. выражают их волевые отношения к вещам и по их поводу. В социально-экономическом же отношении ответ на вопрос, как присваивают, предполагает учет конкретно-исторической социальной специфики присвоения: присваиваются материальные блага посредством собственного труда или чужого, посредством свободного труда или принуждения к нему, внеэкономического или экономического, — это существенно различные способы действительного присвоения. Юридически присвоение в рыночной экономике осуществляется посредством одного права — права частной собственности. Это возможно, поскольку нормы права социально-экономическую суть собственности непосредственно не отражают. Она не может быть кодирована. Волевые отношения не характеризуют способ действительного присвоения. Так, отношение к земле как объекту своей собственности у различных субъектов хозяйственной деятельности одинаковое: они владеют, пользуются и распоряжаются им на праве частной собственности. Но за этим стоят разные экономические, социально-производственные отношения, субъекты, принадлежащие к разным социально-классовым группам.

Двоякая, экономическая и правовая, форма проявления собственности обнаруживает себя при анализе ее конкретно-исторических форм. Затруднения же в различении отношений собственности как отношений экономических, с одной стороны, и юридических, с другой, вызываются тем, что те и другие, во-первых, связаны с вещами как объектами присвоения и, во-вторых, имеют *экономические формы реализации*. Когда объектами собственности выступают факторы производства, то право собственности получает помимо юридической (изменение в соотношении власти владельцев, пользователей и распорядителей над объектами собственности) экономическую форму реализации. Это проливает свет на экономическое значение обладания факторами производства, позволяющего притязать на получение дохода по праву, титулу собственности. Разработка понятия собственности в экономическом аспекте предполагает анализ самой существенной ее стороны как социального явления, а именно общественного способа ее действительного присвоения. Задача экономической науки в том и состоит, чтобы видимое на поверхности, а именно факт принадлежности вещей представить как результат процесса действительного присвоения. Выяснение такой проблемы мы находим в марксистской политической экономии, которая, приме-

няя формационный подход, определяет господствующие в том или ином обществе формы собственности прежде всего на средства производства, созданные трудом человека, и природные ресурсы, прежде всего на землю — «мать богатства народов».

В середине 1990-х гг. в журнале «Экономист» была проведена содержательная дискуссия по эволюции конкретно-исторической, капиталистической формы собственности. В заключительной статье с симптоматичным названием «Эволюция отношений собственности: форма-содержание» говорится: «В отличие от многих прежних, анализируемая дискуссия сфокусировала внимание на преимущественно экономических формах проявления сущности эволюционируемой собственности, в связи с чем участники сделали акцент на принципиально новых, а именно интегративных началах организации воспроизводства, для адекватного выражения которых предложены ранее не включавшиеся в научный оборот фундаментальные понятия: «народно-хозяйственная собственность», «макроэкономическая собственность», «макроэкономическое планирование»¹. Солидаризируясь с большинством участников дискуссии и заключением по поводу глубинных изменений в экономическом базисе, обусловленных нарастанием общественной природы производительных сил, нельзя, однако, согласиться с введением в научный оборот предлагаемых форм собственности, поскольку собственность всегда субъектна.

На протяжении XX в. капитализм продемонстрировал высокую способность к внутриформационному развитию. Феномен собственности как социального явления находит свое выражение в возникновении новых *экономических* форм, выражающих специфику их действительного присвоения.

Так, специфика акционерной формы организации общественного производства состоит в интеграции *совместного* труда, акционерного капитала как *коллективной (ассоциированной)* собственности и управления как *ее* функции, но в объеме, ограниченном *частной* собственностью на пакеты акций и общей обстановкой рыночно-капиталистической системы хозяйства, где главная целевая установка — максимизация прибыли за счет использования наемного труда — товара рабочая сила, где работает механизм конкуренции и свободного ценообразования, где главенствуют в экономике и в обществе в целом финансовый капитал и финансовая олигархия. Особенности управления и присвоения доходов позволяют рассматривать *корпоративную* собственность как переходную *экономическую* форму, отличную от единоличной частной, государственной, кооперативной, коллективной, но сохраняющую капиталистическое содержание.

¹ Губанов С. Эволюция отношений собственности: форма-содержание // Экономист. 1997. № 2. С. 97.

Существенные сдвиги в реальном обобществлении производства и капитала находят отражение в появлении и новых *правовых* форм собственности: смешанной, совместной, институциональной. Усложнением отношений собственности сопровождается смена типа взаимоотношений государства и бизнеса, появление государственно-частных, государственно-корпоративных структур, различных форм международных и транснациональных корпораций. Но поскольку речь идет об имущественных отношениях участников рынка, то они регулируются и защищаются правом частной собственности. Пока соблюдаются законы обмена, капиталистическая собственность может изменять свои формы, не затрагивая права частной собственности и своего социально-экономического содержания.

Факт отпочкования конкретных собственнических правомочий и связи с ними разных видов доходов, зафиксированный «экономической теорией прав собственности», которая «расщепляет» и многократно умножает формы частной собственности в зависимости от объектов присвоения, которых можно называть бесчисленное множество (см. гл. 2), свидетельствует о возможности законных, на правовых основаниях без всякого рода перераспределительных крайностей притязаний всех участников высокообобществленного производства на присвоение его результатов.

Представление о сущности происходящих изменений в собственности может быть получено лишь в итоге *политико-экономического* анализа, представляющего отношения собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме как экономических отношений. Последние, как известно, не сводятся к взаимным отношениям независимых продавцов и покупателей, а анализ их эволюции не ограничивается исследованием динамики спроса и предложения.

В современной социологии общество предстает как множество индивидов, субъектов прав собственности, в котором нет места различным формам коллективности классам, группам, сословиям, организациям. Если последние, например, суть только процессы и связи специфических действий отдельных людей, то для политэкономии и юриспруденции это могут быть вполне определенные экономические и юридические институты. Сегодняшняя экономическая структура общества не позволяет, по нашему мнению, характеризовать фирмы и корпорации как юридические фикции. Наемный труд и капитал и сегодня по-прежнему представляют различные моменты одной и той же исторической, а именно капиталистической формы собственности. Перемены, таким образом, происходят и в ее экономическом содержании, и в двух видах ее форм, экономических и правовых.

Правовые режимы частной и «публичной» собственности в сегодняшних реалиях сближаются: государственные предприятия работают в режиме частной собственности, а право частной собственности в какой-то мере ограничивается государственным регулированием. Стратегическое

управление на макроуровне экономики в значительной степени согласовывает интересы финансовых групп и высших менеджеров корпораций и государства с движением воспроизводственного цикла. Но говорить о *макроэкономической форме* собственности, на наш взгляд, не представляется возможным, поскольку сразу же возникает вопрос: чья она? Непроработанность вопроса о формах собственности, методологическая и теоретическая, не может обеспечить эффективное управление национальной экономикой.

В конституциях большинства западных стран определяются две формы собственности: частная и государственная, но, например, в Италии к ним добавляется третья, кооперативная форма. *С 1 января 2000 г. в Российской Федерации введен в действие Общероссийский классификатор форм собственности (ОКФС)*, в котором зафиксированы *33 формы* собственности (!). Эти формы приведены в табл. 4.1.

Таблица 4.1

Формы собственности

Код	Наименование	Алгоритм сбора
10	РОССИЙСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ	11 + 14 + 15 + 16 + 17 + 18 + 19 + 61
11	Государственная собственность	12 + 13
12	Федеральная собственность	
13	Собственность субъектов Российской Федерации	
14	Муниципальная собственность	
16	Частная собственность	
18	Собственность российских граждан, постоянно проживающих за границей	
19	Собственность потребительской кооперации	
15	Собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	50 + 51 + 52 + 53 + 54
50	Собственность благотворительных организаций	
51	Собственность политических общественных объединений	
52	Собственность профессиональных союзов	
53	Собственность общественных объединений	
54	Собственность религиозных объединений	
17	Смешанная российская собственность	40 + 49
20	ИНОСТРАННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ	21 + 22 + 23 + 24 + 27
21	Собственность международных организаций	
22	Собственность иностранных государств	
23	Собственность иностранных юридических лиц	
24	Собственность иностранных граждан и лиц без гражданства	

Окончание табл. 4.1

Код	Наименование	Алгоритм сбора
27	Смешанная иностранная собственность	
30	СОВМЕСТНАЯ РОССИЙСКАЯ И ИНОСТРАННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ	31 + 32 + 33 + 34 + 35
31	Совместная федеральная и иностранная собственность	
32	Совместная собственность субъектов Российской Федерации и иностранная собственность	
33	Совместная муниципальная и иностранная собственность	
34	Совместная частная и иностранная собственность	
35	Совместная собственность общественных и религиозных организаций (объединений) и иностранная собственность	
40	СМЕШАННАЯ РОССИЙСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ С ДОЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ	41 + 42 + 43
41	Смешанная российская собственность с долей федеральной собственности	
42	Смешанная российская собственность с долей собственности субъектов Российской Федерации	
43	Смешанная российская собственность с долями федеральной собственности и собственности субъектов Российской Федерации	
49	Иная смешанная российская собственность	
61	Собственность государственных корпораций	

Разработанный Управлением статистического планирования Росстата классификатор исходит из определения формы собственности как законодательно урегулированных имущественных отношений, характеризующих закрепление имущества за определенным собственником на праве собственности. Объектами классификации являются формы собственности, не только установленные Конституцией Российской Федерации и Гражданским кодексом Российской Федерации, но и разработанные в соответствии с Федеральными законами¹. В ОКФС введены и позиции форм собственности, не установленные законодательно, понятия

¹ См.: Закон РФ «О потребительской кооперации в Российской Федерации» от 19 июня 1992 г.; Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ; «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ; «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ; «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О потребительской кооперации в Российской Федерации» от 11 июля 1997 г. № 97-ФЗ; «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ; «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19 июля 1998 г. № 112-ФЗ; «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ.

«смешанная российская собственность», «смешанная иностранная собственность», «собственность с совместным российским и иностранным участием», утвержденные Госстандартом.

Формы собственности классифицируются в зависимости от *типа* собственника. Так, государственной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности Российской Федерации, и имущество, принадлежащее на праве собственности субъектам Российской Федерации: республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономной области, автономным округам. Частной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности гражданам или юридическим лицам, за исключением отдельных видов имущества, которое в соответствии с законом не может принадлежать гражданам или юридическим лицам. Собственностью российских граждан, имеющих постоянное место жительства за границей, как и собственностью потребительской кооперации (далее по списку) является имущество, принадлежащее им на праве собственности. Но ведь за исключением государства все «типы» собственников в качестве субъектов имущественных отношений предстают как *одно* лицо, физическое или юридическое. Поэтому с правовой точки зрения все формы собственности классификатора, за исключением государственной, должны быть определены как негосударственная, т.е. частная собственность.

Между тем типы собственников различаются *по социально-экономической природе*, принадлежности и правовому режиму, мотивации деятельности. Это свидетельствует о переходном характере современного общества. За многообразием форм хозяйственной жизни России, отражаемым в Общероссийском классификаторе организационно-правовых форм (ОКОПФ), стоят существенные изменения в экономических и правовых отношениях собственности. В Общероссийском классификаторе форм собственности (ОКФС) оказался представлен поверхностный уровень их первых, правовых определений. Они не дают возможности разобраться ни в многообразии форм хозяйствования, ни в сущности тех или иных реальных отношений собственности, ни в их соотношении в экономике. Феномен собственности как социального явления проявился в том, что ее коллективные экономические формы оказались в нем в составе либо частной, либо смешанной форм. Составители ушли от выделения в качестве самостоятельных таких экономических форм, как коллективная, кооперативная, корпоративная собственность, объясняя это тем, что они (данные формы) не правосубъектные образования. ОКФС с его 33 формами собственности, экономическими и правовыми вперемешку и в различных соединениях, не позволяет составить верное представление о состоянии и эволюции отношений собственности в Российской Федерации.

Последней формой собственности, перешедшей из Общероссийского классификатора организационно-правовых форм в ОКФС в 2009 г.,

явилась утвержденная Приказом Ростехрегулирования *собственность государственных корпораций*, определяемая как имущество, принадлежащее на праве собственности государственной корпорации. В Российских статистических ежегодниках при распределении предприятий и организаций по формам собственности она вошла в число «прочих форм», при характеристике отдельных показателей видов экономической деятельности — в состав «смешанной российской», и лишь среди инвестиций в основной капитал в экономике она присутствует самостоятельно: *не государственная и не частная*. Ряд экономистов в публикациях определяют ее в составе государственной собственности, другие — как частную в недалеком приватизационном будущем.

Перестройка была начата с *правовыми* представлениями о собственности вообще и частной собственности как основе товарного производства. Юридические иллюзии о возможности посредством правотворчества создавать новый хозяйственный строй захлестнули массовое сознание. Не будем гадать, ограниченность правовых представлений о ней, социальное лукавство, политические или иные интересы лежали в основе российской модели ваучерной приватизации. На наш взгляд, отождествление собственности с имуществом и титулами собственности позволило провести в короткие сроки первичный передел государственной (по Конституции, общенародной) собственности. Как цинично свидетельствовал об ее итогах зампредседателя ГКИ РФ в 1990-х гг., в стране, знакомой с распределением водочных талонов, не составило особого труда каждого гражданина сделать собственником ваучера.

Глава 5

РОЛЬ ОСНОВНЫХ КЛАССОВ И СЛОЕВ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ В 1990–2013 ГГ.

Общественное воспроизводство осуществляется посредством системы экономических отношений. Наиболее существенную роль в ней играют отношения между классами. Классы здесь понимаются не с точки зрения уровня среднедушевого дохода домашних хозяйств, а в политэкономическом смысле. Если за основу их выделения взять известное ленинское определение классов¹, то в современной России субъектами межклассовых отношений являются: представители крупного и среднего капитала, рабочий класс и мелкая буржуазия. Социальная структура российского общества не сводится к этим трем основным классам. В ней можно обнаружить, например, нарождающийся класс земельных собственников, основной доход которых формируется от сдачи земли в аренду; или немногочисленный класс коллективных товаропроизводителей (кооперативы). Но эти (последние) классы в настоящее время не играют сколько-нибудь значимой роли в экономической системе.

В социальной структуре общества можно увидеть и различные промежуточные, переходные слои, обладающие признаками разных классов, а также группы, не относящиеся вообще ни к одному из классов (деклассированные слои). Могут быть выделены социальные группы и по другим признакам (профессиональному, территориальному, национальному и т.д.). Но отношения между этими группами носят производный от межклассовых отношений характер.

В данной главе основное внимание уделяется той роли, которую сыграли и играют основные классы российского общества в общественном воспроизводстве.

5.1. Генезис буржуазии и ее роли в процессе общественного воспроизводства

Буржуазия, как известно, — это класс, использующий наемный труд для производства и присвоения прибавочной стоимости. Класс буржуазии

¹ Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 388.

после его вытеснения из советского общества вновь возродился в России сравнительно недавно. Примерно с конца 1960-х гг. в нашей стране образовались и стали набирать силу поначалу немногочисленные социальные группы, обладавшие признаками буржуазии, и связанные с ними представители государственного и партийного аппарата. В ходе перестройки конца 1980-х гг. деятельность буржуазных и мелкобуржуазных элементов была частично легализована и были созданы условия для расширения их рядов и значительного усиления политического и идеологического влияния. Одновременно с этим произошел демонтаж планомерной организации народного хозяйства. Создались условия для захвата пробуржуазными силами руководящих позиций в политической системе страны, что и было ими осуществлено в 1990–1991 гг.

Для узурпации всей полноты власти нарождающаяся буржуазия не остановилась ни перед уничтожением единого государства — СССР (1991 г.), ни перед расстрелом высшего органа власти — Верховного Совета РФ (1993 г.). Неограниченная власть была необходима буржуазии для осуществления кардинальных изменений в системе экономических отношений, суть которых — установление своего экономического господства.

Эта цель была достигнута в 1990-е гг., в ходе приватизации государственных предприятий и либерализации экономики. Уже в 1995 г. доля занятых на предприятиях государственной и муниципальной собственности сократилась до 42,2% по сравнению с 82,6% в 1990 г., а доля основных фондов, находящихся в государственной собственности, уменьшилась за тот же период с 91 до 23%¹. В структуре доходов, по данным Росстата, доля заработной платы снизилась с 76,4 до 62,8%, а доля доходов от собственности и предпринимательской деятельности возросла с 6,2 до 22,9%². Причем необходимо учитывать, что Росстат включает в «заработную плату» все теневые доходы (это — примерно треть от «заработной платы»). Значительная часть «заработной платы» является доходом собственников предприятий, которые назначили себя «наемными» руководителями предприятий. Кроме того, доходом буржуазии является не только их личный доход как физических лиц, но и прибыль юридических лиц, фактическим хозяином которых она является. Величина же прибыли в 1995 г. была примерно такой же, что и приведенная Росстатом величина «заработной платы»³. С учетом этого перераспределение доходов в пользу буржуазии и мелкой буржуазии за период 1990–1995 гг. будет гораздо существеннее, чем определяемое Росстатом.

¹ Российский статистический ежегодник (РСЕ). 2001. С. 137, 329. — Режим доступа: http://www.gks.ru/doc_2001/year01/year01.arj

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 308.

В последующие годы позиции буржуазии еще более окрепли. Так, в 2013 г. доля государственной и муниципальной собственности в основных фондах сократилась до 18%¹, доля в занятых на предприятиях и в организациях, находящихся в государственной собственности, — до 28%. А сумма теневых доходов, прибыли и смешанных доходов от собственности (29,1 трлн руб.) превысила легальную заработную плату (25,0 трлн руб.)². Причем здесь не учитываются доходы российской буржуазии, которые она получает за рубежом на вывезенный из России капитал.

Что касается численности класса буржуазии, то косвенным приближенным показателем ее может быть число предприятий и организаций, не находящихся в государственной и муниципальной собственности. Хотя, разумеется, один и тот же собственник может быть владельцем нескольких предприятий, а у одного и того же предприятия может быть несколько фактических собственников. Число таких предприятий и организаций изменилось следующим образом: 1995 г. — 1450 тыс., 2005 г. — 4354,8 тыс., 2013 г. — 4502 тыс.³. Эти цифры дают основания для вывода о росте численности буржуазии — за счет создания предприятий родственниками собственников, перехода части мелкой буржуазии в разряд буржуазии, образования собственных предприятий наемными менеджерами и чиновниками-коррупционерами и т.д.

В 1990-е гг. система экономических отношений России приобрела характер государственно-монополистического капитализма, для которой свойственны:

- господство в экономике и политике крупного капитала в союзе с руководством государственного аппарата;
- переплетение государственной и частной собственности в крупнейших компаниях;
- борьба между олигархическими кланами за рынки и за влияние на государство;
- жесткая конкуренция между собственниками капитала и в то же время подчинение их коренным интересам класса буржуазии, в том числе — с помощью государственного принуждения.

От проводимых в России «рыночных реформ» явный и наибольший выигрыш получила именно буржуазия, став политически и экономически господствующим классом, приобретя свободу распоряжения большей частью экономических ресурсов страны, свободу обогащения за счет эксплуатации труда оставшейся части населения. Она стала классом, определяющим ход общественного воспроизводства и его результаты.

Кардинальное перераспределение доходов в обществе, либерализация экономики и внешней торговли при сохранении высокого уровня моно-

¹ РСЕ. 2014. С. 288. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm

² Там же. С. 268.

³ РСЕ. 2001. С. 313; РСЕ. 2014. С. 303.

полизма в ключевых отраслях производства вызвали в начале 1990-х гг. гиперинфляцию и экономический кризис, в ходе которого объем производства упал почти наполовину. Как следствие, резко снизились реальная заработная плата и уровень жизни большинства трудящихся, возникла безработица, скачкообразно выросли нищета и разнообразные социальные болезни. В интересах буржуазии государство существенно урезало социальные программы, расходы на образование и науку. С 1992 г. началась «естественная» убыль населения страны, доходившая в отдельные годы почти до 1 млн чел. в год.

Завладев имуществом предприятий в ходе приватизации, буржуазия стала использовать его для наращивания капитала и личного обогащения, вкладывать в те виды деятельности, которые приносят наибольшую норму прибыли, приобретать предметы роскоши, переводить капиталы за рубеж. В тех отраслях производства, развитие которых требовало значительных инвестиций и в которых был высок риск убытков из-за высокой конкуренции с импортом, произошло резкое сокращение инвестиций. Это коснулось значительной части обрабатывающих производств, прежде всего машиностроения и легкой промышленности, а также сельского хозяйства. В материальном производстве стал все сильнее преобладать сырьевой сектор, возросла зависимость российской экономики от конъюнктуры мирового рынка сырья. Параллельно с этим шел отток капитала за рубеж, исчисляемый десятками и сотнями миллиардов долларов в год.

После кризиса 1998 г. в стране началось некоторое оживление экономики, обусловленное главным образом значительным ростом цен на экспортируемые Россией сырье и материалы и резким удорожанием и снижением конкурентоспособности импорта вследствие падения курса рубля. Оживление 2000-х гг. сменилось кризисом и спадом 2008–2009 гг. Затем после некоторого оживления экономики Россия в 2014–2015 гг. вновь оказалась в кризисе. Динамика ряда основных показателей общественного воспроизводства представлена на рис. 5.1. В 2015 г. после периодов спада и оживления экономики объем промышленного производства в России составляет лишь 91,6% от уровня 1990 г., сельскохозяйственно-го — 100,5%, инвестиций в основной капитал — 60,6%. При этом объем ВВП в 2014 г. превысил уровень 1990 г. на 14,4% — за счет роста объема услуг, в том числе разбухания государственного аппарата и финансового сектора экономики, услуг охранных и посреднических фирм, прочих видов деятельности, не создающих стоимости.

Необходимо также учесть, что отрасли материального производства в неодинаковой степени испытали на себе установление господства класса буржуазии. Так, например, в ключевой отрасли, обеспечивающей материализацию достижений науки и техники, — производстве машин и оборудования, — объем производства на начало 2015 г. был в 2,5 раза ниже уровня 1990 г., а в легкой промышленности — в 5 раз. В структуре

промышленного производства резко уменьшилась доля обрабатывающих производств и увеличилась доля добывающих.

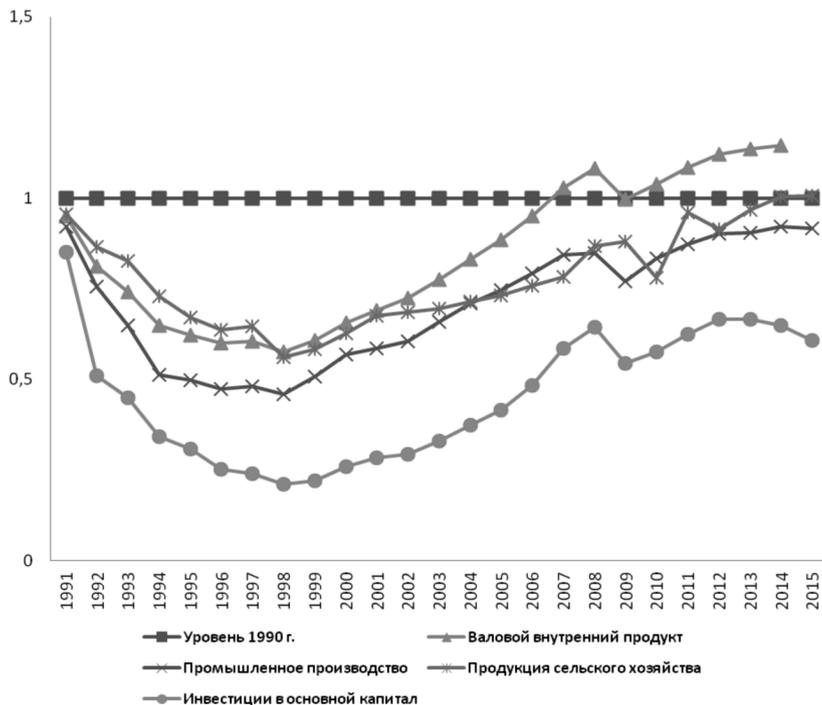

Рис. 5.1. Темпы роста показателей общественного воспроизводства в России (1990 = 1)

Источник: РСЕ. 2001. С. 38; РСЕ. 2014. С. 32; РСЕ. 2008. С. 36. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm; Информация о социально-экономическом положении России (ИСЭПР). 2014. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B14_00/Main.htm; ИСЭПР. 2015. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B15_00/Main.htm (показатели 2015 г. приведены за первые два месяца по отношению к соответствующему периоду 2014 г.).

В результате почти 25-летнего правления буржуазии процесс воспроизводства в России приобрел следующие черты:

- конъюнктура мирового рынка сырья, прежде всего рынка нефти, стала решающим фактором, определяющим состояние российской экономики;
- научно-технический потенциал страны — за исключением той его части, которая связана с оборонно-промышленным комплексом, — в значительной степени разрушен и продолжает разрушаться; как следствие — почти полная зависимость экономики от импорта технологического оборудования;

- постоянный и значительный отток капитала за рубеж при недостаточном объеме инвестиций в основные фонды российских предприятий;
- сохранение высокой степени износа технической базы преобладающей части производственных предприятий, что обуславливает их низкую конкурентоспособность;
- как следствие низкие и снижающиеся темпы экономического роста;
- наличие широких слоев трудящихся, живущих «за чертой бедности».

5.2. Изменение положения, состава и роли рабочего класса в системе общественного воспроизводства

К рабочему классу буржуазного общества относятся прежде всего наемные рабочие, создающие прибавочную стоимость. В более широком понимании к рабочему классу относятся также и наемные рабочие, не создающие прибавочную стоимость, но увеличивающие своим трудом капитал, создавая условия присвоения прибавочной стоимости хозяевами предприятий, на которых работают. На капиталистических предприятиях есть также наемные рабочие, занятые непроизводительным трудом, т.е. трудом, не увеличивающим стоимость капитала. Оплата их труда относится к чистым издержкам собственников предприятий. К ним относятся, например, персональные водители и повара управленцев, уборщики помещений и т.п. В точном научном смысле они не обладают всеми признаками рабочего класса.

Наемные рабочие трудятся и на предприятиях, и в организациях, находящихся в государственной и муниципальной собственности. Формально эта собственность не является частной или корпоративной. Тем не менее распоряжаются ею, как и нанимают рабочих, управленцы, служащие господствующему классу буржуазии, в интересах этого класса. Наемные рабочие таких предприятиях также делятся на три группы:

- а) создающие прибавочную стоимость, присваиваемую классом буржуазии;
- б) создающие условия для присвоения прибавочной стоимости классом буржуазии;
- в) занятые непроизводительным с точки зрения увеличения капитала трудом.

К последней группе относятся, например, наемные рабочие, занятые в бюджетном секторе и государственных учреждениях (правоохранительные органы, государственное управление и т.п.), — водители, сантехники, механики, слесари, электрики и т.п. Если первые две группы, по сути, относятся к рабочему классу, хотя формально они работа-

ют в государственном секторе, то третья группа не обладает всеми признаками рабочего класса.

Участвовать в увеличении стоимости капитала — и в этом смысле быть производительными с точки зрения буржуазии — могут и другие группы наемных работников — ИТР, служащие, но они не относятся к рабочим, поскольку непосредственно не воздействуют на предмет труда с помощью орудий труда. Рабочие заняты исполнительским трудом в отличие от ИТР и управленцев, организующих их труд. В отраслях материального производства они являются непосредственными производителями, материализующими в продуктах знания, технологии, планы организаторов производства. В этом заключается их важнейшая роль в общественном производстве.

В условиях господства класса буржуазии рабочий класс не несет ответственности за ход и результаты общественного воспроизводства. Он превращается в придаток капитала, на воспроизводство которого буржуазия выделяет лишь такой объем средств существования, который минимально необходим для обеспечения капитала достаточным количеством рабочей силы требуемой квалификации. При этом она постоянно стремится урезать и этот объем под предлогом «оптимизации», сокращая расходы на бюджетное образование и медицину, поддерживая нищенский уровень минимальной оплаты труда и т.д.

Российская статистика не дает достаточной информации для точного расчета численности рабочих в целом и по видам экономической деятельности, в том числе создающих прибавочную стоимость, а также для оценки уровня их заработной платы и оценки нормы прибавочной стоимости. В то же время на ее основе можно сделать приближенные количественные оценки ряда показателей, характеризующих численность и структуру рабочего класса, динамику нормы прибавочной стоимости.

За основу приведенных ниже расчетов были взяты данные советской и российской статистики¹, а также предположение об относительной стабильности долей рабочих в численности занятых отдельных отраслей материального производства. (Это предположение подтверждается данными советской статистики, которая ежегодно давала сведения о численности рабочих по отраслям.)

В табл. 5.1 приведены рассчитанные нами на основе этих данных оценки численности занятых и безработных рабочих в российской экономике в сравнении с общей численностью экономически активного населения, занятых и безработных.

¹ Народное хозяйство СССР в 1988 году. — М.: Финансы и статистика, 1989; Российские статистические ежегодники: РСЕ. 2001; РСЕ. 2009; РСЕ. 2014.

Таблица 5.1

**Численность занятых и безработных в РСФСР (РФ),
в том числе рабочих**

	1970 г.	1980 г.	1988 г.	2000 г.	2010 г.	2013 г.
Все экономически активное население, тыс. чел.	64 006	68 847	75 131	72 332	75 440	75 529
Всего занято в экономике, тыс. чел.	64 006	68 847	75 131	65 273	69 804	71 391
Общее число безработных, тыс. чел.	—	—	—	7059	5636	4138
Число занятых рабочих, тыс. чел.	39 127	45 769	45 518	35 861	34 855	34 725
Число безработных рабочих, тыс. чел.	—	—	—	4152	2581	1853
Всего рабочих, тыс. чел.	39 127	45 769	45 518	40 013	37 436	36 578
Доля рабочих в экономически активном населении, %	61,1	66,5	60,6	55,3	49,6	48,4
Доля рабочих в численности занятых, %	61,1	66,5	60,6	54,9	49,9	48,6
Доля рабочих в численности безработных, %	—	—	—	58,8	45,8	44,8

На основе табл. 5.1 построены графики, отражающие динамику приведенных в таблице показателей (рис. 5.2).

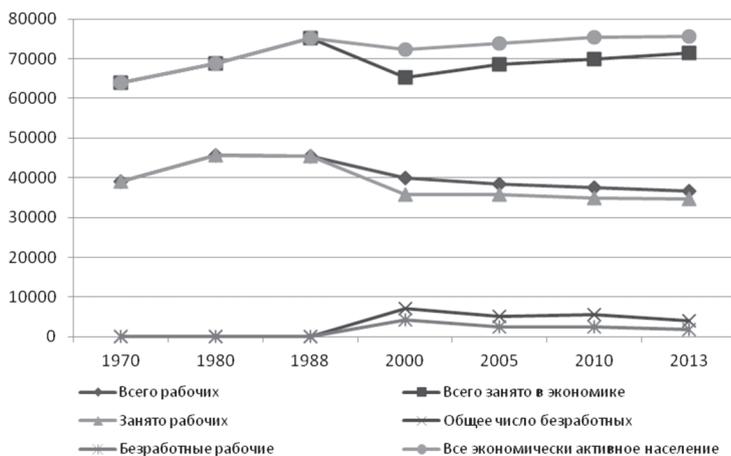

Рис. 5.2. Показатели численности рабочих в российской экономике, тыс. чел.

Как следует из приведенных показателей, численность рабочих и их доля в общей численности занятых и экономически активного населения повышались вплоть до конца 1980-х гг., а затем стали снижаться. Тем не менее доля рабочих в этих показателях остается достаточно вы-

сокой. Вышеприведенные данные характеризуют в целом численность рабочих, не выделяя из них тех, кто относится к рабочему классу в точном научном понимании.

Косвенным образом динамику численности рабочего класса можно оценить по числу рабочих, занятых в различных отраслях экономики. Однако статистика позволяет приблизительно оценить численность рабочих только по отдельным отраслям: промышленность, строительство, транспорт и связь. Результаты этих расчетов приведены в табл. 5.2.

Таблица 5.2

**Численность рабочих в российской экономике и ряде ее отраслей
(тыс. чел.)**

	1970 г.	1980 г.	1988 г.	2000 г.	2010 г.	2013 г.
Всего в экономике	39 127	45 769	45 518	35 861	34 855	34 725
Промышленность	16 120	18 097	16 206	12 846	11 034	10 592
Строительство	39 40	4976	5600	3417	4196	4341
Транспорт и связь	4117	5210	4168	4146	4331	4282
Остальные отрасли	14 950	17 486	19 544	15 452	15 294	15 511

Данным табл. 5.2 соответствуют графики, изображенные на рис. 5.3.

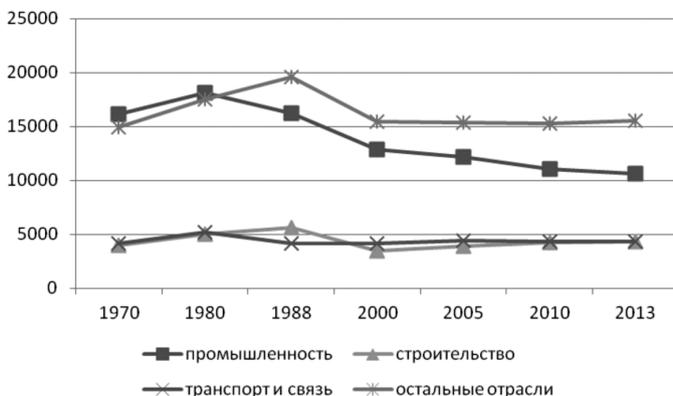

Рис. 5.3. Численность рабочих в ряде отраслей экономики, тыс. чел.

Из приведенных данных видно, что численность главной составляющей рабочего класса — промышленных рабочих — неуклонно сокращается, в то время как число рабочих в строительстве, на транспорте и в связи и в других отраслях в целом стабилизировалось. Сокращение численности промышленных рабочих объясняется общим спадом промышленного производства, о котором говорилось выше. Происходит уменьшение и численности всего рабочего класса, доля промышленных рабочих в нем уменьшается. Сокращается и численность рабочих, созда-

ющих прибавочную стоимость. Повышается доля рабочих, труд которых не создает прибавочной стоимости (продавцы, обслуживающий персонал, ремонтники и т.п.), но создает условия для ее присвоения собственниками капитала, а также доля работников, оплата труда которых относится к «чистым издержкам». Об этом говорят, например, данные табл. 5.3.

Таблица 5.3

Численность занятых в основных профессионально-квалификационных группах рабочих (тыс. чел.)

	2000	2013
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, тропительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	10 635	9386
В том числе:		
металлообработывающей и машиностроительной промышленности	4062	3814
рабочие транспорта и связи	1274	909
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	8801	8853
В том числе:		
водители и машинисты подвижного оборудования	6677	6871
Рабочие жилищно-коммунального хозяйства	491	231
Рабочие кино-, телестудий и родственных профессий, рабочие, занятые на рекламно-оформительских и реставрационных работах	66	39
Неквалифицированные рабочие	8791	7134
В том числе:		
сферы обслуживания, ЖКХ, торговли и родственных видов деятельности	470	372
сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства	1468	473
в промышленности, строительстве, на транспорте, в связи, геологии и разведке недр	1102	760
общие для всех видов экономической деятельности	5752	5530
Работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности*	3168	5148
Продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды*	3986	4943

* Значительная часть наемных работников услуг, охранников, продавцов и т.п., на наш взгляд, может быть отнесена к рабочим (как это и делала советская статистика), хотя далеко не все из них могут быть включены в рабочий класс в точном научном понимании.

Источник: РСЕ. 2014.

Рассмотренные выше процессы в российской экономике, вызванные установлением власти буржуазии, обусловили вынужденную смену профессии и утрату квалификации миллионами рабочих, переход их на неквалифицированную работу в сфере торговли и услуг. Оплата труда в этих видах деятельности ниже, а его продолжительность — выше.

Происходит постоянный отток рабочих из сельской местности в областные центры, а также из периферийных территорий в крупные тор-

гово-промышленные центры, прежде всего Москву и Санкт-Петербург. Многие рабочие вынуждены жить в съемном жилье и соглашаться на более тяжелые условия труда и неполные социальные гарантии, что еще сильнее ухудшает их положение. В то же время концентрация рабочих в крупных городах создает объективные условия для их массовых совместных выступлений в защиту своих прав и интересов.

Косвенным образом изменение положения рабочего класса за последние 25 лет отражает динамика среднемесячной реальной начисленной заработной платы. График этого показателя представлен на рис. 5.4.

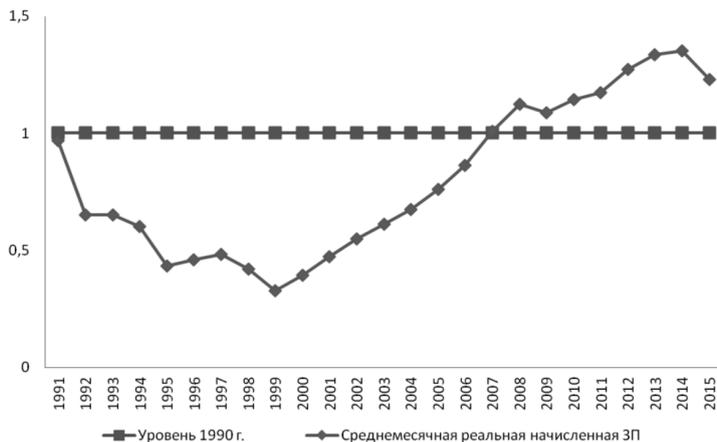

Рис. 5.4. Рост среднемесячной начисленной заработной платы (1990 = 1)

Источник: рассчитано по данным Российского статистического ежегодника (РСЕ) за разные годы. (За 2015 г. приведены показатели первых двух месяцев.)

Как видно из графика, уровень среднемесячной начисленной заработной платы после резкого падения в 1990-е гг. стал возрастать и достиг значения 1990 г. только в 2007 г. В январе-феврале 2015 г. он был выше уровня 1990 г. примерно на 22,9%. Вместе с тем, анализируя этот показатель, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- российская статистика включает в «заработную плату» все теневые доходы (они составляют около трети легальной заработной платы);
- размер заработной платы рабочих, как правило, намного ниже, чем руководителей, специалистов и служащих предприятий;
- за последние 25 лет сократился объем образовательных, медицинских и других услуг, оказываемых семьям рабочих бесплатно;
- значительно увеличились расходы на приобретение и аренду жилья;
- возросла продолжительность рабочей недели, а продолжительность оплачиваемых отпусков рабочих резко сократилась;

- как уже говорилось, многим рабочим пришлось перейти на работу более низкой квалификации и с меньшей оплатой.

С учетом изложенного есть основания считать, что реальная заработная плата подавляющего большинства рабочих и в 2015 г. не достигла уровня 1990 г.

Показателем, характеризующим положение рабочего класса, является также норма прибавочной стоимости. Оценить ее динамику можно по динамике соотношения темпов роста производительности труда и реальной заработной платы рабочих. Точных данных статистики для таких расчетов нет. Однако, принимая за основу данные Росстата, можно приближенно оценить рост производительности труда в главной отрасли материального производства — промышленности за период 1990–2014 гг. Она увеличилась примерно на 72%. Рост же реальной заработной платы рабочих, как уже говорилось, за тот же период был гораздо ниже. По нашим расчетам, норма прибавочной стоимости в промышленности в 2014 г. была не менее чем на 75–80% выше нормы прибавочного продукта в промышленности 1990 г.

Ухудшение положения рабочих заключается и в том, что их права на отстаивание своих интересов были существенно урезаны. На большинстве частных предприятий рабочие по новому законодательству о труде не могут добиваться заключения или выполнения коллективных договоров, проводить протестные акции в защиту своих интересов. Профсоюзное движение расколото. Самый крупный профсоюз — ФНПР из года в год теряет численность своих рядов. Так, если в 2001 г. они насчитывали 34,8 млн чел.¹, то на март 2015 г. — чуть более 21 млн чел.². Действия ФНПР носят соглашательский характер. Альтернативные профсоюзы более активны в защите интересов наемных рабочих, но пока не набрали силу и находятся в жестком противостоянии с органами власти и ФНПР, пытающимися вытеснить их из рабочего движения. Рабочий класс, по сути, в определяющей степени утратил возможность влиять на решения органов государственной власти и местного самоуправления.

В период начавшегося экономического кризиса экономическая зависимость труда от капитала усиливается, что сдерживает активные выступления трудящихся в защиту своих интересов. В то же время создаются условия для обострения противоречия между трудом и капиталом и нарастания рабочего движения в защиту интересов людей труда. Без активизации рабочего движения положение рабочего класса в ближайшее время будет только ухудшаться, способность его влияния на процесс общественного воспроизводства оставаться ничтожной.

¹ Постановление Исполкома Генерального Совета ФНПР от 01.08.2001 № 4–2. — Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/xd-gosudarstvo/v3r.htm>

² Доклад председателя ФНПР М. В. Шмакова 09.02.2015. — Режим доступа: <http://www.fnpr.ru/n/2/15/305/10555.html>

5.3. Эволюция мелкой буржуазии и промежуточных слоев общества

Мелкая буржуазия — это класс частных собственников, не использующих наемного труда. Доходы представителей мелкой буржуазии образуются в результате их собственного труда как в материальном производстве, так и в сфере услуг. Наличие мелкой буржуазии — неотъемлемое звено капиталистической системы экономических отношений. Часть квалифицированных работников, не довольствуясь трудом по найму, пытается обеспечить получение доходов за счет собственного бизнеса. Находя вид деятельности, дающий достаточный доход, каждый мелкий собственник стремится расширить дело и стать собственником капитала. Удастся это не всем. Часть мелких собственников не выдерживает конкуренции и переходит в состав наемных работников. Свобода предпринимательства — необходимое условие существования мелкой буржуазии. Поэтому она сыграла активную роль в разрушении плановой системы и установлении власти буржуазии.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. шел быстрый рост численности мелкой буржуазии. Это было обусловлено либерализацией экономики и последующим ростом численности безработных, пытавшихся найти самостоятельную занятость. Затем, по нашим оценкам, ее удельный вес в экономике стабилизировался. Это обусловлено тем, что мелкие собственники способны конкурировать с капиталистическими предприятиями только в определенных видах деятельности и в достаточно узких сегментах рынка. Поскольку «ниша» рынка, которую способны занять мелкие собственники, подвержена расширениям и сужениям, вызванным циклическими колебаниями капиталистической экономики, то численность мелкой буржуазии постоянно изменяется.

Точные данные о численности и доходах мелкой буржуазии отсутствуют. Российская статистика с 2011 г. учитывает деятельность индивидуальных предпринимателей, в число которых включается и часть фермеров. Эту социальную группу можно отнести к легальной части мелкой буржуазии. Данные Росстата, отражающие ее деятельность, представлены в табл. 5.4.

Таблица 5.4

Показатели деятельности индивидуальных предпринимателей (ИП)

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Выручка ИП, млрд руб.	7826,5	8707,4	9732,9
Доля выручки ИП в общем обороте предприятий, %	7,8	7,8	8,5
Численность занятых в ИП, тыс. чел.	2487,2	2602,3	2499,0
Доля ИП в общей численности занятых, %	3,5	3,6	3,5

Источник: РСЕ. 2012; РСЕ. 2013; РСЕ. 2014.

Приведенные в табл. 5.4 показатели не отражают теневую составляющую деятельности мелкой буржуазии. Но в целом они могут быть использованы для выявления тенденций в развитии мелкой буржуазии.

Представляют интерес также данные о деятельности ИП, публикуемые ООО «Коммерсантъ КАРТОТЕКА»¹, имеющим информацию о регистрации и ликвидации всех субъектов экономической деятельности. Некоторые из этих данных приведены в табл. 5.5.

Таблица 5.5

Численность ИП, включая фермерские хозяйства (ед.)

	Январь 2011 г.	Декабрь 2012 г.	Декабрь 2013 г.
Число ИП, ведущих деятельность	4 082 533	4 091 728	3 525 582
Число ИП, прекративших деятельность	2 514 910	3 886 822	4 927 454

Как видно из табл. 5.5, к декабрю 2013 г. прекратили свою деятельность почти 5 млн ИП, созданных в предыдущие годы. Численность же легально действующих ИП в декабре 2013 г. существенно сократилась по сравнению с предыдущими периодами, более чем на 0,5 млн.

Мелкая буржуазия является подчиненным элементом в системе капиталистического воспроизводства. С одной стороны, она увеличивает занятость населения, заполняет определенные узкие ниши рынка; с другой — является источником пополнения класса буржуазии. Сколь угодно существенного влияния на пропорции и темпы общественного воспроизводства она оказывать не в состоянии.

К промежуточным слоям буржуазного общества можно отнести:

1) *учредителей различных кооперативных предприятий.* Они обладают и чертами мелких частных собственников, создающих доход собственным трудом, и чертами буржуазии, поскольку используют наемный труд для извлечения прибыли.

Кооперативная форма наиболее распространена в сельском хозяйстве. Министерство сельского хозяйства России², например, приводит следующие данные о кооперативах (табл. 5.6).

¹ Статистика индивидуальных предпринимателей. — Режим доступа: /http://www.kartoteka.ru/info_ip/?tab=0

² Концепция развития кооперации на селе на период до 2020 года: Проект. — Режим доступа: / www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/23244..htm

Таблица 5.6

Количество сельскохозяйственных кооперативов и потребительских обществ на селе по состоянию на 1 января 2013 г.

Форма кооперации	Зарегистрировано кооперативов, ед.	
	всего	в том числе работающих
Сельскохозяйственные производственные кооперативы	12 190	7588
Сельскохозяйственные потребительские кооперативы	7349	4583
из них кредитные	1875	1252
Организации потребительской кооперации	3100	2852

Число такого рода кооперативов и их доля в производстве и сбыте сельскохозяйственной продукции, по-видимому, будут увеличиваться, поскольку они дают экономический выигрыш сельхозпроизводителям.

Что же касается кооперативов в других видах деятельности, работающих в городах, то в процессе капиталистического воспроизводства происходит постепенное расслоение этой группы на собственников капитала и наемных работников. Хотя Росстат не дает информации о деятельности этой части кооперативов, имеется достаточно фактов, подтверждающих данный вывод;

2) *наемных работников, не являющихся рабочими*. К таким работникам относятся руководители, специалисты, служащие; а также часть работников (по нашим оценкам — примерно 10%), включаемых в категории: «Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности», «Работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности». На основе данных Росстата можно оценить численность занятых работников этих категорий (табл. 5.7).

Таблица 5.7

Численность занятых наемных работников, не относимых к рабочим (тыс. чел.)

	2000 г.	2013 г.
Руководители	2852	6174
Специалисты высшего уровня квалификации	10 129	14 233
Специалисты среднего уровня квалификации	9889	10 719
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	2191	2054
Работники сферы индивидуальных услуг и защиты граждан и собственности, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности (оценка)	771	1036
Всего	25 832	34 216

Численность этой социальной группы в целом неуклонно увеличивается, за исключением категории «Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием». Растет и их доля в численности занятых: с 40% в 2000 г. до 48% в 2013 г., а также в численности безработных. Рассматриваемая социальная группа выполняет широкий круг функций в системе общественного воспроизводства, в числе которых можно выделить:

- научные исследования и опытно-конструкторские разработки;
- обучение работников и подготовка к профессиональной деятельности;
- руководство и организация труда на предприятиях и в организациях;
- сбор, обработка, хранение и передача информации, подготовка управленческих решений;
- оказание ряда услуг (медицинские, оздоровительные, консультационные, правоохранные, спасательные и т.д.).

Именно представители этой социальной группы играют ключевую роль в развитии НТП: разрабатывают инновации, обучают рабочих и организуют их труд, посредством которого инновации воплощаются в новых технологиях и видах продукции. Вместе с тем подавляющее их большинство работает по найму у отдельных групп буржуазии или у класса буржуазии целом — на предприятиях, в бюджетных организациях, в государственных учреждениях. Поэтому в их деятельности реализуются прежде всего интересы тех, кто их нанял. Это относится ко всем сферам приложения их труда — научной, образовательной, проектно-конструкторской, медицинской, правоохранительной, финансовой и т.д.

С точки зрения буржуазии производительным является только тот труд наемных работников, который увеличивает стоимость капитала. Это труд работников, занятых в коммерческих организациях. Буржуазия распоряжается им таким образом, чтобы извлечь максимальную прибыль. Труд распределяется в те виды деятельности, которые дают наибольшую прибыль при минимальном риске. На практике это вылилось в «посадке» российской экономики на «нефтегазовую иглу».

Затраты на оплату труда остальных, непроизводительных работников относятся к чистым издержкам. К таким работникам относятся:

- а) лица, оказывающие личные услуги буржуазии, на их оплате буржуазия, как правило, не экономит;
- б) работники бюджетных организаций и государственных учреждений.

Последние нанимаются для обеспечения общих условий капиталистического воспроизводства, к которым относятся, в частности, оборона страны, правоохранительная деятельность, здравоохранение, образование, научная деятельность и т.д. Расходы на эти виды труда собственники капитала постоянно «оптимизируют», т.е. сводят к необходимому

минимуму и даже ниже. Последнее имело место в 1990–2000-е гг. Последствиями стало нарушение условий общественного воспроизводства, что выразилось в разрушении научно-технического комплекса страны, «естественной убыли» населения, снижении качества образования и других негативных явлениях. Под влиянием господства буржуазии происходят изменения и в распределении специалистов и служащих по видам экономической деятельности. Общемировой тенденцией является увеличение доли занятых в сфере услуг. В России это также отчетливо наблюдается. Однако, в отличие от передовых стран, в нашей стране численность занятых в научных исследованиях и разработках не растет, а неуклонно сокращается. Так, за период с 2000 по 2013 г. она уменьшилась с 1201 тыс. до 889 тыс. чел.; численность занятых в образовании уменьшилась с 5979 тыс. до 5570 тыс. чел. Зато в государственном управлении за тот же период число занятых возросло с 3098 тыс. до 3711 тыс. чел., в сфере финансов — с 657 тыс. до 1309 тыс. чел., в операциях с недвижимым имуществом — с 4490 тыс. до 5815 тыс. чел.¹. Такие сдвиги в структуре занятых вряд ли отвечают потребностям инновационного развития.

Положение специалистов и служащих двойственно. С одной стороны, они, как и рабочие, являются наемными работниками и в большей или меньшей степени подвергаются эксплуатации со стороны буржуазии. С другой — они служат представителями капитала в отношениях с рабочими и отстаивают интересы работодателей. Эта двойственность проявляется в совпадении и различии их интересов с интересами наемных рабочих. Причем степень остроты противоречия их интересов с интересами наемных рабочих зависит от места представителей этой категории работников в системе экономических отношений. Одно дело — руководители предприятий, которые наиболее последовательно заинтересованы в росте прибавочной стоимости, и другое дело — рядовые инженеры, техники, врачи, преподаватели и т.п.;

3) *к промежуточным слоям общества относятся также лица, обладающие признаками разных классов.* Например, наемный работник (рабочий, инженер, специалист) часть своего времени может заниматься индивидуальным предпринимательством. Наемным руководителем акционерного общества может быть собственник крупного пакета акций этой компании и т.д. Поэтому роль этих слоев в общественном воспроизводстве является двойственной, противоречивой.

5.4. Роль государства в трансформации системы общественного воспроизводства

Придя к власти, буржуазия приватизировала не все государственные предприятия. Определенная их часть формально остается в обществен-

¹ PCE. 2014.

ной собственности (федеральной, региональной, муниципальной). Государство сохранило пакеты акций ряда стратегических предприятий для контроля за их деятельностью, участвует в капитале части предприятий для оказания им экономической поддержки.

Функционирование государственного сектора в конечном счете подчинено поддержанию тех условий капиталистического общественного воспроизводства, которые не обеспечиваются частной собственностью (что, в частности, свидетельствует о выходе экономических отношений за рамки частной собственности). Государственный сектор тем самым служит общим интересам класса буржуазии, а государственные предприятия находятся в общей собственности этого класса.

Сохраняется буржуазией и часть учреждений бюджетной сферы. Назначение этой сферы, как и всего государственного воспроизводства, — обеспечение условий капиталистического общественного воспроизводства, в том числе поддержание жизнедеятельности работников (здравоохранение, социальное страхование и обеспечение), развитие науки и образования и т.д. Рынок не в состоянии на необходимом уровне обеспечить удовлетворение соответствующих общественных потребностей. Поэтому господствующий класс вынужден выделять средства на ее функционирование в минимально необходимом объеме.

Что касается самих государственных органов, в которых также трудятся наемные работники, то их руководящий состав формируется крупной буржуазией в период выборов, подкупается ею в процессе работы, а потому и реализует главным образом интересы тех, кто поставил их у власти. Главная функция этих органов — охрана частной собственности, обеспечение условий капиталистического общественного воспроизводства, защита интересов класса буржуазии в целом.

Государство — главное орудие, завладев которым буржуазия совершила переворот в отношениях собственности и реализует свои общие интересы. Политика российского государства за последние 25 лет подчинена главным образом интересам именно буржуазии, т.е. интересам обеспечения наиболее выгодных условий применения и увеличения капитала. Характерно, что и сегодня, в период начала экономического кризиса, самое главное, что заботит российское правительство, — это создание комфортных условий для применения капитала.

В то же время депутаты и чиновники разного уровня имеют и свои частные интересы, которые при возможности ставят выше служебных, что проявляется в коррупции, которая нередко вступает в противоречие с коренными интересами правящего класса. В то же время продажность чиновников и депутатов необходима самой буржуазии — для наживы в обход законов. Особенно она нужна крупной буржуазии, которая в состоянии приводить к должности и подкупать чиновников любого ранга. Закономерно, что разгул коррупции в России появился именно в процессе возрождения и расширения капиталистических отношений.

5.5. Условия и пути повышения социально-экономической эффективности общественного воспроизводства

Негативные тенденции, сложившиеся в общественном воспроизводстве, о которых говорилось выше, противоречат интересам большинства народа России. Чтобы понять, как их преодолеть, нужно выяснить причины, их породившие. Такими причинами, на наш взгляд, являются:

- 1) рыночный механизм перелива капитала, который в нынешних конкретно-исторических условиях привел к «заболеванию» российской экономики «голландской болезнью»;
- 2) посредничество значительной части российской буржуазии между иностранным капиталом и отечественным рынком, обслуживание ею интересов этого капитала;
- 3) неспособность обособленных частных собственников к налаживанию массового производства технологического оборудования, превосходящего по своим свойствам импортное, и решению задачи широкомасштабного технического перевооружения национальной экономики;
- 4) подчинение деятельности государства интересам класса буржуазии при чрезвычайно слабом влиянии на решения государственных органов со стороны широких народных масс.

Ясно, что дальнейшим расширением свободы предпринимательства эти причины не устранить и негативные тенденции не преодолеть. Для этого требуются совсем иные, следующие действия:

- 1) кардинальное усиление влияния интересов большинства народа на политику государства. Для этого требуются подъем политической активности масс через развитие политических организаций рабочего класса и других слоев наемного труда, обновление состава государственного аппарата и выборных органов представителями, отстаивающими интересы широких народных масс;
- 2) государственное планирование, направленное на создание в течение пяти-семи лет конкурентоспособного отечественного машиностроения и на этой базе — осуществление технической реконструкции всего народного хозяйства, по своим масштабам сравнимой с довоенными советскими пятилетками;
- 3) подчинение интересов буржуазии интересам реконструкции народного хозяйства с помощью системы государственного планирования и стимулирования.

Глава 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ И НАЦИОНАЛЬНОГО ДОХОДА КАК УСЛОВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

6.1. Общие соотношения производства и распределения. Их специфика в рыночной экономике

Смысл экономики как таковой состоит в обеспечении жизненными средствами людей посредством приспособления в процессе труда природных ресурсов к их потребностям. Взаимосвязь производства и распределения как будто очевидна: распределить и потребить можно лишь то, что произведено. Распределение, как и потребление, является результатом производства. Однако в определенной мере и производство зависит от распределения. Действительно, для того чтобы производить, необходимо прежде распределить материальные и человеческие ресурсы по отраслям и видам деятельности, внутри отраслей — по предприятиям. В условиях частной собственности к этому добавляется распределение материальных ресурсов и конечного продукта по типу собственности. Распределение ресурсов является условием и предпосылкой производства. Это означает, что в распределении в определенной мере запрограммированы количественные результаты производства. Эффективность экономики очевидным образом зависит от того, насколько рационально и целесообразно распределены ресурсы. Качественный уровень сформированных в распределении условий производства разветвляется в текущий процесс взаимодействия ресурсов друг с другом, застывающий в определенном результате.

Взаимозависимость условий и результата, достигающая уровня их тождества, отнюдь не отрицает различий между производством и распределением как причины и следствия. Непреодолимый раздел между ними обнаруживается главным образом, если речь идет о сущностной природе экономической системы. Ее невозможно качественно преобразовать, заменить другой сущностью посредством исключительно распределения национального дохода и предметов личного потребления. Во всяком случае, до сих пор в человеческой истории этого не наблюдалось. Хотя попытки предпринимались довольно часто и безуспешно. Примером тому были «народные банки», «банки справедливого обмена». Их основатели ставили благородные цели устранения нищеты и неравенства людей посредством обмена товаров на основе их оценок в часах

рабочего времени изготовления, а не денег, пытаясь достигнуть равенства цен товаров их стоимостям. Но тем самым уничтожался рыночный механизм как таковой, ибо колебание цен вокруг состояния равновесия есть истинный смысл этого механизма, состоящий в определении стоимости (равновесной цены) методом проб и ошибок. Равенство цены и стоимости (рыночных и равновесных цен) достигается посредством кризиса. На выходе из кризиса в фазе оживления производства включается контур их отклонений, приводящий экономику на пике подъема в состояние максимального неравновесия, где воспроизводственные пропорции разрушены до такой степени, при которой воспроизводство невозможно. Вновь разражается кризис, восстанавливающий сбалансированность, после чего методом колебания цен (угадывания необходимых параметров) начинается экономический рост. Устранить отклонения цен от равновесия, обеспечивая одновременно динамический рост равновесного выпуска продукции, невозможно в рыночной системе. Это тождественно уничтожению стоимости и денег как таковых, т.е. ее сущности.

Известны и менее радикальные методы устранения социального неравенства при капитализме, предпринимаемые в разные периоды рыночной (капиталистической) экономики, включая и современный период. Важные, хотя и не во всем безупречные, выводы о влиянии распределения на производство содержатся в теории распределения Д. Рикардо. В ней научно обоснованы объективные законы соотношения заработной платы рабочих и прибыли капиталистов, определяющие распределение общественного продукта и динамику доходов основных классов. Здесь низкий уровень заработной платы ошибочно объяснен скудостью естественных ресурсов в земледелии и вытекающим отсюда законом убывающего плодородия земли. Считая невозможным увеличение заработной платы путем уменьшения прибыли, Д. Рикардо глубоко понимал и настоятельно подчеркивал опасность того, что «рабочие будут иметь слишком мало», призывая бояться низкой заработной платы для роста экономики. Но преодолевать угрозу нищенского уровня жизни он предлагал с помощью внешних факторов (нравственность, традиции, пропаганда комфортности быта и т.п.), влияющих на сдерживание численности народонаселения, и повышения тем самым пропорций распределения жизненных средств между ними, т.е. реальной заработной платы¹.

Взаимосвязи производства и распределения всесторонне и непротиворечиво раскрыты К. Марксом на диалектическом этапе развития классической теории². В дальнейшем анализе важны положения клас-

¹ Рикардо Д. Сочинения. — М.: Госполитиздат, 1955. Т. I. Гл. 2, 4; Т. III. С. 193–195.

² Маркс К. Ведение. Из экономических рукописей 1857–1858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 709–738; Маркс К. Капитал. Т. I // Там же. Т. 23. С. 89; Маркс К. Капитал. Т. II // Там же. Т. 24. С. 402, 460–464; Маркс К. Капитал. Т. III // Там же. Т. 25. Ч. I. С. 283, 356; Ч. II. С. 440–451.

сической политической экономии об объективном характере законов распределения и изменения динамики распределения, что означает обусловленность их содержания уровнем развития материального производства. Именно в этом смысле оно служит причиной определенных типов, видов и механизмов распределительных отношений экономики. Отношения распределения служат формой выражения сущности каждой экономической системы. Она состоит в способе соединения материальных и человеческих факторов производства в непосредственном производстве, образующем основание всего экономического пространства.

Сила и степень обратного влияния следствия на причину не второстепенны и не малозначимы. Действие распределения на непосредственное производство ограничено пределами сущности экономической системы. Оно не в состоянии преодолеть пределы, положенные данной сущностью. Тем не менее воздействие распределительных отношений осуществляется на разных структурных уровнях экономического пространства, вызывая многообразные изменения в факторах производства, поведении субъектов экономики, результатах производства и размерах пропорций воспроизводства. Распределение средств производства по формам собственности, национального дохода на заработную плату и прибыль, на личные доходы социальных классов или групп может стать стимулом производительности труда и экономического роста либо их тормозом.

Ограниченность влияния распределения на сущность системы пределами ее жизнедеятельности отнюдь не означает отсутствие такового. Ведь сущность в этих пределах всегда с необходимостью сохраняется и постоянно воспроизводится, но она не мертва. Сущность, как и остальные элементы системы, непрерывно изменяется. Благодаря этому она постоянно воспроизводится. Ее жизнедеятельность охватывает три этапа: становление, зрелость, отрицание. Они формируются из сочетаний разных уровней производительных сил и степени развития отношений данного типа между субъектами экономики. Сущностное отношение экономической системы также осуществляет названную триаду, приобретая все большую устойчивость, постепенно расширяя потенциал своих возможностей вплоть до достижения заложенного в ней внутреннего предела жизнедеятельности. Достигнув полной реализации внутреннего потенциала, сущность постепенно сокращает пространство своей деятельности. В экономике возникают недоступные ей проблемы. Как правило, это сфера принципиально иных технологических инноваций, новых форм координации деятельности субъектов экономики, новые социальные структуры. Экономический прогресс на третьем этапе не замирает, но его катализатором становится зарождающаяся новая сущность и встроенные новые регуляторы.

Этап ставшей сущности, где отношения между экономическими субъектами функционируют на адекватной технологической основе, сопровождается ее изменениями. При этом сохранение сущности, подчеркнем

снова, происходит посредством ее изменений. Однако изменения такого рода характеризуются как количественные. Ведь количество — это отношение предмета к самому себе. При этом качественные признаки предмета сохраняются. Влияние распределения на производство затрагивает все области экономического пространства. Границы такого влияния не исключают противоречия между производством и распределением. Оно возникает постоянно и непрерывно находит форму разрешения. Более того, противоречия между производством и распределением могут достичь такого контрапункта, что без радикальных изменений в распределении производство начинает стагнировать и разрушаться. Периоды революций ярко демонстрируют именно эту перемену мест причины и следствия. Наиболее радикальные изменения происходят в распределении ресурсов при изменении формы собственности на них. При этом меняются законы и пропорции распределения национального дохода между основными субъектами экономики.

Распределение само по себе не может кардинально изменить природу экономической системы. Однако в рамках данной функционирующей системы оно является достаточно ощутимым фактором влияния на ее эффективность. В том случае, если законы распределения, вытекающие из сущности экономики, грубо нарушаются по каким-то причинам, ее функционирование нарушается, что ведет к череде кризисов, банкротств и разрушению людских и материальных ресурсов. Реализация же таковых создает условия для экономического роста, качественных изменений в технологической основе экономики и возрастанию национального богатства.

В рыночной экономике распределение материальных ресурсов в виде постоянного капитала определяется законами воспроизводства общественного капитала, а внутри сектора частного бизнеса — законами внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции. Распределение между капиталом и трудом регулируется рыночным же механизмом на основе законов соотношения заработной платы (стоимости рабочей силы) и прибыли (прибавочной стоимости). Суть прибыли как «вычета из труда рабочих» в пользу собственника открыл А. Смит¹. Законы распределения вновь созданной стоимости на заработную плату и прибыль обнаружили Д. Рикардо и К. Маркс². Цены факторов производства и готовых продуктов формируются под влиянием объективных законов производства, которые определяют принципы распределения. Распределение же реализуется в трехуровневой сфере конкуренции посредством изменений в прибавочной стоимости, что превращает общественную стоимость в цену производства и, наконец, в рыночную цену, способную учитывать

¹ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Книга I. Раздел VIII «О заработной плате». — Пгтр.: Изд-во «Прибой», 1924.

² *Маркс К.* Капитал. Т. I. Отдел пятый // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23.

текущую конъюнктуру рынка при неизменности условий производства. Цена не является экзогенным параметром экономического процесса, витающим над ним, а потому одновременно влияющим на все элементы этого процесса. Напротив, она есть его следствие и результат, но обладающий определенным потенциалом влияния на первооснову благодаря способности отклоняться от него.

В неоклассической теории доминирует иное понимание соотношения производства и распределения, согласно которому оно определяется потребительским выбором. Распределение же совокупного продукта и богатства между тремя факторами производства (трудом, капиталом и землей) на заработную плату, прибыль и ренту определяется функционально на основе предельной производительности каждого фактора. Ценообразование же, согласно теории общего рыночного равновесия, осуществляется одновременно и одновременно, распределяя посредством рыночных цен факторные доходы¹. Обе названные неоклассические теории отражают индивидуальные решения некоего рационального субъекта. Если даже допустить рациональность действий каждого человека в использовании своего фактора производства, то конечный результат не будет равен сумме индивидуальных планируемых в процессе выбора результатов. Их доходы не совпадут с реальным доходом, который получит каждый из них после реализации продукции. Общество есть не простая сумма индивидов, но их взаимодействие, в результате которого первоначальные решения и выбор каждого существенно модифицируются. В результате межотраслевого взаимодействия (конкуренции) капитал устойчиво получает не максимальную прибыль, но среднюю независимо от производительности (органического строения капитала). Этот факт лишь затемняется колебаниями вокруг этого стабильного принципа. Рыночная же цена не витает в воздухе над производством и распределением, якобы одновременно их регулируя. Будь это правдой, в рыночной экономике не произошло бы ни единого кризиса. Однако позитивное значение исследования на основе принципа методологического индивидуализма, по моему мнению, все же имеется. Оно состоит в том, что здесь изучены траектории и рыночные силы, вызывающие отклонения от параметров равновесия.

Сложное многоуровневое содержание же равновесие и система его параметров оказались недоступны неоклассике по той причине, что она отказалась от понятия стоимости. При ограничении научного аппарата ценой доступным становится различие между рыночной ценой и ценой равновесия, объемом выпуска фактическим и равновесным, предельными нормами замещения продуктов или факторов в качестве критериев выбора субъектов. Однако качественно эти цены тождественны, разли-

¹ *Кларк Дж. Б.* Распределение богатства. — М.: Гелиос АРВ, 2000; *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело Лтд, 1994. С. 278–280, 395–450, 527–540.

чаясь количественно. Тем самым закрывается доступ к производству, заложенным в нем принципам распределения, а также к последовательности процесса ценообразования. Цена есть не что иное, как стоимость, формирующаяся в производстве, развертывающая свое содержание в распределении, во внутриотраслевой конкуренции, затем межотраслевой конкуренции и лишь на заключительном этапе конкуренции продавцов и покупателей (спроса и предложения). По этой причине неоклассические модели общего рыночного равновесия мало проясняют общую взаимосвязь производства и распределения на уровне общества, не раскрывают адекватные реальности механизмы, управляющие распределением ресурсов и совокупного продукта.

Необходимая для каждого данного уровня технического развития страны основополагающая пропорция распределения национального дохода между основными субъектами экономики определяется объективно. На нее нельзя повлиять иначе, как развивая техническую базу экономики, что снижает стоимость рабочей силы, повышая при этом уровень жизни рабочих, и увеличивает прибыль и в целом экономическую мощь капитала. В рыночной экономике эта пропорция, так же как и другие воспроизводственные пропорции, никому из участников распределения вновь произведенной стоимости не известна, ибо эмпирически полученные ориентиры постоянно меняются во времени и в пространстве. Определяется соотношение величины заработной платы и прибыли посредством колебаний нерегулируемых рыночных цен. Заработная плата колеблется вокруг стоимости рабочей силы, как цена любого товара, отклоняясь в ту либо другую сторону. Если спрос на продукцию растет, то это повышает спрос на рабочую силу, что вызывает увеличение заработной платы, численность занятых и экономический рост. В такой поступательной динамике заработная плата превышает пределы стоимости рабочей силы, поглощая прибыль. Однако наступает момент, когда сокращение прибыли делает невозможным продолжение производства в достигнутых размерах. Происходит падение производства, снижение загрузки производственных мощностей, сокращение спроса на рабочую силу, массовые увольнения и снижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы вплоть до восстановления размеров прибыли, активизирующей инвестиционную активность капитала.

В процессе колебания цен осуществляются объективные рыночные законы распределения посредством их непрерывного нарушения в ту или другую сторону. Закон стоимости как основание всей рыночной системы управляет движением цен таким образом, что отклонения от пропорций распределения вверх и вниз частично взаимоуничтожаются движением цен, что обнаруживается в тенденции рыночных цен к равновесным. Полностью же отклонения рыночных цен от равновесных цен уничтожаются экономическими кризисами. *Объективная пропорция между заработной платой и прибылью, как и все пропорции воспроизводства,*

достигается только в фазе кризиса. На самом дне кризиса находится воспеваемое в неоклассике общее рыночное равновесие. Основная функция периодических кризисов производства заключается в обеспечении всех пропорций воспроизводства. Он же и завершает распределение произведенного за определенный период общественного продукта. В рыночной экономике распределение результатов производства и национального богатства осуществляется посредством рыночных цен и периодических кризисов.

Сложившиеся в фазе кризиса пропорции между составными частями общественного продукта, отраслями, индивидуальными капиталами, между производством и потреблением являются исходным пунктом следующего витка воспроизводственного процесса. Как видно из изложенного выше, устойчивое, а потому и закономерное, соотношение между заработной платой и прибылью является основной предпосылкой и необходимым условием производства совокупного продукта и национального богатства. Кризис перераспределяет материальные и человеческие ресурсы по отраслям и видам деятельности, произведенный национальный доход — между экономическими субъектами, обеспечивая насильственно, посредством разрушения и уничтожения ресурсов необходимую сбалансированность экономических пропорций. С достижения в сфере распределения этого результата начинается оживление производства, а затем и его бурный подъем. Однако, как только начинается поступательная ветвь воспроизводства рыночной системы, вновь нарушаются достигнутые в кризисе пропорции. На пике экономического бума и роста масштабов производства образуются максимальный дисбаланс и неравновесие всех элементов воспроизводства. Вновь происходит кризис, меняются абсолютные, но важнее всего относительные цены на рынках труда, готовых продуктов, капитала. Изменение цен представляет собой механизм перераспределения, благодаря которому обеспечивается общее экономическое равновесие. Как видим, новая стоимость всякого товара, структурно состоящая из стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости, а также законов их соотношения, содержит причину цикличности протекания воспроизводства. *Причиной цикличности рыночной капиталистической экономики является противоречие между составными частями вновь созданной стоимости.*

Законы распределения в рыночной экономике запрограммированы в стоимости, а потому неустранимы. Но это не означает автоматизма их действия, парализующего волю и влияние людей. Известно, что заработная плата определяется стоимостью рабочей силы. А прибавочная стоимость, следовательно, прибыль не имеют закона, регулирующего их величины. Они образуются по остаточному принципу, а потому зависят от соотношения противостоящих сил. Рабочие посредством забастовок, иных форм давления на капитал, профсоюзов, политических партий, выражающих их интересы, влияют на уровень заработной платы. В борьбе

рабочие препятствуют движению вниз заработной платы от равновесия. Важнее же для них положительная динамика равновесных цен, отражающая расширение круга потребностей, включаемых в воспроизводство рабочей силы, что отражается на ее стоимости. Это является результатом технического развития, но не реализуется автоматической коррекцией заработной платы. Интерес предпринимателей заключается в том, чтобы максимизировать прибыль, в том числе уменьшая заработную плату и захватывая прибыль конкурентов. Конкуренция, борьба рабочих за свои права дополняют механизм цен и кризисов, включаются в состав органических элементов сферы распределения в рыночной экономике. В современной экономике весь набор рыночных инструментов распределения сохраняется, но существенно изменяется и расширяется.

В современном мире пространство чисто рыночной экономики постоянно сужается. Ее можно обнаружить в некоторых странах периферийного капитализма с монархическим управлением, где рыночные отношения вытесняют остатки феодальных. Технически развитые страны теперь дополняют рыночное регулирование экономики централизованным управлением посредством экономической политики. Такая экономика получила довольно неопределенное, неудачное, но все же намекающее на суть происходящих в ней процессов название смешанной экономики. В современной экономике развитых стран сохраняются частная собственность на ресурсы, рыночные принципы распределения ресурсов и национального богатства, но появляются и поступательно развиваются новые формы собственности и новые принципы координации экономической деятельности. Государство в современной экономике является экономическим субъектом, государственный сектор — новой формой собственности, крупные корпорации часто имеют смешанную частно-государственную форму собственности. В связи с этим повышается роль распределения в функционировании экономики, а также существенно изменяются ее инструменты. В смешанной экономике возрастает потенциал распределения как стимула производства.

Возникновение государственных форм в материальном производстве, координации экономической деятельности и распределении ресурсов, валового дохода, национального богатства означает *сужение пространства деятельности рыночного механизма*. Он теряет свое свойство всеобщей формы связи и координации субъектов экономики. Регулирующая и стимулирующая функции этого механизма непрерывно ослабевают. Однако рыночные регуляторы на данном этапе сохраняют свою жизнеспособность. Их насильственное сдерживание снижает общую эффективность экономики. Централизованное государственное регулирование экономики является закономерным следствием развития ее технологической основы. Оно заключается в возникновении новой техники, на мой взгляд, двух принципиально различных видов. Один вид представлен *неоиндустриальной техникой*. Это новый технологиче-

ский уклад в рамках трехзвенной системы машин, управляемой человеком. Принципиально иная сущность заключена в возникающей со второй половины XX в. новейшей *постиндустриальной технике, которая состоит из четырех звеньев, где человека* замещает *программное управление рабочей частью машины.*

Различия в экономическом содержании современной новой техники определяются принципиально различным влиянием на положение человека в экономическом процессе. Неоиндустриальная техника существенно повышает производительность труда, формы организации производства и рост общей эффективности экономики. Но это изменение в рамках данного качества. Например, использование в автомобилях вместо бензина экологических видов энергии, железнодорожный транспорт на магнитной подушке и др. Поэтому неоиндустриальная техника не требует качественных изменений в формах связи субъектов экономики, регулировании экономики. Хотя как непосредственный предшественник постиндустриальной техники, неоиндустриальные виды машин и оборудования содержат переходное содержание. В частности, их сложность увеличивает время оборота основного капитала, размеры капиталовложений, их рискованность, что изменяет формы производственной интеграции и повышает предельную норму эффективности частных инвестиций. Постиндустриальная техника (автоматические линии; робототехника; атомная, космическая техника и т.п.) освобождает человека от производственного процесса. Эта техника создает возможность для человека сосредоточиться на производстве знаний, что пока не может сделать ни одна машина. Но тем самым просматриваются очертания развития самого человека в соответствии со своим понятием, а также экономики будущего, где целью станет человек. Постиндустриальная техника существует уже сейчас в технически развитых странах, но она пока не доминирует в общем объеме применяемых машин и оборудования. Но все же ее влияние в экономике заметно. Это обнаруживается прежде всего в том, что стратегические направления технического прогресса во всех технически развитых странах уже сейчас труднодоступны даже крупным частным корпорациям.

6.2. Природа российской экономики и особенности ее эволюции

Российская экономика по своей природе является смешанной по формам собственности на ресурсы и механизму координации экономической деятельности. В отечественной литературе существуют мнения о переходном характере российской экономики, основанном на незавершенности процесса трансформации плановой экономики в рыночную. Официальная же позиция, включая международные институты, определяет ее с рыночной экономикой, одновременно относя ее по классификации

МВФ к развивающимся, стало быть, неразвитым рынкам. Заметим, развивается рыночная экономика, как любая экономическая система, всегда вплоть до достижения этапа возникновения внутри нее отношений новой системы. Старые отношения перестают развиваться, но функционируют, постепенно сокращая пространство своей деятельности. Аргументы о том, что переход к рынку в России еще не закончен, недостаточно убедительны, ибо они обычно апеллируют к более низкому уровню жизни населения в России в сравнении с западными странами. Сравнение уровней жизни, безусловно, верно, причем разрыв постоянно увеличивается. Но в XIX в. в западных странах население было беднее, чем сейчас в России. А экономика представляла собой классическую свободную рыночную экономику. Следовательно, этот показатель не дает достоверной информации о сущности экономики. Часто к бедности добавляют коррупционность как аргумент о неразвитости рыночных отношений, именуя их «диким капитализмом», «криминальным капитализмом»). Однако шокирующий масштаб коррупции в нашей стране доказывает обратное. Там, где деньги являются главным регулятором, люди «гибнут за металл» даже в «бумажной» форме. В рыночной экономике коррупция — ее имманентное свойство. Достаточно сослаться на известный американский документальный фильм Ч. Фергюссона «Грабеж», удостоенный в 2010 г. премии «Оскар», где показана мошенническая паутина громадного масштаба, охватывающая все общество — от банков, компаний, до федеральных министерств и советников президента США, грабившая народ.

Зачастую о якобы нерыночном характере российской экономики судят на основании пассивности капиталистов по отношению к инновациям. Руководители высшего звена на экономических форумах возмущались тем, что «наши предприниматели ничего не предпринимают». Это верно, но не только наши, но и «их» предприниматели не столь активны, как век тому назад. Тем не менее это не отрицает их статуса капиталистов. Современный уровень производительных сил, техники, технологический столь сложен, что частный бизнес стал преградой для их развития. Его пассивность по отношению к технологическим инновациям — характерное явление и в западных странах. Не случайно именно в этой сфере все более концентрируется теперь деятельность государства. Так, в США, лидере современного технического прогресса, именно государство возглавляет инвестиционный процесс на стратегических направлениях НТП. Оно стимулирует отнюдь не конкуренцию, а именно кооперацию производственных компаний, университетов, информационное обеспечение, выращивание необходимых фирм, организуя и финансируя на этих направлениях образование кластеров. Поэтому отсутствие в России заметных результатов, несмотря на предпринимаемые усилия властей, инвестиционного процесса свидетельствует об ошибочности проводимой либеральной политики ухода государства из экономики, неэффективности промышленной и инвестиционной политики.

Переход к рыночной экономике в России завершился в результате ввода свободных цен, приватизации основной части государственной собственности, конвертируемости рубля, создания рыночной инфраструктуры — коммерческих банков, биржевых площадок и других рыночных институтов. Преобразования такого рода осуществлялись в течение 1991—1995-х гг. Частная собственность, колебания цен, кризисы и прочие атрибуты рыночного механизма стали реальностью к середине 1990-х гг. Тогда же и закончился переходный период, завершилось становление рыночной экономики. Для трансформации плановой экономики в рыночную не потребовалось много времени. И это не случайно. Движение вперед требует напряжения народных сил. Откат назад может происходить легко и быстро. Экономика России деградировала и технически, и социально в течение первых двух-трех лет рыночных реформ. Галопирующая инфляция весьма ускорила реставрацию рыночных отношений. К 1995 г. ВВП РФ сократился на 40%, объем промышленно-го производства — на свыше 50%, инвестиции уменьшились в 4 раза.

Плачевные результаты российской экономики 1990-х гг. довольно часто трактуют как неизбежный трансформационный кризис, наследие плановой экономики, результат отсутствия рыночных отношений, неизбежные итоги переходного периода. Действительно, всякая трансформация в экономике связана с издержками. Однако если трансформация означает прогрессивное движение вперед, устраняет препятствия в экономике, она вряд ли привела бы к столь разрушительным результатам. Можно для сравнения вспомнить трансформацию другого периода нашей страны, периода перехода к плановой экономике, индустриализации и коллективизации. Ведь тогда тоже разрушались прежние традиционные формы производства и механизмы хозяйствования, сопровождавшиеся довольно радикальными преобразованиями социальных отношений и острыми противоречиями в обществе. Тем не менее с начала политики индустриализации страны всего за пять лет был сделан рывок в электрификации страны, были созданы ранее отсутствовавшие отрасли промышленности — металлургическая, тракторная, станкостроение, автомобильная, авиационная, химическая и др. Каждые пять лет в экономике достигались позитивные результаты, ощущавшиеся каждым человеком. За 20 лет плановой экономики практически с нуля была создана индустрия мирового уровня.

Эволюция экономики России, начатая в 90-х гг. прошлого века, противоположна направлению современной эволюции развитых стран Запада. Эволюция здесь направлена от рынка к государственной деятельности в сфере производства и распределения ресурсов, конечного продукта и доходов, от частной собственности к образованию государственного сектора. В России эволюция приняла обратную направленность. Причины отказа от плано-во регулируемой социалистической экономики и перехода к капитализму трактуются по-разному. Полной ясности до сих пор нет.

По моему мнению, антиисторическая эволюция от плана к рынку является результатом «холодной» войны, объявленной нашей стране сразу же после завершения Великой Отечественной войны. Страну непрерывно разоряли сознательно навязанной и непрерывно подогреваемой гонкой вооружений, в результате чего тормозилось развитие гражданских отраслей. Беспрецедентное давление на нашу страну, введение санкций в связи с возвращением Крыма в состав России и событий на Украине подтвердило опасность внешней угрозы даже для крупной страны. Государственные перевороты, диктуемые извне, к сожалению, происходят постоянно. Внутренние недостатки в советской экономике, конечно, имелись. Стерильности в реальной жизни не бывает. Однако все множество таких недостатков и ошибок никоим образом не представляло внутренней угрозы гибели советской экономики.

Современная рыночная экономика западных стран находится на высшем этапе развития — на этапе государственно-монополистического капитализма, именуемом сейчас смешанной экономикой. Экономика свободной конкуренции достигла своего предела к 1870-м гг. В России переход к государственно-монополистической стадии начался позднее, но был ускорен войнами, революциями. К началу Первой мировой войны российская экономика находилась именно на этом этапе. Итоги рыночных 20 лет — превращение космической державы в сырьевой придаток развитых стран. Эти итоги являются убедительными аргументами существования и *действия именно рыночного механизма в российской экономике*. Однако реставрация рыночной экономики в России не смогла полностью уничтожить механизм государственного регулирования. Он частично сохранился потому, что ранее существовал в самой развитой форме из того, что создано человеческой практикой. Уход государства из экономики благодаря усилиям либеральных реформаторов 1990-х гг. вызвал гиперинфляцию, разрушение технологической базы всех отраслей экономики, в первую очередь постиндустриального сектора, обвал выпуска валового продукта, деградацию социальной структуры общества.

Функционирование рыночного механизма в интересах получения прибыли частными собственниками привело страну к дефолту 1998 г. Произошедшие вскоре перемены во властных структурах привели к корректировке экономической политики. Государство активизировало свою деятельность в экономике. Экономические кризисы дали почувствовать обществу, что рыночный механизм не способен их преодолеть по лекалам XIX в., искусственно навязанной стране. Времена торжества безграничной, а потому свободной конкуренции, воспроизводившей несвободу для основной массы населения, постепенно уходят в прошлое. Этот процесс можно затормозить, но невозможно отменить. В 2000-е гг. возобновился экономический рост, были выдвинуты задачи модернизации и диверсификации экономики и инновационного развития. Определенные результаты были достигнуты. Создавались крупные промышлен-

ленные государственные корпорации. Оживилось обновление капитала на оборонных предприятиях, в автомобильной, авиационной, судостроительной промышленности. Предпринимались меры по импортозамещению. Сократилась доля доходов от нефти и газа в госбюжете. Однако активизация экономической деятельности осуществлялась преимущественно монетарными методами и рычагами, что не случайно. Ее результаты оказались недостаточны, чтобы вырваться из сырьевой ловушки и технологической зависимости, что обнаружилось при резком падении цен на нефть и введении санкций. Тем не менее в России неолибералам не удалось отстранить государство от экономики, уничтожить государственный сектор экономики и государственное влияние на реальный сектор экономики.

Сочетание в экономике России рыночных и государственных механизмов координации деятельности субъектов, частной и государственной форм собственности на материальные ресурсы, доминирование частных, государственных и частно-государственных крупных корпораций являются основополагающими признаками государственно-монополистического капитализма, или, в современной терминологии, смешанной экономики. Монополия представляет собой не просто одну из рыночных структур наряду с другими, как утверждается в микроэкономических моделях, но переходную экономическую форму, а потому и более развитую, чем совершенная конкуренция. Именно это обстоятельство обуславливает возможность и необходимость государственного регулирования экономики. Исторически государственная деятельность в экономике возникла практически одновременно с ее монополизацией.

Преодоление структурной и технологической отсталости возможно посредством расширения поля деятельности государства в экономике России и качественного изменения цели, функций и направлений экономической политики. Либеральные идеи ухода государства из экономики негативны, ибо не соответствуют объективному течению истории и современному уровню технического развития. Они были верны в XVIII в. В наше время отсутствие государственного регулирования неизбежно превращает экономику в «дикий» капитализм, дикий по своей внутренней сути для современной цивилизации, что и ограничивает его дикую сущность методами экономической политики государства. Рыночная экономика регулируется методом «проб и ошибок». Современная техника, в особенности постиндустриальная, посредством столь архаичного механизма развиваться не может. Она требует более точных и совершенных форм развития. Неблагоприятная ситуация, вызванная резким падением мировых цен на энергоносители, обострила проблемы, возникшие в связи с переходом России к рыночным отношениям.

Падение цен мирового рынка на нефть и газ, введение отраслевых санкций, ограничивающих доступ к товарным рынкам, передовым технологиям, кредитам послужили *катализатором рецессии* экономики и кри-

зиса в денежной сфере экономики. *Причина же этого носит внутренний характер.* Экономика сырьевой ориентации не имеет внутренних технологических источников развития. Техническую модернизацию осуществили в основном добывающие отрасли. Сколь бы ни был технологически современным их уровень, при отсталой обрабатывающей промышленности даже добывающая промышленность технологически уязвима, так как зависит от импорта комплектующих изделий. В общественном воспроизводстве российской экономики сформировался дисбаланс, устранение которого не по силам рыночным инструментам. Эффективность российской экономики при сложившейся структуре неизбежно обречена на деградацию. Это обусловлено объективными экономическими законами. *В добывающих отраслях действует закон убывающей отдачи* от капитальных вложений. Повышать отдачу определенное время можно путем применения прогрессивных методов добычи, производительного оборудования и оптимизации транспортной инфраструктуры. Однако предел этому заключается в ограниченности полезных ископаемых, их истощении в местах разработок. Переход от легко доступных месторождений полезных ископаемых к труднодоступным всегда связан с ростом издержек. Освоение арктического шельфа нефтедобычи — выразительная иллюстрация закона убывающей отдачи. Неустранимость предела, которым является ограниченность полезных ископаемых на планете, рождает закон убывающей отдачи. *В обрабатывающей промышленности действует закон возрастающей отдачи*, ибо здесь не существует предела совершенствованию техники, следовательно, роста производительности труда. А это выражается в росте конечного продукта, жизненных средств населения и прибылей компаний. В сырьевых отраслях безграничный разум человечества не в состоянии преодолеть предел, положенный природой в видах и количествах полезных ископаемых. Высокие внешние цены на нефть и газ могут временно обеспечить выживание и решение социальных проблем посредством экспорта энергоносителей. Однако при сколь угодно высоких ценах экспортоориентированная модель развития неизбежно лишает страну исторической перспективы.

6.3. Экономическая политика как системная целостность

Решение жизненно важных для России задач преодоления экспортно-сырьевой ориентации экономики и перестройки ее структуры возможно посредством обновления основных фондов всех отраслей на основе современного технического прогресса. В процессе структурных и технических преобразований необходимо произвести импортозамещение в объеме, достаточном для обеспечения технологического суверенитета страны. Это, в свою очередь, требует прогрессивных изменений сложившейся в годы рыночных реформ архаичной социальной структуры общества с необоснованными разрывами в доходах. Проблема грандиоз-

ной сложности встала перед страной. Ведь перечисленные задачи невозможно решать последовательно. Воспроизводственные связи в экономике предполагают системность, а потому одновременность ставших безотлагательными преобразований. Они могут быть осуществлены при радикальном изменении экономического курса. Речь, прежде всего, идет об изменении роли и места экономической политики государства в смешанном механизме координации и об ее качественном преобразовании.

Для *одновременного* решения стоящих перед страной сложнейших технических, экономических и социальных проблем в кратчайшие сроки (три-пять лет) необходимо экономическую политику превратить в *основной регулятор* экономической жизни. Она не должна ограничиваться нишами традиционных провалов рынка. *Современная техника расширила пространство, где рынок бессилён*. Кроме того, *специфика экономики России*, связанная с климатом, масштабом и природным разнообразием территории, многонациональным населением и др., *существенно ограничивает возможности рыночного механизма*, усиливая необходимость экономической политики государства. Экономическая политика должна определять четкие ориентиры развития экономики в разных формах (планов, прогнозов, программ). Исходя из этих ориентиров, экономическая деятельность частного бизнеса посредством косвенных стимулов направляется на их достижение. *В результате согласования частных и общественных интересов существенно повышается эффективность рыночного механизма*, а тем самым и его значимость.

Системный характер предстоящего обновления экономики России предполагают не только количественные, но и качественные преобразования экономической политики. Существенная модификация ее содержания, адекватная природе экономики и вызовам времени, будет достигнута при условии, что *экономическая политика приобретет характер системной целостности*. Для этого требуется обновление ее цели, функций, инструментов и институтов. Последние 25 лет экономическая политика в России носила преимущественно монетарный характер. Осуществить фундаментальные преобразования всего реального сектора только монетарными инструментами невозможно. Они способны лишь скорректировать дисбалансы воспроизводства. Ведь хорошо известно, что номинальная сфера экономики возникает, создается, формируется ее реальным основанием, реальным сектором. Но не наоборот. Несмотря на обратное влияние следствия на причину, различия между ними и характер действия в обозримом периоде отменить невозможно. Необходимо резко сократить косвенные методы воздействия на реальный сектор экономики посредством финансовых вливаний в коммерческие банки, так как они обогащают банки и не доходят до предприятий.

Причинно-следственная связь реальной и номинальной сфер экономики определяет объективные требования к экономической политике государства и направлениям ее изменений. Прямые методы управле-

ния процессом воспроизводства способны резко увеличить эффективность реального сектора, поскольку устраняют посредников, связанные с ними потери денежных ресурсов, хищения бюджетных средств и коррупцию. Основной функцией экономической политики закономерно становится *обеспечение сбалансированного развития экономики с целью ее суверенной самодостаточности, конкурентоспособности, повышения уровня и качества жизни народа*. Для этого необходимы новые инструменты регулирования, корректировка традиционных инструментов, изменения управления экономической деятельностью государственного сектора и способов взаимодействия с частным сектором экономики. Возможность фундаментальных преобразований экономической политики существенно облегчает формирующаяся правовая основа таковых, заложенная в Федеральных законах «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и «О промышленной политике в Российской Федерации».

В современной экономике центральным направлением экономической политики является активизация технического прогресса и процесса социализации общества. В смешанной экономике России государство является единственной силой, способной сконцентрировать ресурсы на стратегических направлениях научно-технического прогресса и эффективно управлять им. Потенциал частного сектора исчерпывается традиционной индустриальной техникой. Однако в частном секторе сосредоточена преобладающая часть материальных ресурсов. Согласование его частного интереса с общенациональными целями содержит значительный резерв роста эффективности экономики. Встраивание деятельности частного капитала в решение общенациональной задачи импортозамещения и в целом преобразования экономики является одной из важнейших задач экономической политики государства.

Для сбалансированного воспроизводства экономики необходимо формирование межотраслевых пропорций. Это становится прерогативой экономической политики. Определение основных пропорций воспроизводства исходит из некоторых предпосылок. Это, во-первых, адекватное отображение действительной структуры экономики. Во-вторых, четкий прогноз необходимого технического уровня каждой отрасли. В-третьих, точный расчет траектории превращения исходных пропорций в пропорции, необходимые для обеспечения суверенитета и обороноспособности страны, повышения уровня и качества жизни населения. В-четвертых, способы и инструменты практического воплощения выявленных пропорций. Предпосылки в совокупности окаймляют пространство *экономической политики как системной целостности*. Возможности для их выполнения в России существуют.

Экономическая политика вбирает в себя выработанные практикой всех стран инструменты, не пренебрегая ни одним из них. Однако их эффективность и обусловленное этим поле действия отнюдь не одинаковы. Из двух ставших традиционными ее видов — кредитно-денежной

и бюджетно-налоговой — первая является исторически ранней и менее развитой. Острая дискуссия в теории мейнстрима об их соотношении и эффективности не завершена. Не имея возможности остановиться на ее анализе, отметим, что аргументы Дж.М. Кейнса о слабой эффективности монетарной политики не опровергнуты. Российская практика ее применения подтвердила их истинность. Весьма показателен пример антиинфляционных мер ЦБ РФ, результатом которых является рост инфляции до двузначных величин. Это не случайно. Инструменты кредитно-денежной политики имитируют рыночный механизм. Тем самым они воспроизводят его пробелы и внутреннюю неэффективность. Бюджетно-налоговая политика — более развитый способ регулирования, так как она содержит инструменты прямого действия, а не только косвенного.

До сих пор в бюджетной российской политике слабо использовались даже традиционные инструменты. Это относится к госзаказу, налогам и субсидиям. Налоги фактически служили фискальным целям. Их стимулирующая функция оказалась в тени. В значительной мере действие этого инструмента нейтрализовано линейной шкалой налога с физических лиц, чего не наблюдается ни в одной развитой стране. Тем самым одновременно снижается использование потенциала субсидий, поскольку эти два инструмента обладают симметрично противоположным действием. Введение прогрессивной шкалы налогообложения актуально в связи с необходимостью изменения социальной структуры общества. Сложившаяся в России резкая социальная дифференциация опасна. Экономически не обоснована концентрация огромной доли национального богатства у 1% населения, унизительно велика доля людей с доходами ниже прожиточного минимума и ниже среднего по стране. Помимо антигуманности, социально несправедливое распределение национального богатства служит тормозом экономического роста и развития общества. Ведь большая часть трудовых ресурсов воспроизводится в качестве, не способном соответствовать требованиям технологического продвижения экономики. На другом же полюсе концентрации богатства процветают паразитическое потребление и необузданная шокирующая цивилизованного человека роскошь. Изъятие сверхдоходов можно направить на равный доступ всех к образованию, здравоохранение, повышение качества жизни российского народа.

Радикального совершенствования требует политика госзаказа. Это наиболее сильный инструмент прямого влияния государства на реальный сектор. Он обладает наибольшим мультипликативным эффектом. Поэтому именно госзаказ более всего востребован для структурного преобразования экономики, для продвижения базовых технологических инноваций и для импортозамещения технологий. Между тем до сих пор он применяется фрагментарно и бессистемно. Случайный, зачастую непрофессиональный характер выбора точек воздействия на процесс воспроизводства при формировании госзаказа не может дать заметных ре-

зультатов. В конкурсных комиссиях, размещающих госзаказ, зачастую просто нет специалистов, способных оценить предлагаемые технические проекты. В литературе отмечается коррупционность в сфере госзаказов.

Принципиальные изменения в политике госзаказа произойдут в том случае, если его формирование и размещение приобретут системный экономически обоснованный характер. Этого можно достигнуть посредством метода межотраслевого баланса. Он позволяет точно определить структурные пропорции воспроизводства, обеспечить регулирующими инструментами их сбалансировать и диктуемую новейшей техникой динамику необходимых изменений. Стратегическое планирование, органически соединенное с методом межотраслевого баланса, вырабатывает государственные приоритеты. На этой основе формирование госзаказов получит системный характер и выраженное качество достижения общенациональных приоритетов.

Стратегическое планирование на основе метода межотраслевого баланса является фундаментом целостной системы экономической политики. Она, думается, должна состоять из трех звеньев. Центральным звеном являются институциональные структуры и инструменты, непосредственно регулирующие реальный сектор. Оно *определяет фундаментальные макроэкономические пропорции* методом межотраслевого баланса, а также механизм их достижения и регулирования. К первым относятся пропорции между средствами производства и предметами потребления; материальными и личным факторами производства; основным и оборотным капиталом; амортизацией и обновлением основных фондов; развитием науки и базовых технологических инноваций и др. Механизм их регулирования состоит из разнообразных форм взаимодействия и стимулирования частного сектора. Специфические условия воспроизводства в России определяют *необходимость регулирования* не только межотраслевых пропорций, но также и *межрегиональных пропорций*. Это позволяет оптимально использовать природные и трудовые ресурсы, размещенные на огромной территории страны неравномерно.

Два других звена экономической политики составляют кредитно-денежная и бюджетно-налоговая политика. В преобразованном виде они оказываются составными элементами целостной экономической политики страны. Их инструментами обеспечиваются взаимосвязи всех видов экономической деятельности и предприятий всех форм собственности. Частный сектор и частные инвестиции функционируют в рыночной среде. Их деятельность регулируется рыночным механизмом. Однако выработанные посредством балансового метода четкие прогнозы развития экономики сами по себе для них полезны в качестве средства минимизации убыточных вложений капитала. Их участие в реализации общегосударственных проектов обеспечивается известными инструментами стимулирования. *Составным элементом стратегического планирования должны стать генеральные схемы размещения производитель-*

ных сил. Опыт и методика их разработки в нашей стране имеются. Институт по размещению производительных сил функционирует. Можно надеяться на сохранение предыдущей практики и ее адаптации в новых условиях, столь необходимой для решения жизненно важных проблем современной российской экономики.

Экономическая политика, развитая до уровня целостной системы с внутренне связанными элементами и звеньями, адекватна действительной природе современной экономики, в которой разнородные формы собственности и механизмы координации сосуществуют и взаимодействуют. Уменьшая потери колебательных движений рыночного механизма, экономическая политика повышает эффективность не только экономики в целом, но и рыночного механизма. Потенциал целостной системы экономической политики достаточен для осуществления технологического суверенитета, структурного преобразования и сбалансированного развития экономики России.

6.4. Изменения в распределении — исходный пункт структурно-технологических преобразований экономики России

Центральный пункт преодоления экспортоориентированной односторонности экономики сосредоточен в машиностроении. Здесь создается технологический потенциал всех отраслей, включая сельское хозяйство. В машиностроении заключен основной потенциал преодоления структурного дисбаланса российской экономики и технологической зависимости от развитых стран. Форсированное развитие машиностроительного комплекса является фундаментом структурных преобразований, всеобщей технической модернизации отраслей и импортозамещения технологий. Его продукция многообразна. Он состоит из группы высоко консолидированных отраслей. Однако техническая основа машиностроительного комплекса серьезно пострадала в процессе рыночных реформ. Многие предприятия, производящие высокотехнологическую продукцию станкостроения, авиационной промышленности и др., разрушены. Предприятия, вошедшие в крупные промышленные корпорации, смогли частично обновить основные фонды импортным оборудованием. Производственные мощности многих машиностроительных предприятий используются до сих пор нередко на 3–5%. При отсутствии же амортизационного фонда они не в состоянии обновлять основные фонды. Трудность структурно-технологических преобразований заключается в необходимости первоочередного преобразования основных фондов самого машиностроительного комплекса. Но произвести их можно в машиностроении. Каким образом разорвать этот заколдованный круг?

Распределение совокупного продукта, как показано в начале главы, создает условия продолжения производства. Значительный потенциал влияния на воспроизводственный процесс в целом и отдельных отрас-

лей заключен в изменении пропорций распределения ресурсов и предметов потребления. Именно распределение ресурсов способно выполнить функцию импульса структурных и технологических преобразований российской экономики. В нашей стране в этом плане сложилась уникальная возможность. Она связана с экспортно-сырьевой направленностью экономики, из которой необходимо вырваться как можно скорее. Благодаря такому дисбалансу экономика имеет одну отрасль и один вид продукции, конкурентные на мировом рынке. Это топливно-энергетический комплекс, технологический уровень которого вполне современный. Благодаря высоким мировым ценам на нефть и газ отрасль достигла объемов производства советского уровня и смогла сформировать фонд возмещения основного капитала и обновить его технический уровень. Кадровый потенциал, где Россия ранее имела конкурентное преимущество, за годы рыночных реформ весьма ослаблен. Сейчас возник серьезный дефицит квалифицированных кадров для технологических преобразований экономики. Конкурентное преимущество России в обеспеченности энергоресурсами и энергией можно использовать в качестве катализатора технологической модернизации экономики. *Сформировать предпосылки и стимулы развития машиностроения, а затем всей экономики можно посредством реформирования топливно-энергетического комплекса и финансового сектора.*

С тем, чтобы превратить конкурентное преимущество российского сырьевого сектора в источник развития собственной, а не западной экономики, необходимо, по моему убеждению, произвести три существенных изменения в топливно-энергетическом секторе экономики. *Во-первых, изменить пропорцию между поставками энергоносителей и энергии на внутренний рынок и на экспорт. Во-вторых, изменить систему ценообразования на энергоносители и на энергию. В-третьих, снизить издержки производства и тем самым тарифы на электроэнергию.* Реформа такого рода создаст условия и исходный импульс преобразованиям машиностроения и всеобщим фундаментальным преобразованиям российской экономики.

В настоящее время 75% объема добываемой нефти экспортируется на внешние рынки. На внутренний рынок поставляется всего 25% добытой нефти. В советский период пропорция между поставками нефти на внутренний рынок и на экспорт была противоположной. В 1988 г. из 550 млн т добываемой нефти (сравнимой с нынешним объемом) по экспорту реализовывалось 23,1 млн т нефти, для внутреннего потребления — 76,9%¹. Для достижения технического уровня экономики, превышающего уровень 1980-х гг., требуется количество энергоресурсов, по крайней мере не менее того, что потреблялось отечественными предприятиями в тот период. Увеличить кратно объемы добычи нефти не представляется возможным. Поэтому необходимо перенаправить приблизительно две

¹ См.: Народное хозяйство СССР в 1988 г. — М., 1989. С. 639.

трети экспорта нефти для внутреннего потребления. Оставшуюся часть нефти, предназначенной для внешних поставок, реализовывать в форме продукции высоких переделов, предельно сокращая объемы продаж сырой нефти и нефти первых переделов. Доходы от экспорта увеличат финансирование новых технологических разработок, в первую очередь в электронное машиностроение. Именно в них наблюдается наибольшая технологическая зависимость от импорта. Дефицит электронного оборудования испытывает даже оборонный комплекс.

Увеличить внутреннее потребление энергоносителей не так просто, как это может показаться. Оно означает отсутствие спроса предприятий и отраслей на отечественные машины и оборудование, их неконкурентоспособность. Быстро и массово появиться отечественная техника мирового уровня не может. Однако сфера распределения может создать условия для ускорения этого процесса. Главное действующее лицо в этой сфере — цена. Следовательно, экономическая политика предназначена обеспечить эффективные для промышленных отраслей результаты, недоступные рыночному механизму. Здесь возможно ввести принцип двойственного ценообразования на энергоносители. Экспортные цены энергоносителей определяются мировым рынком. Валовая экспортная выручка производителей всех форм собственности распределяется регулятором в зависимости от среднего уровня рентабельности в промышленности и от решения общенациональных проблем. Цены внутреннего рынка энергоносителей необходимо ориентировать на выполнение функции стимулирования технического прогресса. Для этого их уровень регулируется инструментами экономической политики. Причем разными инструментами, связанными друг с другом и действующими одновременно. Наряду с регулированием цен могут вводиться зависимые от уровня цен налоги и субсидии.

Главная цель регулирования внутренних цен на сырье, энергоносители призвана обеспечить промышленность дешевой отечественной техникой. Дешевое сырье и энергия снижают издержки металла, металлопроката. Следовательно, снижаются издержки производства станков, оборудования. Не сразу возникнет эффект масштабного импортозамещения. Но уже сейчас имеются отечественные разработки машин, оборудования, приборов, которые, как часто отмечается в литературе, достигают мирового уровня по качеству, но дороже зарубежных. Снижение внутренних цен на продукцию топливно-энергетического топлива ниже общемировых облегчит внедрение имеющихся отечественных разработок. Появляющиеся затем возможности НИОКР в машиностроении постепенно, но достаточно быстро могут обеспечить конкурентоспособные машины и оборудование для всей российской экономики.

Двойственность ценообразования на внутреннем и мировом рынках противоречит правилам ВТО. Введение секторальных санкций западными странами является вопиющим нарушением таковых. Кроме того,

в практике США, стран Западной Европы правила ВТО не так уж редко нарушаются. Скажем, оказывается весомая господдержка сельскому хозяйству. Россия имеет моральные основания в политике ценообразования на энергоносители и энергию не следовать правилам ВТО. Политика импортозамещения и двойственность цен на некоторые национально значимые виды товаров отнюдь не означают отказа от принципа открытости российской экономики.

Регулирование цен разными способами часто практикуется в современной смешанной экономике. Оно достаточно хорошо отработано. Аналогичная практика применялась в угольной отрасли советского периода, единственной убыточной отрасли того периода экономики. Цены на энергоносители и энергию могут устанавливаться на уровне безубыточности, позволяющем предприятиям отрасли сохранять прежние объемы выпуска и технологии. Можно допустить в течение достаточно длительного времени и убыточное ценообразование топливно-энергетического комплекса, субсидируя его функционирование посредством изъятий сверхприбыли и сверхдоходов в других точках экономического пространства. Применение регулируемых внутренних цен на энергоресурсы послужит стартовой площадкой повышения спроса на имеющиеся современные отечественные технологии и инновационные разработки.

Снижение цен на электроэнергию можно осуществить иным путем, чем цены на сырьевые ресурсы. *Существует возможность снижения издержек производства электроэнергии посредством восстановления единой энергетической системы страны*, каковой энергетика была при рождении отрасли. Разукрупнение РАО ЕЭС привело к росту издержек по ряду направлений, включая потерю энергии в сетях, неполное ее использование из-за часовых поясов, необоснованные ценовые надбавки, фактор коррупционности и др. Возрастание издержек производства электроэнергии вследствие разрушения единой системы приводит к постоянному росту тарифов на электроэнергию. Этим создается постоянно действующий источник инфляции и торможения технического развития страны. *Восстановление единой энергетической системы России представляет собой мощный стимул удешевления отечественной техники и импортозамещения*. Снижение издержек, вызванное организационными изменениями в электроэнергетике, понизит тарифы. Вполне вероятно, что в этом случае не потребуются иного регулирования цен, кроме рыночного.

Финансовый капитал в России работает чрезмерно автономно от реального сектора экономики. Это явно не соответствует его роли как связующего звена экономической системы. Основная функция финансового капитала состоит в аккумуляции временно высвобождающегося в каждом пункте экономики капитала и направлении его в те предприятия и звенья, где он находится в связанной форме. Вместо увеличения скорости движения общественного капитала финансовый капитал во всем мире все более превращается в тормоз развития и организатора

кризисов. В России же он наряду с этим осуществляет отток денежного капитала за рубеж, подрывая денежные и кредитные ресурсы страны. Паразитическая роль финансового капитала заключается в ослаблении и даже нейтрализации мероприятий экономической политики государства по поддержке промышленности и сельского хозяйства. Выделяемые из госбюджета и национальных фондов средства для этих целей не выходят за пределы денежного оборота, принося прибыль и обогащение банкам, но не доходят до производственной сферы.

Без коренного изменения банковской и в целом финансовой сферы трудно добиться преобразований реального сектора экономики. Здесь *нуждаются в реформировании Центральный банк и коммерческие банки*. В условиях внешнего давления по всем линиям на нашу страну вызывает сомнение независимость Центрального банка, ибо при этом он оказывается зависимым от мирового финансового капитала. Вернуть коммерческим банкам их имманентную функцию обслуживания производственной сферы, производной от которой они являются, можно по крайней мере двумя путями. Можно отказаться от двухуровневой банковской структуры посредством упразднения коммерческих банков. В этом случае наряду с Центральным банком формируются крупные отраслевые государственные банки. Каждый из них обслуживает финансовые операции и кредитование отдельной отрасли экономики. Кроме того, отраслевые банки обслуживают вклады населения. Менее радикальный вариант реформирования банковской сферы состоит в усилении государственного контроля коммерческих банков. Опыт такого государственного контроля финансового сектора применяется в западных странах. Им целесообразно воспользоваться.

Распределительные отношения оказывают влияние на эффективность предприятий всех форм собственности, включая государственный сектор. Здесь также обнаруживается некоторый неиспользованный резерв возможностей экономического роста. Преимущество государственных предприятий в сравнении с частными состоит в непосредственной направленности их деятельности на общенациональные цели, тем самым на прямое их включение в систему общественного разделения труда. Они избавлены от колебаний конъюнктуры, у них стабильные рынки сбыта и источники кредитования. Но государственные предприятия действуют в окружении частных компаний и предприятий. Количественно эта среда везде в мире пока превышает государственный сектор. Россия, по имеющимся подсчетам по объему государственного сектора, измеряемому численностью занятых, находится ниже среднемировых значений. Преобладающее окружение частного сектора (конкурентного и монопольного) модифицирует деятельность государственного сектора. Взаимодействие с рыночной средой приводит к тому, что государственный сектор начинает зачастую функционировать, имитируя частный бизнес. В результате искажается его цель обеспечения общественных потребностей

и национальных приоритетов. Целью становится прибыль. Распределение валового дохода, в свою очередь, имитирует рыночное распределение валовой выручки от реализации продукции. Возникают заработные платы руководителей государственных компаний, сопоставимые с личными доходами собственников и топ-менеджеров частных корпораций. Вместо сокращения социальной дифференциации между людьми государственный сектор ее углубляет, мало отличаясь в этом от рыночного бизнеса. При доминировании последнего иное труднодостижимо, ибо квалифицированный руководитель при более низкой заработной плате на государственном предприятии предпочтет работу в частном бизнесе. Устранить негативное асоциальное влияние частного сектора на функционирование государственного сектора частично можно посредством прогрессивной шкалы налогообложения. Сверхвысокие доходы частных собственников, определяемые не производственными результатами предприятий, а лишь частным присвоением и бесконтрольностью со стороны общества, могут посредством налоговых изъятий служить решению улучшения социальной структуры. В этом случае распределение создает предпосылки позитивных сдвигов в производственной структуре экономики. Другой путь состоит в постепенном движении к доминированию общенациональных приоритетов над частными интересами, что возможно при доминировании государственного сектора в экономике. Такое направление соответствует общемировым тенденциям и историческому процессу развития экономических систем.

Глава 7

ЗЕМЛЯ

КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО

7.1. Земельное богатство и рентные отношения

Национальное богатство, являясь совокупностью потребительных стоимостей, накопленных обществом за весь год его производственной деятельности в стоимостной форме, включает в свой состав и природные ресурсы, вовлеченные в процесс производства: сельскохозяйственные угодья, леса, водные ресурсы, месторождения полезных ископаемых, гидроэнергетические ресурсы и др.

«Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средства труда, и материал труда, и место для жительства, т.е. *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к *собственности коллектива*, притом коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена»¹. В большинстве азиатских форм объединяющее общее начало, деспот, стоящий над всеми мелкими сельскими общинами, выступает как высший собственник или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступают как вторичные собственники или наследственные владельцы. Античная форма собственности предполагает общину, но общину городскую. Часть земли является общинной, другая, большая часть находится в частной собственности граждан. Иной формой собственности работающих индивидов является германская община, функционирующая при феодализме. Это действительно общая собственность индивидуальных собственников, а не собственность союза этих собственников. На Руси, в России действовала славянская община.

«У древних мы не встречаем ни одного исследования о том, какая форма земельной собственности и т.д. является самой продуктивной, создает наибольшее богатство. Богатство не выступает у них как цель производства, исследуется всегда вопрос: какая форма собственности обеспечивает государству наилучших граждан? Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов — монополистов посреднической торговли, — живущих в порах древнего мира, как евреи в средневеко-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 463.

вом обществе»¹. У физиократов формой богатства является, говоря экономически, только рента этот избыток выступает как дар земли. Получается, что первые пророки капитала считают представителем *буржуазного* богатства не капиталиста, а феодального земельного собственника. Но вывод, который они делают из этого, — переложение всех налогов на ренту — целиком уже в интересах буржуазного капитала.

Богатство при коммунизме включает в себя и результаты труда, не зафиксированные в вещественной форме: степень искусности наличного населения, производственный опыт и др. «...Если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»².

Экономическая реализация земельной собственности происходит в форме присвоения земельной ренты. Теория земельной ренты была разработана Д. Андерсоном, У. Петти, А. Смитом, Д. Рикардо. К. Маркс освободил теорию земельной ренты от связи с пресловутым «законом убывающего плодородия почвы». Добавочные вложения труда и капитала предполагают изменения способов производства, преобразование техники и технологии, комплексное развитие всех факторов плодородия почвы. Он также показал, что монополия частной собственности на землю препятствует свободному переливу капитала в сельском хозяйстве, отраслях добывающей промышленности и других отраслях, связанных с землей (и водой), где имеется более низкое органическое строение капитала. Последнее является условием образования абсолютной земельной ренты.

Если абстрагироваться от всякой спекуляции земли, то цена земли может повыситься в тех случаях, когда рента повышается, не только за счет снижения процента, но и за счет возрастающего процента на капитал, присоединенный к земле.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 475.

² Там же. С. 476.

Повсюду, где существует вообще рента, образуется дифференциальная рента, и подчиняется она тем же законам, что и земледельческая рента. Повсюду, где силы природы могут быть монополизированы и обеспечивают применяющему их промышленнику добавочную прибыль — будь то водопад, или богатый рудник, или богатая рыбой вода, или хорошо расположенное строительное место, — собственник земли и воды улавливает у функционирующего капитала эту добавочную прибыль в форме ренты. Существует не только земельная, но и другие виды ренты, связанные с землей и водой: горная рента — в добывающей промышленности; строительная рента — прежде всего в городах и поселках; лесная рента — в отраслях лесоразведения и лесозэксплуатации; «рыбная» — в отраслях, связанных с ловлей рыбы и рыбозаводством; энергоресурсная — в энергоресурсных отраслях. Особенность горной ренты заключается в том, что в отличие от земельной, где она не иссякает, если земля эксплуатируется правильно (плодородие земли в этом случае даже повышается), рента с горных участков существует до тех пор, пока не иссякнет данное месторождение полезных ископаемых. Обычно перед этим производительность затрат снижается, так как уменьшается добыча полезных ископаемых. Есть еще одна особенность горной ренты, как и других, аналогичных видов ренты: она как бы присоединяется, прибавляется к уже существующей земельной ренте.

В крупных городах, где строительство ведется фабричным способом, главным предметом строительной спекуляции становится собственно не дом, а земельная рента. При истечении срока договора об аренде, который составляет самое большее на 99 лет, земля со всеми находящимися на ней строениями и земельная рента, которая обычно повышается в несколько раз, возвращаются от строительного спекулянта или его правопреемника к преемнику первоначального земельного собственника. Поэтому арендная плата за участок под постройку зданий в крупных и быстро растущих городах особенно велика. В Нью-Йорке, Токио на отдельных участках 1 кв. м земли стоит более 1 млн долл. Все это ведет к удорожанию строительства, значительно повышает стоимость жилищ. Что касается лесной ренты и ренты с рыбных угодий, то здесь имеются свои особенности, связанные с биологическими факторами. Кроме того, эти виды ренты различны в зависимости от того, является ли, например, лес продуктом лесоводства и лесоразведения (лесопосадки) или это лес, который растет без всякого воздействия человека.

7.2. Национализация земли советской властью и реставрация абсолютной ренты в современной России

Национализация земли в России была осуществлена в соответствии с Декретом о земле, принятым 8 ноября 1917 г. Вторым Всероссийским

Съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Российское крестьянство выступало против частной собственности на землю, в том числе и крестьянской, против ее купли-продажи, аренды, залога (крестьянский наказ о земле был составлен на основе 242 местных крестьянских наказов и опубликован в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» от 19 августа 1917 г. (№ 88). Эсеры, которые считали крестьянский наказ своей программой, не смогли его реализовать, хотя входили во Временное правительство. Его осуществили большевики в день своего прихода к власти (три четверти Декрета о земле — крестьянский наказ). В соответствии с этим декретом в России помещичья собственность на землю была немедленно отменена без всякого выкупа. Право частной собственности на землю отменялось навсегда; земля не могла быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетная, монастырская, церковная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д. — отчуждалась безвозмездно, обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование всех трудящихся на ней. Большая часть земель, конфискованных у помещиков, магнатов капитала, монастырей и т.п., а также большая часть свободных сельскохозяйственных угодий поступили в бесплатное пользование крестьян. В соответствии с Декретом всего *крестьяне России получили более 150 млн десятин земель. Крестьяне были освобождены от уплаты долга крестьянскому поземельному банку в сумме 1323 млн руб. золотом, а также от арендных платежей помещикам и от расходов на покупку земли (ежегодная сумма составляла 700 млн руб. золотом). Помещичий инвентарь, переданный крестьянам, оценивался в 800 млн руб.* Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи не подлежали разделу, а превращались в показательные хозяйства и передавались в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их. Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и пр. конфисковались, обращались во всенародное достояние и переходили в исключительное пользование либо государства, либо общины¹. Паразитический класс земельных собственников был ликвидирован, а вместе с ним перестала существовать абсолютная земельная рента. Крестьяне получили землю, свободную от всяких долговых обязательств. От ликвидации абсолютной земельной ренты выиграли все слои населения, так как это привело к снижению издержек производства и снижению цен на продукцию сельского хозяйства, добывающей промышленности, строительства жилья и других производственных построек. В США затраты на покупку земель и другие операции с землей составляли у фермеров 26 центов на каждый затра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 226, 227.

ченный доллар. А дифференциальная рента I и II при социализме сохраняется. Она поступает государству через дифференциальные цены по зонам на продукцию сельского хозяйства и добывающей промышленности, через дифференциальный подоходный налог¹. «С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю, — писал К. Маркс, — будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и, как добрые отцы семейства, они должны оставить ее улучшенной последующим поколениям»².

Национализация земли облегчила переход крестьянства к социализму. Она способствовала проведению индустриализации, позволила раскрыть богатство российских недр и поставить их на службу всему народу. Только полностью разведанные полезные ископаемые оценивались в 30 трлн долл. В нашей стране разведанные запасы полезных ископаемых на душу населения в 6 раз выше, чем в США, и в 15 раз больше, чем в Европе.

Однако российские реформаторы не поняли пользы от ликвидации абсолютной ренты. Все эти закономерности практически игнорировались в программе реформирования российской экономики, подготовленной в США. Уже в конце 1991 г. президент и правительство отказались от программы, принятой II Чрезвычайным съездом народных депутатов. С начала 1992 г. Б. Ельцин и Е. Гайдар приступили к «шоковой терапии», к свободному ценообразованию, к реорганизации колхозов и совхозов. Последнюю предполагалось завершить к концу года.

Земельный кодекс, принятый в начале XXI в. и подписанный президентом России В. В. Путиным, ввел свободную куплю-продажу сельскохозяйственных и городских земель, в том числе занятых жильем и нежилыми помещениями, земель, обогащенных полезными ископаемыми, не только российским гражданам, но и иностранным гражданам, а также лицам без гражданства.

В условиях криминального капитализма купля-продажа земель (сельскохозяйственных и особенно городских земель) открывает новый источник различных махинаций, спекуляций, криминалитета, обогащение немногих в ущерб всему обществу.

Продажа прав аренды земли в Москве началась с 1993 г. Проведение конкурсов на право долгосрочной аренды земли привело к резкому подорожанию московской земли, а затем быстрому росту цен на жилье.

¹ Политическая экономия (экономическая теория): Учебник /Под общ. ред. д.э.н., проф. В. Д. Руднева. 3-е изд. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2013. С. 509, 510.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 337.

Ряд экономистов Европы, в том числе директор Лондонского центра стимулирующего налогообложения Ф. Харрисон, считают, что земельная рента в условиях рынка должна социализироваться, т.е. доставаться всему обществу, и использоваться прежде всего на развитие социальной и производственной инфраструктуры села и города, способствовать росту производительности труда крестьян и подъему жизненного уровня народа. Аналогичные предложения вносили многие ученые России. Сейчас земля государственная, но рента идет только на обогащение олигархов и ничего не дает гражданам. Да и государству достается немного. Природная рента должна быть социализирована, поставлена на службу обществу и каждому ее члену. За счет природной ренты должны быть увеличены и расходы на восстановление нарушенных природных ресурсов, проведение природоохранных мероприятий. Для России с ее колоссальными природными богатствами недр, лесов, водоемов, которые пока еще в большей части теоретически принадлежат государству, крайне важно обеспечить увеличение доходной части бюджета за счет природных платежей, прежде всего используя налоги на рентные доходы.

В последнее время в российском общественном мнении все настойчивее звучит требование о необходимости передачи доходов от ренты в руки всего общества. Имеется в виду земельная, строительная, лесная и, прежде всего, горная рента. Эффективность экономической, а тем более социальной не сводится к прибыльности. Без государственной собственности в XXI в. не может быть обеспечена эффективность корпоративных и частных предприятий, не могут быть созданы условия для быстрого технического и социального прогресса, всесторонне развитого человека, решения острых социальных проблем, которых рынок решить не в состоянии. Только наличие значительной государственной собственности позволяет обеспечить удовлетворение общественных потребностей, создать социально ориентированное общество. В ряде случаев может встать вопрос о национализации приватизированных объектов, для чего должны быть приняты соответствующие законы.

7.3. Нерациональное использование земельных богатств России

Российская Федерация богата землей: ее площадь составляет 1709,8 млн га. *Большая часть (1122,3 млн га) относится к землям лесного фонда, и это — наше богатство и счастье.* Леса — это легкие нации. А вот ее питание зависит от 386,5 млн га земель сельскохозяйственного назначения. В последние годы *продолжалась негативная тенденция сокращения земель сельскохозяйственного назначения, они зарастали лесом, переводились в лесной фонд* (табл. 7.1).

Таблица 7.1

**Распределение земельного фонда Российской Федерации
по категориям земель (млн га)**

№ п/п	Наименование категорий земель	На 1 января 2007 г.	На 1 января 2014 г.	2013 г. к 2007 г. (+/-)	Изменения в %
1	Земли сельскохозяйственного назначения	402,6	386,5	-16,1	-4,0
2	Земли населенных пунктов, в том числе:	19,1	20,0	+0,9	+4,7
2.1	городских населенных пунктов	7,8	8,2	+0,4	5,1
2.2	сельских населенных пунктов	11,3	11,8	+0,5	+4,4
3	Земли промышленности и иного специального назначения	16,7	16,9	+0,2	1,2
4	Земли особо охраняемых территорий и объектов	34,2	46,8	+12,6	+36,8
5	Земли лесного фонда	1104,9	1122,3	+17,4	+1,6
6	Земли водного фонда	27,9	28,0	+0,1,1	0,3
7	Земли запаса	104,4	89,3	15,115	-14,5
	<i>Итого земель в Российской Федерации</i>	<i>1709,8</i>	<i>1709,8</i>		

Источник: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2013 году. — М., 2014. С. 8; Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2007 году. Минэкономразвития РФ, Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости. — М., 2008. С. 9.

Положительной тенденцией последних лет явился значительный (более чем на одну треть) рост земель особоохраняемых территорий и объектов. К ним относятся земли, имеющие особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, а также особоохраняемые природные территории, занимаемые государственными природными заповедниками, дендрологическими парками, ботаническими садами, лечебно-оздоровительными местностями и курортами. Кроме того, земельные участки, занятые объектами физической культуры и спорта, отдыха и туризма, памятниками истории и культуры. Для этих земель установлен режим особой охраны, они изымаются из хозяйственного использования полностью или частично.

Основным собственником всех земель остается государство. Всего в собственности государства и муниципалитетов на 1 января 2014 г. находилось 1576,9 млн га, или 92,2%. И на 1 января 2014 г. значительная часть земель категории сельскохозяйственного назначения находилась в госу-

дарственной и муниципальной собственности — 258,3 млн га, или 66,8% земель категории, однако преобладают несельскохозяйственные земли. Но не следует обольщаться: *олигархи распоряжаются наиболее ценными землями — землями с полезными ископаемыми, — как своими собственными.* Земельная реформа привела к перераспределению государственной земельной собственности на сельскохозяйственные угодья в пользу частного сектора: на 1 января 2014 г. в собственности граждан и юридических лиц находилось 133,0 млн га, что составило 7,8% земельного фонда страны, 128,1 млн га приходится на земли сельскохозяйственного назначения, 4,5 млн га — на земли населенных пунктов. Доля земель, находящихся в собственности граждан, составила 117,0 млн га (за шесть лет уменьшилась на 4,6 млн га), и 16,0 млн га (увеличилась на 8,9 млн га) в собственности юридических лиц¹. Таким образом, *государственная собственность на сельскохозяйственные земли в значительной степени была заменена мелкокрестьянской частной собственностью, а сейчас заменяется крупной частной земельной собственностью.*

За последние 16 лет общая площадь земельных долей уменьшилась на 23,1 млн га (10%), а количество граждан—собственников земельных долей уменьшилось на 3,1 млн чел. (26%) (табл. 7.2). В целом по России *удельный вес собственников земельных долей среди частных собственников снизился до 79%.*

Таблица 7.2

Сведения о земельных долях

№ п/п	Наименование	1998 г.	2013 г.	1998 г. к 2013 г. (+/–)
1	Земли реорганизованных сельскохозяйственных предприятий, переданные гражданам с правом собственности на земельную долю:			
	общая площадь земельных долей, млн га	115,4	92,3	–23,1
	численность граждан — собственников земельных долей, млн	11,8	8,7	–3,1

Источник: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2013 году. — М., 2014. С. 50.

На 1 января 2014 г. 16,8 млн га земель учтены в государственном кадастре недвижимости как земли, используемые производителями товарной сельскохозяйственной продукции, в то время как обладатели прав на эти земли из соответствующих реестров юридических и физических лиц исключены. В состав указанной группы земель вошли 6,8 млн га, находящихся в общей (долевой или совместной) собственности граждан,

¹ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2013 году. — М., 2014. С. 49.

а также 9,5 млн га государственной и муниципальной собственности. Общая площадь земельных участков, предоставленных в собственность крестьянским (фермерским) хозяйствам для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества, животноводства, индивидуального жилищного и дачного строительства, для производства сельхозпродукции индивидуальным предпринимателям, составила 20,8 млн га. Более 82% земель, принадлежащих юридическим лицам, являлось собственностью сельскохозяйственных предприятий и организаций, 11% — собственностью крестьянских (фермерских) хозяйств. Площадь фонда перераспределения земель, необходимого для удовлетворения потребностей граждан и юридических лиц в земельных участках для различных видов деятельности, достигла в 2009 г. максимума и в последующие четыре года сокращалась, что следует считать положительным явлением.

Таблица 7.3

**Сведения о фонде перераспределения земель
в Российской Федерации
на землях сельскохозяйственного назначения (тыс. га)**

№ п/п	Состав земель	2009 г.	2013 г.	2013 г. к 2012 г. (+/–)
1	2	3	4	5
1	Земли фонда перераспределения. Из них:	50 753,4	45 769,3	–4984,1
2	сельскохозяйственные угодья	12 043,9	11 630,3	–413,6
3	в том числе пашня	3681,2	3309,2	–372,0

Источник: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2013 году. — М., 2014. С. 12.

В целом по Российской Федерации наблюдается ежегодное сокращение площади сельскохозяйственных угодий, с 1990 г. уменьшение данного показателя составило 2205,2 тыс. га. Сокращение площади земель, используемых под пашню, за данный период составило 10 831,1 тыс. га. В то же время на 4065,6 тыс. га увеличилась площадь сенокосов и пастбищ, на 4607,9 тыс. га возросла залежь (табл. 7.4).

Таблица 7.4

Динамика площади сельскохозяйственных угодий (тыс. га)

Год	Сельскохозяйственные угодья (с землями личного пользования), всего	В том числе		
		пашня (с землями личного пользования)	сенокосы и пастбища (с землями личного пользования)	залежь
1990	222 409,2	132 304,2	87 899,5	347,2
2013	220 204,0	121 473,1	91 965,1	4955,1

Источник: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2013 году. — М., 2014. С. 8, 37.

Из 220,2 млн га к началу 2014 г. из всех категорий земель в использовании у сельскохозяйственных организаций и граждан числилось 191,2 млн га, или 86,8% всех сельскохозяйственных угодий, имеющих в Российской Федерации. При этом из состава земель сельскохозяйственного назначения использовалось более 184 млн га сельскохозяйственных угодий. *Не использовалось 6 млн га пашни, 21,5 млн га сенокосов и пастбищ, 1,34 млн га залежных земель.*

7.4. Земельный рынок в России

В последние годы мониторинг сделок с земельными участками в Российской Федерации фактически не проводится. Роскомзем был необоснованно ликвидирован в 2009 г., а новая служба с этой функцией не справляется. Вместо реального подсчета сделок по их видам она ввела странный показатель — документооборот. Учитывается, сколько документов выписано при покупке земли, сколько при сдаче земель в аренду. Поэтому мы были вынуждены проанализировать старые данные.

В 2009 г. в России с учетом действующих договоров аренды государственных и муниципальных земель в обороте находилось 4 884 153 земельных участка общей площадью 132 780,47 тыс. га.

Таблица 7.5

Структура сделок с земельными участками в Российской Федерации (количество сделок, тыс. ед. (площадь, тыс. га))

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
1. Аренда государственных и муниципальных земель	3738 (104 827)	3628 (114 103)	3677 (114 532)	3515 (113 082)
1.1. В том числе сделки, совершенные в отчетном году	522 (5775)	472 (19 941)	442 (15 698)	410 (26 275)
2. Продажа прав аренды государственных и муниципальных земель	7 (125)	14 (149)	16 (316)	22 (326)
3. Продажа государственных и муниципальных земель	177 (263)	234 (369)	293 (504)	351 (611)
3.1. В том числе на торгах	11 (57)	16 (138)	23 (164)	42 (133)
Итого действующих сделок с государственными и муниципальными землями	3921 (105 215)	3875 (114 622)	3986 (115 352)	3889 (114 018)

Окончание табл. 7.5

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
В том числе совершенных в отчетном году	706 (6163)	720 (20 460)	750 (16 518)	783 (27 212)
4. Купля-продажа земли гражданами и юридическими лицами	400 (468)	405 (560)	473 (1067)	520 (3160)
5. Дарение	43 (70)	50 (127)	73 (335*)	118 (10583)
6. Наследование	166 (524)	162 (336)	218 (596)	315 (4116)
7. Залог	14 (169)	26 (199)	30 (417)	44 (902)
Итого сделок между гражданами и юридическими лицами	623 (1232)	643 (1222)	795 (2415)	996 (18 762)
Всего сделок в отчетном году с учетом всех действующих договоров аренды	4545 (106 446)	4519 (115 844)	4780 (117 767)	4884 (132 780)
Из них совершенных за отчетный год	1330 (7395)	1364 (21 682)	1545 (18 933)	1780 (45 973)

* Большая часть площади по дарению земель приходится на Московскую область — 9 371 592,88 га.

Источник: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2009 году. — М., 2010. С. 160.

Доля арендованных земель из учтенных в государственной и муниципальной собственности в среднем по России составляет 7,2%. По количеству сделок преобладала аренда — 56%, далее с небольшим отрывом шла продажа государственных и муниципальных земель — 45, продажа прав аренды — 3%. По земельным площадям абсолютно преобладала аренда — 97%, продажа земель составляла всего 2%, продажа прав аренды — 1%. Из земель, находящихся в частной собственности, в течение 2009 г. в сделках по России участвовало 6,1% (8178,6 тыс. га). По количеству сделок преобладали продажа земель (52%) и наследование (32%). Дарение составляло 12%, залог — 4%. Но по площадям преобладали дарение (56%) и наследование (22%), а продажа составляла лишь 17%, залог — 5%. Но поверить, что дарение преобладает в Московской области, невозможно. Думается, что это скрытая продажа.

В интернете мы нашли только разрозненные данные по отдельным регионам, прежде всего по Московской области. По области есть и данные о ценах на продаваемую землю. На первичном рынке средняя цена составила в декабре 2014 г. 230 752 руб. за одну сотку. Она возросла по сравнению с сентябрем на 3,1%. По классам земель цены значительно отличались: эконом-класс — 132 748 руб. (+1,4%), бизнес-класс — 455 224 руб. (+4,2%), элитный — 890 412 руб. (–0,6%). Варьирует цена и по удаленности от МКАД.

Таблица 7.6

Цены на продаваемые земли в зависимости от класса земель

Класс	Зона удаленности от МКАД	Сентябрь 2014 г., руб. за одну сотку	Декабрь 2014 г., руб. за одну сотку	Изменение за квартал, %
Эконом	До 30 км	225 888	227 754	0,8
	31–60 км	153 706	165 746	7,8
	61–90 км	111 455	114 967	3,2
	Более 91 км	66 427	65 273	–1,7
Бизнес	До 30 км	437 026	449 824	2,9
	31–60 км	441 367	456 693	3,5
	61–90 км	394 866	398 953	1,0
	Более 91 км	—	—	—
Элитный	До 30 км	922 440	910 394	–1,3
	31–60 км	702 500	703 844	0,2
	61–90 км	—	—	—

Источник: средняя цена сотки на первичном рынке в зависимости от класса земель. —
 Режим доступа: <http://www.zemer.ru/info/price/primary/>

В других регионах цены гораздо ниже. Покупают земли в основном горожане как для строительства и садоводства, так и для дачного хозяйства и предпринимательской деятельности. Подавляющее большинство крестьян денег для покупки земли не имеют. Земля переходит от крестьян к горожанам. Она стала использоваться гораздо неэффективнее. Само отношение к земле ухудшилось.

7.5. Воспроизводство возобновляемых природных ресурсов

Сейчас много говорится об охране окружающей среды, охране природы, но воспроизводству возобновляемых природных ресурсов: почвы, лесов, водных ресурсов и т.д., — т.е. воспроизводству естественного богатства, уделяется недостаточное внимание. Общественное воспроизводство должно включать в себя воспроизводство природных ресурсов, а также всех нормальных экологических условий жизнеобеспечения. Так, в сельском хозяйстве должно осуществляться расширенное воспроизводство плодородия почв, лугов и пастбищ, лесов, водных и других природных элементов. Воспроизводственный подход в экологии более рационален и продуктивен. В этом случае природное богатство быстро растет.

Как и воспроизводство в целом, расширенное воспроизводство природных ресурсов и экологических условий жизнеобеспечения может быть экстенсивным и интенсивным. Экстенсивным оно будет тогда, когда расширяется естественная основа производства в ее прежнем виде, интенсивным — когда оно базируется на достижениях науки и техники и включает в себя создание «новой природы» — новых культурных ланд-

шафтов, т.е. лесополос, искусственных водохранилищ, осушение переувлажненных земель и т.п. при обеспечении экологического равновесия.

Отдельные экономисты и социологи видят причину нарушения экологической гармонии в научно-технической революции и даже в интенсификации производства. Это явная попытка снять с капитализма ответственность за экологический кризис. Хищническое использование природных богатств в условиях капиталистического общества с его анархией и конкуренцией, стремлением «экономить за счет природы» привело к загрязнению окружающей среды и разрушению природных ресурсов. Это было признано Всемирной конфедерацией ООН в Рио-де-Жанейро по проблемам экологического равновесия.

Рассматривая природную среду как составную часть расширенного воспроизводства, необходимо по-новому подойти и к затратам на ее восстановление и улучшение. На наш взгляд, общественно необходимое время для производства и воспроизводства национального валового продукта определяется общественно необходимым трудом, вложенным в воспроизводство всей совокупности производственных условий, включая также сохранение и улучшение окружающей среды. То, что нарушается производством (процессом взаимодействия человека с природой), должно быть и восстановлено производством. Это относится как к обществу в целом, так и к отдельным предприятиям. Затраты на устранение загрязнения окружающей среды относятся к общественно необходимым¹.

Оценка природных ресурсов возможна через капитализированную ренту или через определение естественной производительности труда. В естественной производительности труда, взаимодействующей с общественной производительностью труда, выражаются особенности земледелия и добывающей промышленности. Именно эту естественную производительность природных ресурсов, повышающую (а в ряде случаев и понижающую) общественную производительность труда, и надо брать за основу при оценке природных ресурсов. Для земледелия и добывающей промышленности это, кстати, гораздо проще, чем исчисление капитализированной ренты. Как известно, более высокая производительность труда на лучших и средних участках земли является основой дифференциальной ренты. Показателем эффективности тех или иных природных ресурсов может быть соизмерение выхода продукции на единицу природного ресурса с произведенными затратами.

Площадь земельного фонда России составляет одну восьмую суши земного шара. У нас в стране сосредоточено 55% черноземных почв мира, 50% всех мировых запасов пресной воды и 60% древесных хвойных пород. Воспроизводство этого национального богатства — важнейшая задача. Обширная территория России создает ошибочное представление

¹ Руднев В. Д. Социально-экономические проблемы интенсификации сельскохозяйственного производства. — Алма-Ата: Казахстан, 1980.

о безграничности и неисчерпаемости почвенных ресурсов. Фактически же эти ресурсы крайне ограничены в силу природно-климатических особенностей нашей страны и негативных антропогенных воздействий на природную среду. Более 60% территории России находится в зоне вечной мерзлоты, значительные площади расположены в пустынной, полупустынной и сухостепной зонах.

Проблема качественного состояния земель носит глобальный характер. По оценкам Международного справочно-информационного центра почвоведения (МСИЦП) и Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), деградацией земель охвачены в мире примерно 2 млрд га, из которых 38% классифицируются как слабо деградированные, 46% — как умеренно деградированные, 15% — как сильно деградированные и 0,5% — как чрезмерно деградированные. Самый высокий уровень деградации земель отмечается в Азии (38%), затем идут Африка (25), Южная Америка (12), Европа (11), Северная Америка (8), и Австралия (5%)¹.

На 1 января 2014 г. площадь нарушенных земель — земель, утратившие свою хозяйственную ценность, составила в России 1051,3 тыс. га, что на 10,5 тыс. га больше по сравнению с предыдущим годом². Водной эрозии подвержено 17,8% площади сельскохозяйственных угодий, ветровой — 8,4%, переувлажненные и заболоченные земли занимают 12,3%, засоленные и солонцеватые — 20,1%. Опустыниванием в той или иной мере охвачено 27 субъектов Российской Федерации на площади более 100 млн га. В районах Крайнего Севера возникли обширные очаги сильного загрязнения, захламления, нарушения и деградации земель³.

В России осталось 10,9 млн га мелиорируемых сельскохозяйственных угодий, в том числе 4,2 млн га орошаемых и 6,7 млн га осушаемых. Хорошее мелиоративное состояние земель наблюдалось на площади 2,8 млн га сельскохозяйственных угодий, удовлетворительное — на 4,3 млн га и неудовлетворительное — на 3,8 млн га⁴. Общая площадь, на которой требуется улучшение земель и технического уровня мелиоративных систем, составила 5,9 млн га. Объемы внесения минеральных и органических удобрений с 1990 г. снизились в 5–7 раз. Поставки средств защиты растений сократились вдвое. В течение последних двух лет содержание гумуса в почвах Республики Калмыкия снизилось на 20–23%, в почвах Краснодарского края — на 4–17%, Саратовской области — 6,0–16,0%. Площадь оврагов в России уже превышает 900 тыс. га. В целом по стране утрачено 41,5 млн га пахотных угодий.

¹ Руднев В. Д., Ерин Н. И. О частной собственности и рынке земли: Монография. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. С. 98–102.

² Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2013 году. — М., 2014. С. 45.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 159.

Миллионы гектаров земель были переведены из категорий земель сельскохозяйственного назначения в земли запаса и лесных угодий. Эти земли заросли кустарником, мелколесьем, лесом и являются угодьями, потерявшими свою хозяйственную ценность. В то же время объем инвестиции в основной капитал сельскохозяйственных предприятий снизился в 2013 г. в сопоставимых ценах по сравнению с 1990 г. в 5 раз, основные фонды сельхозпредприятий сократились в 4 раза, уровень государственной поддержки АПК — в 10 раз. Резко сокращено мелиоративное строительство. Ввод орошаемых земель уменьшился в 75 раз (с 105 тыс. до 1,4 тыс. га), осушаемых земель в 67,5 раза (с 162 тыс. до 2,4 тыс. га). Культурно-технические работы на сельскохозяйственных угодьях, не требующих осушения, уменьшились почти в 108 раз (с 865 тыс. до 8 тыс. га)¹.

Свои проблемы имеют и в лесном хозяйстве. Объем лесовосстановления снизился с 1903 тыс. га в 1988 г. до 872 тыс. га в 2013 г., в том числе посадка и посев леса — с 718 тыс. га до 187 тыс. га соответственно. Начиная с 1996 г. резко возросла лесная площадь, пройденная пожарами. За шесть лет (2008–2013) она составила 11,2 млн га. Отрицательно сказалась ликвидация Министерства лесного хозяйства. Но в силу того, что значительная часть сельскохозяйственных земель заросла лесом, а объем производства лесной, деревообрабатывающей и целлюлозной промышленности сократился по сравнению с 1990 г., лесные ресурсы удалось сохранить. Площадь, покрытая лесом, возросла с 771,1 млн до 795,2 млн га на начало 2013 г., а общий запас древесины в 2013 г. составил 83,0 млрд куб. м и был на 1,4 млрд куб. м больше, чем в 1988 г.²

Жизнь остро ставит вопрос о воспроизводстве таких важных природных ресурсов, как земля и вода. Недостатки в их использовании в известной мере связаны с тем, что хозяйственный механизм земле-, водо- и лесопользования еще до конца не сложился. Требуется совершенствование государственного управления, планирования и финансирования воспроизводства этих возобновляемых природных ресурсов. Целесообразно создать (или воссоздать) специализированный государственный орган (Роскомзем), который взял бы на себя координацию всех природоохранных работ.

Подведем итоги. Целью рабовладельческого производства было получение прибавочного продукта не только для удовлетворения потребностей рабовладельцев, но и накопления у них богатства в виде рабов, земли, предметов роскоши, искусства и архитектуры, денег. Средством для достижения цели явилась хищническая эксплуатация рабов. Целью феодального производства является прибавочный продукт, созданный крепостными крестьянами и присвоенный феодалом в форме земель-

¹ Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2014. С. 302.

² Там же. С. 290.

ной ренты. Но особенно быстро накопление богатства растет вместе с накоплением капитала за счет прибавочной стоимости, создаваемой классом наемных работников при их обнищании. Крупный земельный собственник при капитализме, не выполняя никаких производственных функций, облагает все общество громадной данью. Эта дань растет вместе с ростом капитальных вложений, прогрессом производительных сил.

Опыт реального социализма в нашей стране показал, что от отмены частной собственности на землю выиграли не только крестьяне, но и рабочий класс, все общество. Ликвидация частной земельной собственности способствовала не только снижению стоимости сельскохозяйственной продукции, но и удешевлению жилищного строительства, транспортных расходов, развитию городов и сельских поселений, более быстрому росту национального богатства, в том числе связанного с землей.

Скрытая и открытая скупка земли приводит к появлению латифундистов, крупных земельных собственников, собирающих дань с общества. Эта дань уже сегодня значительна. Но она многократно вырастет по мере увеличения вложений в землю. Реанимация российскими реформаторами частной собственности и рынка земли обострила старые и создала новые противоречия: между олигархами, присвоившими государственную природную ренту, и большинством населения. Продажа прав аренды привела к резкому вздорожанию жилищного строительства, сделала невозможной покупку квартир для большинства наемных работников.

Мелкая частная собственность не сделала крестьян богатыми. Их положение ухудшилось по всем показателям, не только материальным, но и духовным. Ухудшилось и использование земли. Вымирание на селе идет быстрее, чем в городе. Сельская местность стала громадной зоной безработицы, бедности, запустения. Разорение и обнищание крестьян, не имеющих работы, подготавливают их к массовой продаже земли. Быстро растет рента в крупных городах и горная рента. Все это делает актуальной программу «социализации» земельной ренты, запрещение купли-продажи в крупных размерах городских земель и земель, приносящих большие доходы от добычи полезных ископаемых. Программа «Природную ренту — народу» должна быть взята на вооружение прогрессивными силами общества.

Глава 8

ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

8.1. Структура и динамика ВВП России в 2009–2014 гг.

Рост экономики России после непродолжительного посткризисного оживления в 2010–2011 гг. резко замедлился в 2012–2014 гг. Так, если, по данным Росстата, темпы роста реального ВВП составляли 4,5–4,3% в 2010–2011 гг., то уже в 2012 г. они снизились до 3,4%, а в 2013 г. — до 1,3%¹. За январь–сентябрь 2014 г. ВВП России, согласно данным Росстата, вырос на 0,8%². При этом общие показатели темпов роста ВВП не отражают реальной картины развернувшейся экономической стагнации. В табл. 8.1 представлены расчеты динамики компонент ВВП по расходам за период 2009–2014 гг. Из данных таблицы видно, что уже в 2013 г. началось абсолютное сокращение такой важнейшей компоненты ВВП, как валовое накопление основного капитала (–0,15%), которое продолжалось и в 2014 г. При этом наиболее сильное падение валового накопления пришлось на I квартал 2014 г. По данным за январь–сентябрь 2014 г., валовое накопление хотя и продолжало сокращаться, но темпы падения снизились в 2 раза. Однако ускорились темпы снижения конечного потребления органов государственного управления, а также импорта. Последний фактор является благоприятным с точки зрения динамики внутреннего спроса, так как в результате ускорившегося сокращения импорта во II–III кварталах 2014 г. темп роста внутреннего спроса увеличился более чем в 1,5 раза (с 1,64 до 2,61%). Тем не менее динамика потребительского спроса по итогам января–сентября 2014 г. замедлилась по сравнению с I кварталом 2014 г., что подтверждает существующие ограничения стимулирования роста ВВП за счет потребления домашних хозяйств.

Со стороны совокупного предложения положительная динамика ВВП в 2012–2013 гг. достигалась преимущественно за счет видов деятельности, которые можно отнести к транзакционному сектору, — оптовой и розничной торговли, операций с недвижимостью, финансовой деятельности. В табл. 8.2 представлен расчет вклада основных видов деятельности в прирост валовой добавленной стоимости (ВДС) в 2009–2014 гг. Отметим, что динамика ВДС несколько отличается от динамики ВВП,

¹ Сайт Росстата: <http://www.gks.ru>

² Там же.

поскольку в ВДС не учитываются чистые косвенные налоги. Однако общий тренд в динамике ВДС повторяет тренд ВВП.

Таблица 8.1

**Динамика компонент ВВП по расходам в 2009–2014 г.
(в % к соответствующему периоду предыдущего года)**

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	I квартал 2014 г.	Январь–сентябрь 2014 г.
ВВП	–7,8	4,5	4,3	3,4	1,3	0,9	0,8
конечное потребление домашних хозяйств и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	–5,14	5,46	6,70	7,86	4,69	3,70	1,72
конечное потребление государственно-управления	–0,62	–1,49	1,40	4,59	0,45	–0,05	–0,15
валовое накопление основного капитала	–14,38	5,87	9,06	6,45	–0,15	–6,95	–3,46
Импорт	–30,42	25,81	20,29	8,81	3,71	–4,45	–6,12
Внутренний спрос	–9,07	4,08	5,49	4,53	0,34	1,64	2,61
Внешний спрос (экспорт)	–4,74	7,05	0,31	1,36	4,18	1,58	0,33

Источник: рассчитано по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Таблица 8.2

**Структура прироста (спада) ВДС
по видам экономической деятельности**

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Январь–июнь 2014 г.	Январь–сентябрь 2014 г.
Темпы прироста ВДС, в % к аналогичному периоду предыдущего года	–6,74	4,26	3,98	3,59	1,54	1,05	1,0
Вклад в прирост (спад) ВДС (в %)							
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство (разделы А, В)	1,08	–13,53	14,51	–4,45	8,27	0,72	18,84
Добыча полезных ископаемых (раздел С)	–3,27	15,23	8,52	4,53	5,99	0,14	–1,53

Окончание табл. 8.2

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	Январь–июнь 2014 г.	Январь–сентябрь 2014 г.
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (раздел Е)	–2,04	2,85	0,02	0,49	–4,24	–10,20	–6,75
Обрабатывающие производства (раздел Д)	–37,96	32,43	26,35	13,12	12,89	49,30	41,09
Строительство (раздел Ф)	–13,79	6,02	11,12	4,28	–9,08	–10,20	–8,86
Оптовая и розничная торговля, ремонт; гостиницы и рестораны (разделы Г, Н)	–19,83	29,30	18,19	23,03	16,61	–35,37	–30,0
Транспорт и связь (раздел I)	–11,77	11,68	14,91	10,13	6,01	5,57	5,43
Прочие виды деятельности (разделы J–P), в том числе:	–12,41	16,01	6,38	48,87	63,55	100,04	81,76
финансовая деятельность (раздел J)	1,00	0,33	4,03	23,17	38,95	61,09	52,22
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (раздел К)	–7,46	16,21	6,52	22,84	15,13	29,32	23,13
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование (раздел L)	–0,04	–0,36	–4,45	1,16	3,78	–1,08	–1,52
образование (раздел М)	–0,57	–1,21	–0,55	0,25	–0,07	0,12	0,14
здравоохранение и предоставление социальных услуг (раздел N)	–0,09	0,27	0,99	2,85	6,71	7,20	5,86
предоставление прочих услуг (раздел О)	–5,24	0,77	–0,16	–1,40	–0,95	3,39	1,93
Материальное производство и сопряженные услуги (разделы А–F, I)	–67,76	54,68	75,43	28,11	19,84	35,33	48,24
Торгово-посреднические и прочие услуги (разделы G, H, J–P)	–32,24	45,32	24,57	71,89	80,16	64,67	51,76

Источник: рассчитано по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Из табл. 8.2 следует, что в 2012–2013 гг. резко вырос вклад в прирост ВДС транзакционного сектора, который составил почти 72% в 2012 г. и свыше 80% в 2013 г. В 2014 г. в структуре прироста ВДС произошел

ряд изменений. Так, за первое полугодие 2014 г. прирост ВДС был достигнут в основном за счет транзакционного сектора. За исключением оптовой и розничной торговли, которая показала отрицательную динамику, вклад «прочих» видов деятельности, в числе которых представлены преимущественно разного рода транзакционные услуги, составил в указанный период более 100%. Однако в III квартале 2014 г. наметилось изменение в соотношении пропорций между вкладом материального производства и сопряженных с ним услуг и вкладом транзакционного сектора в прирост ВДС. Так, по итогам января—сентября 2014 г. вклад материального производства и связанных с ним услуг (транспорт и связь) в прирост ВДС составил 48,24%, т.е. почти половину. Однако в значительной степени такой структурный сдвиг произошёл за счет сезонного фактора — повышения доли сельского хозяйства в связи со сбором урожая 2014 г. до 18% общего прироста ВДС. При этом вклад в прирост ВДС обрабатывающего производства несколько снизился (с 49% по итогам I полугодия 2014 г. до 41% по итогам января—сентября 2014 г.). Таким образом, увеличение вклада материального производства и сопряженных услуг в ВДС по итогам трех кварталов 2014 г. пока не получило устойчивую тенденцию.

Отметим, что посткризисное восстановление экономики в 2010—2011 гг. опиралось преимущественно на материальное производство и сопряженные услуги, чей вклад в прирост ВДС в 2011 г. составил более 75%. Учитывая, что показатели транзакционного сектора (особенно в сфере разного рода финансовых услуг) легко поддаются «накрутке», например, при многократном учете доходов финансовых посредников от операций по купле-продаже валюты и ценных бумаг, можно сделать вывод, что в значительной степени (как минимум на две трети) показатели роста ВВП в период 2012 — начала 2014 г. являются показателями *мнимого роста*, полученного за счет различного рода торгово-посреднических и финансовых услуг. Если скорректировать показатели динамики ВДС, вычитая «вклад» транзакционного сектора, то получим, что реальный прирост ВДС в 2012 г. составил около 1,2%, в 2013 г. не выше 0,5%, а в январе—сентябре 2014 г. также около 0,5%.

Каковы же ограничения для экономического роста в современной России? Существуют различные трактовки причин экономической стагнации. Первый подход делает акцент преимущественно на внешних факторах: ситуации в мировой экономике и в странах — ведущих торговых партнерах России, которая негативно отразилась на состоянии российской экономики. Второй подход акцентирует внимание на комплексе внутренних причин и главным образом на исчерпании потенциала экспортоориентированной модели сырьевого роста. Наконец, указанные подходы могут рассматриваться совместно, в этом случае выделяются как внешние, так и внутренние ограничения экономического роста. Остановимся на их оценке более подробно.

8.2. Внешние ограничения экономического роста в России

В числе внешних причин, тормозящих экономический рост в России, называют сложившуюся после кризиса 2007–2009 гг. неопределенность в мировом хозяйстве в плане долгосрочных источников роста, влияние долгового кризиса европейских стран, изменение структуры внешнего спроса стран — торговых партнеров России и др. Так, в статье Б. Зама-раева и др.¹ выделяются такие причины, как замедление мирового про-изводства и спад в Европе. Подчеркивается, что сохраняющийся отток капитала из России следует трактовать как общемировую тенденцию ото-тока капитала из стран с формирующимися рынками, а не как симптом кризиса отечественной экономики. В статье Е. Ясина и др. указывается на прекращение роста цен на углеводороды и стабилизацию физических объемов экспортных поставок топлива как на одну из внешних причин замедления роста экономики России². Называется также фактор неблагоприятного инвестиционного климата в связи с противоречивостью про-водимой бюджетной политики: введение бюджетного правила при росте обязательств в оборонной и социальной сферах³.

По мнению С. Губанова, процесс неоиндустриальной революции в Европе ведет к замещению нефтяных источников постнефтяными, что сказывается на динамике спроса на российские энергоносители⁴. Д. Р. Белоусов также указывает на исчерпание традиционных конкурент-ных преимуществ России на внешнем рынке в связи с регионализацией рынка нефти, модернизацией китайской экономики, реиндустриализа-цией США и развитием производств в Восточной Европе⁵.

В отчете МВФ прогнозы мирового роста в 2014 г. были скорректи-рованы в сторону понижения⁶. При этом отмечаются возросшие *геополитические риски* в связи с ситуацией на Ближнем Востоке и Украине. Для России влияние геополитического фактора резко возросло в 2014 г. в связи с событиями на Украине и реакцией на внешнюю политику Рос-сии большинства западных стран во главе с США в форме так называе-мых «санкций». Данный фактор во многом становится решающим, од-

¹ Замаев Б., Киоцевская А., Назарова А., Суханов Е. Замедление экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 8.

² Ясин Е., Акиндинова Н., Яковсон Л., Яковлев А. Состоится ли новая модель экономи-ческого роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 5. С. 8.

³ Там же. С. 10.

⁴ Губанов С. Автономная рецессия как финальная фаза системного кризиса России // Экономист. 2013. № 9. С. 16.

⁵ Белоусов Д. Р. Проблема экономического роста: краткосрочный и среднесрочный аспекты. Доклад. Апрель 2014 г. — Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/HSE/2014/DB2014.pdf

⁶ Перспективы развития мировой экономики // Бюллетень основных прогнозов ПРМЭ. — Режим доступа: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2014/update/02/pdf/0714r.pdf>

нако сила и направленность его воздействия зависят от ответной реакции со стороны российских властей и деловых кругов. «Санкции» могут явиться тем стимулом, который необходим для решительного и широкомасштабного перехода к новой модели социально-экономического развития страны и связанной с ней новой модели экономического роста. Следует отметить, что соотношение между «центром» и «периферией» мировой экономики меняется. С 2010 г. рост ВВП в группе восьми крупнейших развивающихся стран (Китай, Индия, Индонезия и др.) превышает среднемировой¹, что ведет к постепенному дрейфу центра мирового экономического развития в сторону указанных стран. В этой связи переориентация экономики России на более тесную интеграцию со странами БРИКС может стать фактором, стимулирующим экономический рост.

В целом внешние причины торможения экономического роста могут быть коротко обозначены как сохраняющаяся зависимость России от мировой конъюнктуры и мирового движения капитала в рамках сложившейся в стране социально-экономической модели воспроизводства. Поэтому чисто «внешними» данные причины могут считаться лишь в той степени, в какой сложившаяся модель воспроизводства воспринимается как объективная и естественная. Но сама эта модель, породившая системную дезинтеграцию национального воспроизводства, может быть названа и как главная *внутренняя* причина экономической стагнации.

8.3. Внутренние ограничения экономического роста в России

В числе внутренних факторов, тормозящих экономический рост в России, можно выделить факторы, действующие как со стороны совокупного внутреннего спроса, так и со стороны совокупного предложения, институциональные факторы, а также ряд мер проводимой экономической политики со стороны правительства РФ и Центрального банка.

Рассмотрим факторы, действующие со стороны *совокупного спроса*. Так, одной из причин торможения инвестиционного спроса явилось завершение крупномасштабных инвестиционных проектов, финансируемых из государственного бюджета (например, строительство олимпийских объектов в Сочи). Потребительский спрос также перестал быть драйвером экономического роста вследствие замедления роста реальных доходов и высокой закредитованности населения, что отмечается в докладе ЦМАКП². Снижение инвестиционного спроса со стороны частных компаний связано с падением доходности бизнеса. Результаты восстановительного роста 2010–2011 гг. являются достаточно противо-

¹ Татаркин А., Андреева Е., Ратнер А. Императивы современного экономического развития: мировые тренды и российские реалии // Вопросы экономики. 2014. № 5. С. 122.

² Россия: новые источники роста. Доклад ЦМАКП на 11-м Красноярском экономическом форуме. 27 февраля — 1 марта 2014 г. — Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Kras2014/CMASF.pdf

речивыми: как отмечается в отмеченном докладе, объемные показатели российской экономики (выпуск продукции, инвестиции в основной капитал) вернулись на докризисный уровень, а финансовые показатели — нет. Средневзвешенная ставка по кредитам, предоставленным нефинансовым организациям, по данным Росстата, в 2011–2012 гг. находилась в диапазоне 8–10%, что выше, чем рентабельность по экономике в целом, а также выше показателей рентабельности по ряду видов экономической деятельности (в частности, в машиностроении). По предварительным оценкам, за I квартал 2014 г. показатели рентабельности в ряде производств продолжали снижаться. При этом, по оценкам ЦМАКП, в наибольшей степени пострадали металлургия и машиностроение. Перекок рентабельности в пользу добывающего сектора задает ложные ориентиры для межотраслевого перелива капитала и подрывает воспроизводственные возможности инвестиционного комплекса, углубляя деиндустриализацию экономики России.

Перейдем теперь к анализу факторов, действующих со стороны *совокупного предложения*. Так, ряд исследователей называют в качестве ограничительного фактора тенденции в структуре и динамике рабочей силы, а также опережающий производительность труда рост реальной заработной платы¹. Данное утверждение не является бесспорным. Так, Р. Капелюшников подчеркивает, что «широко распространенное представление об опережающей динамике трудовых издержек по сравнению с динамикой производительности труда — это статистическая иллюзия, возникающая вследствие некорректного использования официальных данных о реальной заработной плате»². Его расчеты показали, что во всех отраслях промышленности производительность труда росла быстрее, чем заработная плата: в наибольшей степени — в добывающих отраслях, в наименьшей — в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды. Поэтому «тезис о некоем фатальном отставании динамики производительности труда от динамики его оплаты при ближайшем рассмотрении оказывается мифом»³.

Таким образом, влияние на замедление роста экономики фактора опережающего увеличения трудовых издержек по сравнению с производительностью труда как минимум спорно. Однако экономистами называется и другой фактор предложения, тормозящий экономический рост, — исчерпание потенциала использования трудовых ресурсов. Так, в докладе Всемирного банка подчеркивается, что умеренные темпы ро-

¹ См.: *Мау В.* В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 10–11; *Акиндинова Н., Кузьминов Я., Ясин Е.* Российская экономика на повороте // Вопросы экономики. 2014. № 6. С. 8.

² *Капелюшников Р.* Производительность и оплата труда: немного простой арифметики // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 36.

³ Там же. С. 47.

ста являются отражением снижающегося потенциала роста экономики, что подтверждается сохранением низкого уровня безработицы и высокого уровня загрузки производственных мощностей¹. Р. Капелюшников и А. Ощепков отмечают, что российская экономика в ближайшее время столкнется с резким сокращением предложения труда в связи с действием неблагоприятных демографических факторов. В частности, динамика численности населения в трудоспособном возрасте достигла пика в 2006 г., а затем монотонно снижалась примерно на 500 тыс. чел. ежегодно². При этом возможности увеличить экономически активное население за счет дополнительного вовлечения молодежи, женщин и пенсионеров оцениваются указанными исследователями пессимистически³.

Рекордно низкий (5,5%, по данным Росстата) уровень безработицы в 2012–2013 гг. может трактоваться по-разному. Если специалисты Всемирного банка и ряд отечественных исследователей (Е. Ясин, В. Май и др.) указывают в этой связи на близость российской экономики к уровню потенциального выпуска, то Р. Капелюшников и А. Ощепков высказывают гипотезу о «дрейфе» так называемого «естественного уровня безработицы» в сторону понижения. Причинами такого дрейфа называются сдвиги в структуре рабочей силы в посткризисный период: снижение доли групп с высоким риском безработицы (прежде всего, молодежи) и повышение доли групп с низким риском безработицы (лица с высшим образованием). Если предположить, что структура рабочей силы в 2012 г. осталась бы такой же, как и в 2008 г., то уровень безработицы в 2012 г. составил бы не 5,5%, а 6,2%⁴. Отмечается, что в условиях продолжающейся стагнации снижение спроса на рабочую силу может идти параллельно с сокращением предложения труда в связи с неблагоприятными демографическими тенденциями, что приведет к сохранению формально низких показателей уровня безработицы.

Увеличение рабочей силы за счет миграции имеет свои пределы и издержки. По некоторым оценкам, существующие миграционные тенденции не способствуют переходу к инновационному экономическому росту. Е. Ю. Хрусталева и А. С. Славянов отмечают, что приток преимущественно низкоквалифицированной рабочей силы в Россию отрицательно сказывается на среднем уровне заработной платы и поступлении налогов в бюджет, а полученные мигрантами доходы вывозятся за границу и не участвуют в процессе внутреннего мультипликативного расшире-

¹ Всемирный банк. Февраль 2013 г. Электронный ресурс: http://www-wds.worldbank.org/external/default/WDSPContentServer/WDSP/IB/2013/02/27/000356161_20130227125544/Rendered/PDF/755780NWP0RER200Box374338B00PUBLIC0.pdf

² Доклад об экономике России № 29: Восстановление и перспективы дальнейшего развития экономики. *Капелюшников Р., Ощепков А.* Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики, 2014. № 7. С. 68.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 82.

ния спроса¹. Необходимо переориентировать миграционную политику на привлечение высококвалифицированной рабочей силы.

Помимо ограничений по рабочей силе, связанных с действием долгосрочных демографических факторов, экономический рост сдерживают и сложившиеся ограничения по основным фондам. Статистика основных фондов в России не является достаточно разработанной. Росстат приводит данные об основных фондах в сопоставимых ценах, однако подробная методика пересчета «в сопоставимые цены» не раскрывается. Следует учитывать также влияние неоднократных переоценок основных фондов (например, в 2011–2012 гг.), что затрудняет корректное сопоставление временных рядов за достаточно продолжительный период. В табл. 8.3 представлена оценка динамики основных фондов по остаточной стоимости (за вычетом износа) в процентах к уровню 1990 г., который также рассчитан с учетом степени износа (в 1990 г. она составляла 35,6%) и принят за 100%.

Таблица 8.3

Основные фонды по остаточной стоимости (в % к уровню 1990 г.)

Показатель	1990 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Основные фонды, всего	100	96,92	97,65	96,58	96,89	100,08	105,41	108,81	108,35	111,00	116,21

Источник: рассчитано по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Если, по данным Росстата, в 2012 г. основные фонды в экономике России составляли 143,1% от уровня 1990 г., т.е. увеличились почти в полтора раза, то с учетом степени износа ситуация существенно меняется: скорректированная оценка показывает рост лишь на 16,21% по сравнению с уровнем 1990 г., причем 8 п.п. из 16,21 пришлось на 2011–2012 гг., что требует дополнительного исследования сопоставимости данных Росстата за последние годы в связи с переоценками основных фондов. Степень износа основных фондов на протяжении посткризисного периода продолжала расти: по данным Росстата, она составила 45,3% в 2009 г. и 47,7% в 2012 г. По отдельным видам экономической деятельности ситуация разнится. Согласно данным по коммерческим организациям, приводимым Росстатом, в 2012 г. износ основных фондов в производстве машин и оборудования составил 44,6%, в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования 47,1%, по финансовой деятельности 30,5%, по операциям с недвижимым имуществом, аренде и предоставлении услуг 31%². Высокая степень износа основных

¹ Хрусталева Е. Ю., Славянов А. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития // Проблемы прогнозирования. 2014. № 1.

² Инвестиции в России. 2013. — М.: Росстат, 2014. С. 177.

фондов в инвестиционных отраслях (машиностроительный комплекс) ограничивает возможности форсированного увеличения выпуска при использовании существующего оборудования. По оценкам В. В. Ивантера и др., для решения задачи восстановления и поддержания инфраструктуры и основных фондов в рабочем состоянии минимальная величина дополнительных расходов составляет не менее 2% ВВП в год¹.

Необходима широкомасштабная модернизация производства средств производства, обновление основного капитала, что невозможно осуществить без увеличения инвестиций как в абсолютном, так и в относительном (доля в ВВП) выражении. Ограничения по рабочей силе, складывающиеся в результате действия долгосрочных демографических тенденций, которые не могут быть быстро изменены, возможно ослабить именно за счет модернизации основного капитала и повышения его качества и производительности. Таким образом, широкомасштабные инвестиции необходимы для выполнения *двойной задачи*: обновления капитала и повышения эффективности ограниченного количества труда на основе роста капиталовооруженности.

В отличие от труда и капитала (основных фондов), ограничения роста экономики России по третьему фактору производства — природным ресурсам — практически отсутствуют. В частности, доля России в мировых разведанных запасах составляет: нефть — 10–12%, уголь — 10–11%, газ — 25–30%, древесина — 20–25%, продуктивные земельные угодья — около 10%². По расчетам С. Д. Валентея и Л. И. Нестерова на основе данных Всемирного банка, в структуре национального богатства России 40% приходится на природные ресурсы, в то время как в странах ЕС этот показатель составляет только 4%, а по миру в целом 16%³. Реальные ограничения в ресурсной сфере связаны с возможностью эффективно использования ресурсов в национальной экономике, которая зависит от качественных характеристик применяемого капитала и труда. Модернизация и технологическое совершенствование основных фондов позволят дополнительно вовлечь в экономическую деятельность имеющийся природно-ресурсный потенциал.

Помимо ограничений, напрямую связанных с источниками экономического роста — трудом, капиталом, природными ресурсами и технологией, называются также *институциональные факторы* стагнации экономики. Так, Е. Ясин и др. указывают на такие факторы, как недостаточность конкуренции, избыток бюрократического регулирования, плохое качество государственного управления, высокие издержки веде-

¹ Ивантер В. В., Узиков М. Н., Ксенофонтов М. Ю., Широ А. А., Панфилов В. С., Говтань О. Дж., Кувалин Д. Б., Порфирьев Б. Н. Новая экономическая политика — политика экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2013. № 6. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ Национальное богатство и национальный продукт: Монография / Под ред. В. Н. Черковца. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова; Рыбинск, «Офис 2000», 2010. С. 87–88.

ния бизнеса и др.¹. В. Мау подчеркивает низкую эффективность рынков, препятствующих перетоку труда и капитала в наиболее эффективные секторы, недостаточный уровень конкуренции, связанный с наличием чрезмерного нерыночного или монопольного сектора экономики, а также слишком большого, по его мнению, госсектора². «Слабость рыночных механизмов» как главная проблема российской экономики называется А. Кудриным и Е. Гурвичем³. В качестве решения данной проблемы им видится проведение ряда преобразований, направленных на радикальное сокращение нерыночного сектора российской экономики, перемещение части полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов (т.е. децентрализация), отказ от патерналистской социальной политики, повышение эффективности бюджетных расходов и т.д.⁴, т.е. усиление либерального курса в экономической политике и отказ от какой-либо промышленной политики. Однако даже если учитывать только внешние условия, в которых находится экономика России, а также фактически развязанную США и их сателлитами против России экономическую войну (так называемые «санкции»), необходимо подчеркнуть, что следование либеральному курсу по рецептам А. Кудрина и др. означает фактически признание отказа России от выстраивания суверенной политико-экономической системы и альтернативного центра мирового экономического развития (в союзе со странами БРИКС). Хотя отдельные меры, предлагаемые либеральными экономистами, могут быть полезны (например, усиление контроля за госрасходами), в целом, на наш взгляд, отказ от промышленной политики и акцент исключительно на институциональных преобразованиях только усугубят стагнацию в российской экономике.

Кроме того, следует отметить, что возможна *альтернативная* трактовка институциональных факторов экономической стагнации. С позиции системно-воспроизводственного подхода и с учетом результатов всего периода развития постсоветской России можно сделать вывод, что *главный институциональный фактор, тормозящий национальное экономическое развитие, заключен в самой системе институтов сложившейся еще в 1990-е гг. и лишь отчасти скорректированной в 2000-е гг. экономической модели России с доминированием компрадорской собственности и принесением национальных интересов в жертву интересам частного капитала*. Главные институциональные реформы, на наш взгляд, должны заключаться в изменении содержания экономической модели России,

¹ Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л., Яковлев А. Состоится ли новая модель экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 5. С. 15.

² Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 20.

³ Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 21.

⁴ Там же. С. 29–30.

переходе к национально ориентированному пути развития, ликвидации компрадорского характера российского капитализма. В этом смысле институциональные (а шире — социально-экономические) преобразования действительно являются решающим фактором, способным изменить модель воспроизводства экономики России и преодолеть системную дезинтеграцию национального воспроизводства.

8.4. Экономическая политика в 2010–2013 гг. как фактор экономической стагнации

Рассмотрим вопрос о влиянии на экономический рост в России проводимой правительством РФ и Центробанком политики в период 2010–2013 гг.

Экономисты, придерживающиеся различных взглядов на причины замедления экономической динамики в России, в целом сходятся в оценке проводившейся государственной политики как противоречивой. Однако противоречивость видится ими по-разному. Так, Е. Ясин и др. отмечают, что в 2012 г. возникла «неопределенность относительно приоритетов экономической политики. Не только до, но и после президентских выборов и формирования правительства одновременно декларируемые цели были противоречивыми: например, сочетание контрциклической бюджетной политики (введение бюджетного правила) с ростом публичных и контрактных обязательств в оборонной и социальной сферах»¹.

Подобному неоклассическому представлению об экономической политике противостоит подход, основанный на неокейнсианской модели (П. Кругман). В России активную промышленную политику предлагают использовать С. Глазьев, В. Ивантер и др. Многие исследователи отмечают связь экономической политики с замедлением экономического роста. Так, О. Солнцев и др. указывают, что «2013-й стал первым годом по-настоящему жесткой бюджетной политики. Если в 2012 г. прирост расходов федерального бюджета (в реальном выражении) составил 11,5%, то в 2013 г. расходы сжались под воздействием бюджетных правил. В наибольшей степени это сжатие было обеспечено сокращением расходов на национальную экономику (минус 150 млрд. рублей относительно 2012 г.). Важно понимать, что снижение расходов на национальную экономику — это прежде всего снижение расходов на поддержку экономического роста»².

Соотношение между динамикой бюджетных расходов и темпами роста экономики представлено в табл. 8.4. В числе бюджетных расходов были

¹ Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л., Яковлев А. Состоится ли новая модель экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013. № 5. С. 10.

² Солнцев О., Сухарева И., Дешко А., Пенухина Е. В плену старой парадигмы // Эксперт. 2014 № 3 (882).

взяты данные по расходам консолидированного бюджета на национальную экономику (НЭ) и жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), а их динамика была скорректирована на индекс-дефлятор ВВП для получения значений приростов госрасходов в реальном выражении.

Отметим резкое (на 21,52% в реальном выражении) сокращение госрасходов на национальную экономику и ЖКХ в 2010 г. В номинальном выражении госрасходы по данным статьям снизились также значительно — на 10%. Хотя в 2011 и 2012 гг. в номинальном выражении госрасходы выросли на 17 и 9% соответственно, но в 2013 г. снова имело место их абсолютное сокращение.

Кредитно-денежная политика, проводимая Банком России в 2011–2013 гг., также носила сдерживающий характер: по расчетам «Эксперта», темпы роста денежной массы в реальном выражении в 2012 г. составили всего 5%, а в первом полугодии 2013 г. упали до нуля¹. В табл. 8.4 приводятся авторские расчеты динамики реальной денежной базы и денежной массы в 2003–2013 гг. Отметим, что темпы прироста денежной массы в реальном выражении в 2011–2013 гг. снизились более чем в два раза по сравнению с показателями 2009–2010 гг. В сравнении с докризисной динамикой денежной массы замедление темпов ее роста в реальном выражении произошло более чем в 4 раза.

Традиционное объяснение причин проведения жесткой денежно-кредитной политики со стороны денежных властей и экономистов, придерживающихся либерально-монетаристских взглядов, заключается в необходимости «борьбы с инфляцией». В этом случае в числе причин замедления экономического роста называются выход экономики на потенциальный уровень и ограничения со стороны факторов производства, прежде всего труда. При такой трактовке экономической ситуации, по мнению К. Юдаевой, «выбор сценариев на основе использования денежно-кредитной политики у России сейчас небольшой: это либо низкий рост и низкая инфляция, либо стагфляция, то есть низкий рост и высокая и растущая инфляция. Сценарий с высоким ростом и ограниченной инфляцией методами денежно-кредитной политики не реализуем»². По-прежнему в качестве главной цели политики Центробанка называется «макроэкономическая стабильность и развитие финансовой системы», которые преподносятся как «важнейшие достижения последних 15 лет российской истории»³.

Однако резко изменившаяся геополитическая ситуация больше не соответствует прежним представлениям о целях и направлениях национального экономического развития. Все больше ученых и представите-

¹ Поляков Е. Причины спада — внутренние // Эксперт. 2013. № 46 (876).

² Юдаева К. О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 11.

³ Там же. С. 12.

лей деловых кругов высказываются о необходимости разворота политики денежных властей в направлении содействия экономическому росту. Отговорки о структурном характере стагнации не принимают во внимание перезревшую необходимость всеобщего обновления основного капитала, которое при сохранении нынешних ставок процента со стороны Центрального банка в автоматически-рыночном режиме невозможно. Как показывают данные табл. 8.4, реальный прирост денежной массы на 16–30% в докризисный период не повлиял на разгон инфляции, но сопровождался ростом реального ВВП в среднем на 7%. Так, инфляция около 12% наблюдалась при росте реальной денежной массы как на 13% в 2004 г., так и на 26% в 2007 г. А рост реальной денежной массы на 29% в 2006 г. даже сопровождался некоторым снижением инфляции до 9%. Таким образом, *четко выраженной прямой зависимости между приростом денежной массы и темпом инфляции в экономике России не наблюдается*. Монетарные факторы не являются главными факторами российской инфляции, что подтверждается многочисленными исследованиями¹. В условиях начавшегося экономического давления на Россию со стороны западных стран в 2014 г. политика Банка России, как отмечает С. Глазьев, ухудшила и без того сложные условия кредитования для российского бизнеса: «Антироссийские санкции и волна ужесточения монетарной политики Банка России вступают в крайне опасный для российской экономики резонанс»². Более того, «проводимая в России денежно-кредитная политика объективно влечет колонизацию российской экономики иностранным капиталом»³. С. Глазьев обосновывает необходимость «деколонизации денежной политики», выстраивание механизма рефинансирования кредитных институтов, завязанного на кредитование реального сектора экономики и инвестиций в приоритетные направления развития. Необходим переход к эмиссии на основе покупки ценных бумаг российского государства и развитие внутреннего рынка облигаций. С. Глазьев предлагает комплексную программу формирования суверенной национальной кредитно-финансовой системы, предусматривающую: законодательное закрепление в числе целей политики Банка России создания условий для экономического роста и роста инвестиций; переход на внутренние источники формирования денежного предложения; изменение принципов определения целевых значений ставки рефинансирования с учетом рентабельности реального сектора экономики; замещение иностранных кредитов российских банков и предприятий отечественными;

¹ Глазьев С. О практичности количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. 2008. № 7; Еришов М. Кризис 2008 года: «момент истины» для глобальной экономики и новые возможности для России // Вопросы экономики. 2008. № 12.

² Глазьев С. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 14.

³ Там же. С. 17.

усиление надзора в сфере валютных операций с целью предотвращения спекуляций на основе полученных кредитов и др.¹. Схожие меры предлагают В. В. Ивантер, М. Н. Узяков, М. Ю. Ксенофонтов и др.².

Хотя вопрос о влиянии государственных расходов на экономический рост в теории остается дискуссионным, в сложившейся ситуации имеет смысл прислушаться к сторонникам проведения активной политики экономического роста. При этом необходимо сочетать меры по стимулированию совокупного спроса (кейнсианский подход) с решением проблем со стороны совокупного предложения. Важнейшим императивом для развития экономики России является переход к *инвестиционно-инновационному росту*, что потребует повышения нормы накопления, по некоторым оценкам, до 35% к 2020 г.³.

Можно сделать вывод, что проводимая в 2010–2013 гг. бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика в целом способствовала усилению стагнации российской экономики. В частности, акцент на «борьбе с инфляцией» при проведении денежно-кредитной политики привел к существенному сокращению темпов роста реальной денежной массы и ухудшению условий кредитования экономики.

Необходимость преодоления внешних и внутренних ограничений экономического роста в России ставит на повестку дня вопрос о проведении системной промышленной политики. Отдельных стимулирующих мер (например, направления части средств из Фонда национального благосостояния на инвестиционные проекты) недостаточно для того, чтобы преодолеть действие факторов экономической стагнации. Необходим полномасштабный разворот к *политике экономического роста*, что потребует изменения как бюджетно-налоговой (БНП), так и кредитно-денежной политики (КДП) в целях стимулирования внутреннего, прежде всего инвестиционного, спроса; изменения механизмов формирования денежного предложения, повышения уровня монетизации российской экономики. Во взаимоотношениях с остальным миром необходимо ускорить интеграцию на постсоветском пространстве, а также диверсификацию международных экономических связей России (усилить кооперацию со странами БРИКС). Долгосрочные меры, направленные на расширение экономического потенциала (обновление основных фондов, стимулирование рождаемости и повышение качества экономически активного населения, повышение инновационного характера экономики в целом), также необходимы, однако представляется неправомерным противопоставлять краткосрочные меры БНП и КДП и долгосрочные

¹ Глазьев С. Указ. соч. С. 26–27.

² Ивантер В. В., Узяков М. Н., Ксенофонтов М. Ю., Широв А. А., Панфилов В. С., Говтань О. Дж., Кувалин Д. Б., Порфирьев Б. Н. Новая экономическая политика — политика экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2013. № 6.

³ Там же. С. 12.

меры по стимулированию экономического развития. Так, увеличение государственных расходов на инфраструктуру в долгосрочном периоде приведет к повышению экономического потенциала, снижению издержек производства, что отразится и на долгосрочном экономическом росте. Расширение денежного предложения и облегчение условий долгосрочного кредитования также способствуют увеличению инвестиционного спроса и росту выпуска.

Необходим переход от прежней экспортно-сырьевой модели экономического роста к новой национальной модели роста и развития, предполагающей большую ориентацию на внутренний рынок, а также создание единого рынка в рамках евразийской интеграции, который может стать самостоятельным центром накопления капитала и экономического развития. Национальная модель экономического роста в силу объективных причин вынуждена быть моделью *инновационно-инвестиционного роста*, основанного на широкомасштабном обновлении изношенного основного капитала новыми, более эффективными производственными мощностями. Поскольку в коротком периоде не приходится рассчитывать на ускоренный рост населения в силу действия долгосрочных демографических тенденций, повышение эффективности основных фондов необходимо также для компенсации ограниченного вклада трудового фактора. При этом новая национальная модель экономического роста России не может не учитывать действие всей совокупности национально-специфических факторов — как экономических (это, прежде всего, факторы производства), так и неэкономических (природно-климатических, географических, геополитических, социокультурных и иных). Она также должна соответствовать целям национального развития и обеспечения национальной экономической безопасности.

Глава 9

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Макроэкономическая ситуация в стране, сложившаяся под воздействием внутренних и внешних, экономических и политических факторов, не может не вызывать беспокойство в среде ученых-экономистов, политиков, в бизнес-структурах, в обществе в целом. Снижение темпов экономического роста до минимума, структурная неподвижность в реальном секторе, высокая научно-техническая и продовольственная зависимость от мирового рынка настоятельно требуют ключевых перемен. Вопрос о необходимости смены экономического курса развития страны, структурных изменений, перехода от сырьевой ориентации к высокотехнологичному производству в научных кругах поднимается уже длительное время. Однако в реальности экономика развивается по прежнему сценарию, а из выступлений лиц, определяющих макроэкономическую политику страны, следует, что основные принципы макроэкономической политики будут сохранены и экономический курс меняться не будет. В то же время принятие в 2014 г. Федеральных законов «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ и «О промышленной политике в Российской Федерации»² дает основание для оптимизма и побуждает к поиску новых аргументов по поводу уместности и необходимости изменения модели развития.

В связи с этим небезынтересно обращение к нашей истории, проблемам, с которыми столкнулась страна в 20-е гг. прошлого века. Тогда в острой идейной борьбе по поводу путей развития новой экономической системы выбор был сделан в пользу планового ведения хозяйства, хотя, как говорил С. Г. Струмилин, один из участников создания плановой системы в стране, «ни с одной кафедры в мире такая научная дисциплина не преподавалась, ни из каких учебников научиться ей не было возможности»³. Все начиналось впервые. Уже в декабре 1917 г. создается Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) — первый планирующий орган, в феврале 1920 г. образована Государственная комиссия по элек-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

² Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

³ *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. Т. 3. — М., 1965. С. 65.

трификации России (ГОЭЛРО), и через год, в декабре 1920 г., был принят к исполнению первый перспективный план развития страны на основе электрификации, рассчитанный на 10–15 лет. По плану намечалось проведение коренного изменения структуры экономики, создание крупной машинной промышленности как основы материально-технической базы строительства социализма. В 1921 г. был создан Госплан — главный плановый орган страны. В процессе разработки и осуществления плана ГОЭЛРО, первых пятилетних планов и работы над Генеральным планом развития народного хозяйства были выработаны основы теории и методологии планирования, составившие немалый вклад в мировую экономическую науку. Системный подход к народно-хозяйственному планированию основывался на выработке общей концепции хозяйственного развития, определения целей и задач, методологических принципов планирования. Особое место в плановых разработках отводилось проблеме сбалансированности народного хозяйства, темпам и эффективности производства.

Пути становления системы планового управления экономикой так же, как и судьбы многих ее создателей и участников плановых разработок, не были простыми и легкими. И судьба плановой системы оказалась катастрофичной в нашей стране. Все, что было связано с плановым ведением хозяйства, в 1990-е гг. стало оцениваться негативно. «Исследования в области теории воспроизводства, теории макроэкономического планирования и регулирования фактически были прекращены, они оказались невостребованными и, по сути, объявлены «ненужным занятием эпохи тоталитаризма»¹. Начался процесс демонтажа плановой экономики.

Акцент на преимущество рыночных методов хозяйствования увел научную мысль от существенных причин крушения плановой системы в сторону постижения основ рыночной экономики. Но сегодняшняя реальность такова, что вновь приходится решать проблемы сбалансированности, темпов, пропорций, эффективности уже в условиях рыночной экономики. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» был принят после долгих обсуждений в июле 2014 г., но пока вступление закона в силу не нашло отражения в экономических процессах, и возникает много вопросов. Направлен ли принятый закон о стратегическом планировании на решение этих проблем? Будет ли он способствовать переводу экономики на инновационные рельсы развития, созданию конкурентоспособной высокотехнологичной продукции? Будет ли он побуждать субъектов хозяйствования всех уровней, всех форм собственности, всех участников социально-экономических процессов в стране к таким ключевым решениям, которые позволят сдвинуть экономику страны в сторону назревших структурных изменений и научно-технического прогресса?

¹ Капитал и экономикс. Вып. 3 / Под ред. В. Н. Черковца. — М.: ТЕИС, 2009. С. 21.

В данной связи следует заметить, что в последние годы на Западе возрастает интерес к вопросам планирования национальной экономики. Этому посвящена работа европейских экономистов «Экономическое планирование и промышленная политика в условиях растущей глобализации экономики: концепции, опыт и перспективы», вышедшая в 2015 г. Во введении отмечается: «В 1960-е и 1970-е гг. планирование национальной экономики, определение стратегических целей экономического развития страны, разработка методов и создание институциональной инфраструктуры для их достижения пользовались популярностью во многих странах. Со временем она была утрачена. Но в последнее время с развитием процессов глобализации и обострением конкуренции различные типы планирования вновь становятся популярными в разных странах». Обращается внимание на то, что «в эту новую эпоху подходы к планированию национальной экономики отличаются от прежних — количественных», «используются новые инструменты, такие как стратегическое видение и планы действий, обновленные методы планирования инфраструктуры, промышленная и кластерная политика»¹. Видимо, определенную роль в возрастании интереса к планированию сыграл мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. По словам Дж. Стиглица, «он заставил пересмотреть многие принципы, общепринятые в международных политических кругах: рынки, несомненно, не были ни эффективными, ни стабильными, и саморегулирования было недостаточно»².

Хотя современная эпоха и характеризуется разного рода постиндустриальными признаками, с повестки дня не снята задача наращивания качества и объема воспроизводимых ресурсов — материальной основы социально-экономического прогресса и развития креатосферы. Неоиндустриальные процессы идут как в развивающихся, так и в развитых странах. Особенно остро проблема неоиндустриализации стоит перед нашей страной. Разговоры о необходимости слезть с нефтяной иглы и диверсификации экономики идут на протяжении многих лет. Сложилось общее понимание, что в основе развития нашей экономики должна быть не ориентация на добычу и экспорт нефти и газа и не расширение фиктивно-спекулятивного капитала, а всеобщая модернизация на основе нового технологического уклада, перехода на путь неоиндустриализации, высокотехнологичного, наукоемкого производства. Без этого невозможно обеспечить устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности российской экономики.

Являясь одной из крупнейших стран мира по территории, населению, запасам природных ресурсов, Россия существенно отстает по эффектив-

¹ Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy: Concepts, Experience and Prospects. M. Yülek (Ed.). Springer, 2015. P. iii.

² *Stiglitz J.* The global financial crisis has made capital account management more important than ever // *Emerging Markets: News, Analysis and Opinion.* 2013. 11.10.

ности их использования, и если по объему ВВП наша страна находится на 8-м месте, то по ВВП на душу населения только на 49-м, по индексу человеческого развития — на 57-м, по условиям ведения бизнеса — на 62-м, по условиям для инноваций — на 49-м, по конкурентоспособности — на 53-м месте (табл. 9.1).

Таблица 9.1

Место России в мире

Показатели	Место/ ранг	Год	Источники
Площадь	1		
Население	9	2013	ООН
ВВП (а)	8	2014	Всемирный банк
ВВП на душу населения (а)	49	2014	МВФ
Индекс человеческого развития	57	2014	ООН (б)
Условия ведения бизнеса	62	2014	Всемирный банк (с)
Условия для инноваций	49	2014	(d)
Конкурентоспособность экономики	53	2014	Всемирный экономический форум (е)

(а) по паритету покупательной способности.
 (б) Доклад об индексе человеческого развития-2014. Программа развития ООН. 2014.
 (с) Doing Business 2015. The World Bank. Wasington D.C. 2014. В 2014 г. обследовалось 30 стран.
 (d) The Global Innovation Index 2014. <https://www.globalinnovationindex.org>. В 2014 г. обследовалось 30 стран.
 (е) The Global Competitive Index 2014–2015. World Economic Forum. В 2014 г. обследовалось 30 стран.

За годы рыночных преобразований отечественное машиностроение перестало быть ведущим элементом производительных сил страны, основой модернизации экономики. Произошло не развитие, а свертывание машиностроительного комплекса, его основы — станкостроения, превращение многих промышленных предприятий в торговые центры. Объем производства машин и оборудования сегодня на четверть меньше, чем в 1991 г. Вследствие этого в экономике идет процесс замещения отечественной техники импортной, порождая зависимость страны от зарубежных поставок, с чем Россия столкнулась сегодня в условиях экономических санкций. Все это требует кардинальных изменений в экономической политике, ее промышленной составляющей, объединения усилий государства, бизнеса, общества, направленных на реальные изменения в структуре народного хозяйства, на ускорение инновационных процессов в экономике.

Призван ли способствовать этому закон о стратегическом планировании? Произойдет ли в процессе его реализации усиление стремления хозяйствующих субъектов к поиску инновационных решений? Что для

этого необходимо изменить в экономической политике государства? И на какой концептуальной основе должно осуществляться стратегическое планирование? Эти вопросы сегодня активно обсуждаются в определенной части научного сообщества, находят отражение в ряде научных изданий, являются предметом научных конференций.

Известно, что в начале 2000-х гг., когда темпы роста инвестиций были достаточно высокими, Россия оставалась в стороне от магистрали экономического прогресса, не произошел поворот к диверсификации, инновационному развитию в той мере, которая требовалась. И хотя экономическая мысль была озабочена этими проблемами на протяжении многих лет и доказывалась необходимость смены модели развития экономики, до сих пор не выработано единство в подходе к новому курсу. Одни возлагают надежды на государственное регулирование экономических процессов, считая, что инновационное развитие экономики при упоре на частно-рыночный сектор саморегулирования контрпродуктивно и бесперспективно¹. (Конечно, такая позиция не снимает вопрос о рыночных методах хозяйствования и их эффективности.) Другие делают акцент на рыночные саморегуляторы, на «радикальное ослабление бремени государственного регулирования»². Однако «сокращение сферы государственной активности... само по себе не обеспечивает условий для более эффективного хозяйствования и, в частности, для развития рыночных отношений»³. Здесь все еще остается большое поле для дискуссий и для выработки научно обоснованных ответов на вызовы времени, в которых сегодня остро нуждается страна. Однако, как справедливо отмечал Д. Сорокин, раскол между двумя основными направлениями в российской мысли «зашел так далеко, что лидирующие представители этих школ организуют отдельные экономические дискуссии своих сторонников»⁴. Убежденность представителей этих направлений в своей научной правоте и зачастую игнорирование аргументов своих оппонентов не способствуют продвижению научной мысли к преодолению всякого рода «фобий», движению к новым научным прорывам в осмыслении тенденций развития глобального мира и собственной национальной экономики. Возникает вопрос: возможен ли позитивный синтез принципиально различных точек зрения на экономическое развитие России и выработка какой-либо общей концепции развития? На него у меня нет однозначного ответа, но он заложен в самом реальном процессе общественного развития, который позволит преодолеть существующие тео-

¹ *Нешиной А. С.* О стратегии инновационного развития российской экономики. Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии. Т. 3. — М., 2012. С. 75.

² *Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 33.

³ *Радьгин А., Симачев Ю., Энтов Р.* Государственная компания: сфера проявления «провала государства» или «провала рынка»? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 47.

⁴ Экономическая система современной России. — М., 1915.

ретические и методологические разногласия на основе нового знания. Необходим системный подход к разработке концепций нового экономического курса развития России, а это требует качественного анализа воспроизводственных процессов на макро- и микроуровне, отхода от упрощенного противопоставления рыночных механизмов и государственного регулирования, определения принципов и механизмов стратегического планирования.

В условиях рыночной экономики вполне закономерен акцент на повышение эффективности рыночных принципов хозяйствования, но сведение при этом всех неудач функционирования рыночных механизмов к избыточности госрегулирования ведет к сужению понимания системных проблем функционирования и развития экономики. Не следует замыкать проблемы отечественного бизнеса на создании благоприятных условий его функционирования, необходимо заняться углубленным анализом воспроизводственных процессов на микро- и макроуровне, оставляя на время в стороне роль государства (по аналогии с «Капиталом» К. Маркса) и выясняя особенности сложившегося типа воспроизводства, внутренние потенции крупного и мелкого бизнеса к развитию и инновациям, характер сложившихся экономических отношений внутри и между разнообразными производственными структурами, возрастающую роль внеэкономических факторов, и уже затем включать в анализ институциональные факторы развития. Конечно, прежде всего, государство несет ответственность за проводимую социально-экономическую политику, за создание условий эффективного хозяйствования для всех хозяйствующих субъектов. Но одновременно требуется взаимная ответственность бизнеса перед государством, обществом за организацию производства, результаты его деятельности, за социальные обязательства, возложенные на него государством. За прошедшие годы в полной мере не создан социально ответственный бизнес, «экономическое рыцарство», о котором в свое время писал А. Маршалл¹, не характеризует отношение бизнеса к обществу, и продолжает иметь место идеология «безответственной свободы»². В условиях, когда бизнес самостоятельно решает, что и как ему производить, чем ему заниматься, не оглядываясь на возникающие в стране проблемы, возможности целенаправленного изменения сложившейся структуры экономики, переориентации ее на инновационный путь ограничиваются. Ориентировать бизнес на решение общенациональных задач методами 1920–1930-х гг. сегодня невозможно, и нужны новые подходы, новые формы общественного договора. И свое место в этом призван занять закон о стратегическом планировании.

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 3. — М., 1993. С. 139.

² Кац А. О макроэкономическом планировании и системе управления экономикой // Экономист. 2013. № 12. С. 27.

Проблемы государственного участия в экономике — составная часть общей проблемы перехода к новой модели развития, определения ее контуров, типа воспроизводства, материальной базы, системы управления, взаимодействия рыночных и нерыночных методов хозяйствования, экономических и неэкономических факторов, воздействующих на социально-экономические процессы. Контуров новой модели развития предполагают многообразие форм собственности, разные формы организации производства, систему рыночных механизмов, государственного регулирования и стратегического планирования, сопряженного со стратегией территориального и отраслевого развития национальной экономики. Но присутствие этого «джентльменского набора» само по себе не обеспечивает успеха, и пока же, по словам С. Губанова, в экономике сегодня «одна сплошная пауза» — инвестиций, инноваций, экономического роста, качества товаров и услуг, НИР и НИОКР¹. Чтобы «завести мотор и начать движение», требуется новый экономический курс, способный вывести страну с колеи деформированной системы воспроизводства на траекторию нового технологического уклада, развития высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики и реализации на их основе стратегических интересов страны. С одной стороны, как замечает С. Губанов, «сейчас уже не надо лишний раз призывать к использованию планирования и плановых методов регулирования экономики»², с другой — работа по реализации принятого закона о стратегическом планировании по-настоящему еще не развернулась, и остается больше вопросов, чем ответов, по поводу его реализации на всех уровнях хозяйствования, возможности эффективного сочетания многоуровневого планирования с принципами рыночной экономики.

Обсуждение закона о стратегическом планировании в настоящее время идет в научных кругах, но пока не замечен интерес к нему со стороны властных структур. Общие, принципиальные подходы к планированию социально-экономического развития страны, изложенные в законе, требуют уточнения, разъяснения и развития. Из содержания закона неясно, по какому сценарию предполагается осуществлять стратегическое планирование и каков механизм его осуществления. В 1990-е гг. в стране разрабатывались и принимались федеральные целевые программы, в 1995 г. был принят Закон «О государственном прогнозировании и программировании социально-экономического развития», но это не обеспечило разворота экономики к структурным изменениям, инновационному развитию. Сегодня с высоких трибун провозглашают, что откладывать структурные преобразования больше нельзя, но при этом трудно понять, что за этим признанием скрывается, как, кто и когда данные преобразования будет

¹ Губанов С. Экономика без движущей силы: об итогах первого полугодия 2014 г. // Экономист. 2014. № 8. С. 11.

² Там же. С. 18.

проводить. Ответы на эти вопросы важны для определения стратегии нового курса, инструментов его воплощения в жизнь. Несомненно, таким инструментом должен стать и закон о стратегическом планировании.

В ряде публикаций последнего времени представлены различные точки зрения на механизм реализации закона о стратегическом планировании и его роль в процессе перевода экономики на путь неоиндустриального развития. Отмечая, что этот закон призван способствовать развитию реального сектора, структурным изменениям, инновационному развитию экономики, авторы высказывают свое отношение к прошлому опыту планирования в нашей стране, к зарубежному опыту индикативного планирования, размышляют о методологии, принципах и сферах планирования в современной России. По словам С. Глазьева, «методология стратегического планирования предусматривает наличие системы долго-, средне- и краткосрочных прогнозов социально-экономического развития, выбор приоритетов технико-экономического развития, механизм и инструменты их реализации, включающие систему долгосрочных концепций, среднесрочных программ и индикативных планов, институты ограничений соответствующей деятельности, а также методы контроля и меры ответственности за достижение необходимых результатов»¹. Отталкиваясь от критического анализа опыта планирования в нашей стране и в странах Европы и Азии, А. Бузгалин и А. Колганов обосновывают вывод о целесообразности «перезагрузки» этого института в современных условиях, результатом которой должно стать формирование адекватных для новой экономики механизмов планирования, интегрирующих прогнозирование, форсайты, селективное регулирование в целостные программы экономического развития, задающие «векторы развития» для определенных ограниченных сфер остающейся в целом рыночной экономики².

С. Губанов, анализируя состояние российской экономики сегодня, делает вывод, что она продолжает оставаться «без движущей силы передового развития», и это требует формирования новой системы воспроизводства, которую не способна обеспечить сложившаяся в России «олигархически-компрадорская система», подчиненная сырьевому экспорту, офшоризации российской собственности, диктату «Вашингтонского консенсуса» и антигосударственной идеологии дерегулирования. Разрешение системного кризиса в стране (который Губанов трактует как «кризис системы воспроизводства, при котором из строя выведено базовое первое подразделение — производство машинных средств производства») он связывает с формированием новой интегрированной и планомерно-регулируемой модели развития. По его мнению, в условиях сложившейся многоукладной экономики речь не должна идти о «кло-

¹ Экономист. 2013. № 1. С. 8.

² Проблемы теории и практики управления. 2014. № 4.

нировании» советской системы планирования: плановое управление сегодня не должно охватывать материально-финансовые потоки во всей системе национального воспроизводства. «В то же время, — отмечает он, — государственное регулирование без блока планового управления заведомо неэффективно»¹. Планово-регулируемыми и управляемыми, по его мнению, должны быть структурные пропорции воспроизводства; пропорции между товарной и денежной массой; между почасовой производительностью труда и почасовой ставкой заработной платы; цены и тарифы инфраструктурных монополий; материальные и финансовые потоки в госсекторе; образование и подготовка высококвалифицированных кадров с учетом потребностей и задач новой индустриализации; сектор фундаментальной и прикладной науки, НИР и НИОКР и др. Регулятором планово-регулируемой системы воспроизводства у него выступает народно-хозяйственная (а не частная) рентабельность. Разделяя в основном подходы Губанова к стратегическому планированию, следует заметить, что они предполагают кардинальные изменения экономической модели развития, которые активно обсуждаются на страницах журнала «Экономист», но пока не находят воплощение в конкретных действиях.

Ряд теоретических и методологических вопросов стратегического планирования затронут в статье Ю. Якутина «Прогнозирование и стратегическое планирование в системах государственного и корпоративного управления». Отмечая, что отсутствие дееспособной системы государственного стратегического планирования привело к деиндустриализации экономики, снижению человеческого потенциала, социальной дифференциации в обществе, он выступает за необходимость создания современной макроуровневой модели регулирования экономики, в которой «ключевой функцией государственного управления следует считать налаживание стратегического планирования, развития тех сфер, от которых прямо или косвенно зависит достижение принятых перспективных целей»². При определении целей, задач и инструментов стратегического планирования, по мнению Якутина, необходимо отправляться от стратегического анализа глобальных и внутренних угроз национальной безопасности в таких сферах, как оборона, энергетика, обеспечение лекарствами и продуктами питания, охрана окружающей среды. Характеризуя функцию макроуровневого стратегического планирования как системообразующую в общем механизме современного госуправления, он считает, что она не должна охватывать всю совокупность рыночных субъектов, что ее действие следует распространять только на те стратегически приоритетные предприятия и корпорации, в отношении которых ры-

¹ Губанов С. Указ. соч. С. 16.

² Якутин Ю. Прогнозирование и стратегическое планирование в системах государственного и корпоративного управления // Российский экономический журнал. 2014. № 4. С. 96.

ночные стимулы и регуляторы не обеспечивают должную сбалансированность общенациональных и корпоративных интересов. Создаваемая система стратегического планирования должна «в полной мере и творчески» использовать мировой опыт индикативного планирования, а также методологию межотраслевого баланса, возникшую и широко применяющуюся в нашей стране. Фактически Якутин, являясь сторонником национально ориентированной модели развития экономики, рассматривает возможность в условиях рыночной экономики осуществлять индикативное планирование с учетом национальной специфики. Касаясь методологии перспективного планирования, он отмечает, что принятая в России ультралиберальная методология стратегического прогнозирования и программирования доказала свою несостоятельность в отношении содействия сбалансированному и современному росту. Выбор методологических и теоретических основ современной системы государственного стратегического планирования является, по его мнению, ответственным моментом, определяющим вектор социально-экономического развития страны, способы перевода экономики на инновационные рельсы. Без этого невозможно преодолеть замедление развития, провести неоиндустриализацию, обеспечить экономическую безопасность страны.

В ряде статей обосновывается осуществление стратегического планирования на принципах экономического дирижизма, подчеркивается необходимость изменения отношения к опыту планирования в нашей стране, к научному наследию в области теории и методологии планирования, созданному в советские годы, и возможность его использования сегодня. Высказывается мнение, что планированием должно быть охвачено «производство и потребление, совершенствование организационных структур управления, организация мотивирования работников, включающего стимулирование и ответственность, организация контроля деятельности по всей вертикали государственного управления»¹; говорится о необходимости проведения деприватизации базовых отраслей промышленности² и т.п.

Широкая перспектива стратегического планирования, представленная авторами, нуждается в дальнейшем углублении обоснования необходимости и особенностей планирования в современных условиях России, целей, задач, механизмов, возможных границ его распространения, сочетания с действием рыночного саморегулирования, определения теоретической и методологической базы планирования. Нельзя не учитывать при этом существующие альтернативные точки зрения, представленные в научной среде и во властных структурах, по поводу выбора нового курса социально-экономического развития и места в нем принятых недавно Федеральных законов «О стратегическом планировании в Российской

¹ Кац И. Указ. соч. С. 28.

² Нешитой А. С. Указ. соч. С. 75.

Федерации» и «О промышленной политике в Российской Федерации». Успехи в реализации этих законов во многом зависят от общей концепции социально-экономического развития страны. Пока же разговоры о необходимости смены экономического курса, перехода к новой модели развития полны неопределенности. Все это усиливает актуальность политико-экономических исследований проблем воспроизводства, факторов, воздействующих на состояние, приумножение, распределение и эффективное использование национального богатства и национального продукта. Одним из таких факторов призвано стать стратегическое планирование.

Глава 10

**КЛЮЧ К ПРЕОДОЛЕНИЮ
ФАКТОРОВ ЗАТУХАЮЩЕГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

После кризиса 2009 г. российская экономика так и не смогла выйти на докризисные темпы роста (табл. 10.1).

Таблица 10.1

**Основные макроэкономические показатели Российской Федерации
(в % к предыдущему году)**

Показатели	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Валовой внутренний продукт	108,5	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4	101,3	100,6
Продукция промышленности	107	100,6	91	107	105	103	100	102
Продукция сельского хозяйства	103	111	101	89	123	95	106	104
Инвестиции в основной капитал	123	110	87	106	111	107	99,7	97

Источник: <http://www.cisstat.com/>

А начиная с 2013 г. экономика России находилась на грани рецессии. В 2015 г. страна вошла уже в кризис: ВВП страны сократился на 3,7%¹.

В чем причина таких печальных событий, учитывая, что главный российский продукт — нефть до осени 2014 г. находилась на достаточно высоких уровнях — свыше 100 долл. за баррель, точнее, 105–106 долл.? Из объяснения причин такой ситуации необходимо сразу исключить наложенные на Россию санкции со стороны США и их союзников. Они начали действовать только с лета 2014 г., а экономика страны затормозила, а потом и остановилась начиная с 2012 г., т.е. задолго до украинских событий. Это значит, что причины торможения необходимо искать внутри экономической системы страны.

Не объясняют эту тенденцию и ссылки на торможение мировой экономики. В 2014 г. ВВП США вырос на 2,4%, в 2015 г. — на 2,5%. В Китае рост ВВП составил соответственно 7,3 и 6,9%. В ЕЭС рост экономики

¹ *Мау В.* Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 12.

составил: 1,5 и 1,9%. В целом мировая экономика в эти годы росла темпом 3,4 и 3,1%¹.

Как считают многие экономисты, действовавшая до сих пор модель экономического роста в настоящее время исчерпала себя. Главной составляющей этой модели были растущие мировые цены на нефть и другие сырьевые товары российского экспорта. Суммарная величина нефтегазовых доходов Российской Федерации за 2000–2013 гг. составила 2,1 трлн долл. В этот период значительно увеличился уровень заработной платы и пенсий, при этом темп прироста заработных плат значительно опережал темп роста производительности труда. В результате нефтегазовые доходы увеличили внутренний спрос в стране и определили достаточно высокие темпы роста экономики. Средние темпы ее роста в докризисный период (до 2009 г.) составили 6,9%. Но после 2009 г. средние темпы роста экономики составляли только 1,1%, несмотря на высокие нефтегазовые цены. Это означает, что эта модель роста исчерпала себя.

Поэтому остро стоит вопрос об изменении ее основных параметров и освобождении экономики от тех ограничений, которые в ней существуют.

Каковы ограничители экономического роста в Российской Федерации в настоящее время? Их много, но скажем об основных ограничителях.

В последнее десятилетие получилось так, что Россия, поставив перед собой важнейшую задачу по модернизации экономики, требующую по логике огромного напряжения сил всего народа, оказалась в мировых лидерах по отдыху, т.е. по количеству праздничных и нерабочих дней в году. Портал *Hotels.com* провел исследование, которое показало разницу в суммарном количестве дней оплачиваемого отпуска и государственных праздников в разных странах. Россияне в 2013 г., по подсчетам портала, кроме выходных (субботы и воскресенья), позволили себе дополнительно 40 нерабочих дней в году. Сюда входят 28 дней оплачиваемого отпуска и 12 дней официальных праздников. Реально с учетом перенесенных праздничных дней в 2013 г. праздничных дней было 14. То есть дополнительно к выходным россияне отдыхали 42 дня. В то время как жители Мексики отдыхали лишь 13 дней помимо выходных.

Проведя исследование по 30 странам, *Hotels.com* определил среднее количество дней, которое приходится как на официальный отпуск, так и на государственные праздники, и оно составило 28 дней в году. Россияне отдыхают на 12 дней больше среднего показателя². (Фактически

¹ *Мау В.* Указ. соч. Справочно: отрицательные темпы роста в 2015 г., кроме России, имели только несколько стран: Украина — 9%; Белоруссия — 3,6%; Венесуэла — 10%; Бразилия — 3,8%; Греция — 2,3%.

² За Россией следуют Италия и Швеция с 36 нерабочими днями, что также значительно выше среднего показателя. В противоположность этим странам Канада и Мексика делят два последних места в списке, предоставляя своим гражданам 15 и 13 дней отдыха соответственно. В Финляндии, Франции, Норвегии официальный отпуск составляет 25 дней

на 14 дней больше.) Всего же в 2014 г. они должны были отдыхать 118 дней. Получается, россияне работают значительно меньше, чем граждане развитых богатых стран, где людям можно было бы и больше отдыхать, и тем более меньше, чем в странах, совершающих модернизационный рывок. Если учесть ранний выход российских граждан на пенсию, то получается, что жизненный фонд рабочего времени в России значительно меньше, чем в развитых странах. Конечно, при таком отношении к труду нельзя никого догнать и тем более перегнать, нельзя решить стоящие перед страной серьезные задачи модернизации.

С недостаточной трудовой нагрузкой населения России связаны и другие проблемы экономики. В частности, такая застарелая проблема, как низкая производительность труда в стране. А ведь это важнейший показатель экономического развития, который во многом определяет конкурентоспособность как страны в целом, так и ее продукции на мировых рынках.

Уровень производительности труда в России составляет 26,8% от показателя Соединенных Штатов Америки, 40% от показателя Японии и Германии, 33,3% от показателя Франции, 36% от показателя Швеции. Целый ряд бывших советских республик опережают Россию: Армения, Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Казахстан. Наблюдается отставание в темпах роста производительности труда России от показателей стран — партнеров по БРИК. Согласно данным Росстата, в 2010 г. производительность труда выросла в целом по экономике на 3%, в то время как в Китае — на 8,5%, в Индии — на 5,5, в Бразилии — на 4%¹.

Крайне низка эффективность российских компаний. Один миллион долларов выручки ведущих западных корпораций обеспечивается в среднем трудом двух сотрудников. В России же даже лидерам для этого нужны по меньшей мере пятеро. Производительность труда в крупном бизнесе России составляет всего 40% от мирового уровня. Выручка «Газпрома» на одного занятого составляет 340 тыс. долл., тогда как у Shell — 5,17 млн долл. в год. Очевидно, в силу этого капитализация «Газпрома» с 2008 г. снизилась в 5,6 раза — с 386 млрд до 69 млрд долл. Суммарная капитализация всех российских компаний на декабрь 2014 г. составляет 467 млрд долл., что на треть меньше капитализации компании Apple².

В отраслевом разрезе соотношение производительности труда у российских и мировых компаний-лидеров выглядит следующим образом: выше среднего уровня 40% показывают российские розничные сети (61%), энергетики (49%), нефтяники и газовики (48%), телеком (48%)

и праздничные дни 10 дней, т.е. 35 нерабочих дней, в Германия всего — 29 нерабочих дней, в США — 20 дней, в Китае — 16. — Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/career/news/10439321/rossiya_zanimaet_pervoe_mesto_v_mire_po_chislu_prazdnichnyh

¹ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Доклад / Под ред. академиков А. Д. Некипелова, В. В. Ивантера, С. Ю. Глазьева. — М., 2013. С. 84.

² *Иноземцев Вл.* Понт ручьем // МК. 5 декабря 2014.

и в значительной мере принадлежащая иностранцам пищевая промышленность (45%). А вот компании черной металлургии, несмотря на рост инвестиций, почти вдвое превышающий среднероссийский, демонстрируют лишь 38% от уровня производительности глобальных конкурентов; почти такой же (35%) показатель у лидеров нашего цветмета¹.

Главная причина отставания российских предприятий в производительности труда от аналогичных зарубежных компаний — устаревшие физически и морально основные производственные фонды и технологии, используемые отечественными производителями. Модернизация производства приводит к росту производительности труда на предприятиях в разы. Например, масштабная реконструкция производства в компании «Сибур» привела к тому, что выручка на одного человека выросла с 1,9 млн руб. в 2007 г. до 9,3 млн руб. в 2013 г., т.е. почти в 5 раз, а число работников уменьшилось с более чем 70 тыс. до 26 тыс. чел.². Но и это еще не обеспечило достижение компанией мирового уровня. Очевидно, что есть и другие причины отставания по этому показателю от зарубежных производителей.

Во многих случаях, даже при использовании самых передовых технологий, производительность труда на российских предприятиях оказывается ниже, чем на аналогичных зарубежных. Это связано с недостаточной квалификацией производственного персонала, отсталой организацией труда и производства, отсутствием стандартов осуществления производственных процессов, которые распространяли бы лучшие методики труда.

Не способствует росту производительности труда и наблюдающееся последние годы огосударствление экономики. В 2000-е гг. был создан целый государственный сектор экономики, состоящий из государственных компаний, фондов, корпораций, банков. По оценкам, в 2007–2011 гг. доля государства в рыночной капитализации российских компаний колебалась в пределах 50–65%³. В государственном секторе производится более 50% ВВП страны. Этот сектор функционирует на не вполне рыночных принципах, имея льготное кредитование, налогообложение и в целом покровительство государства.

Между тем в десятке лидеров по производительности труда в российской экономике нет ни одной государственной компании. Проведенное Всемирным банком обследование 79 тыс. российских предприятий за 2003–2008 гг. показало, что у предприятий государственной и муниципальной форм собственности значительно худшие показатели производительности труда. Гарантированное государством стабильное положение таких компаний, очевидно, не способствует росту их эффективности.

¹ Эксперт. 2013. № 40. С. 98–101.

² Эксперт. № 43. 2014. С. 98.

³ *Радыгин А., Симачев Ю., Энтов Р.* Государственная компания: сфера проявления «провалов государства» или «провалов рынка»? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 57.

У них и так все хорошо, они чувствуют себя непотопляемыми. Такое их поведение в целом значительно искажает рыночную среду в экономике, делая менее эффективной по сравнению с более рыночными странами.

Кроме того, в ряде случаев более низкая производительность труда на российских предприятиях по сравнению с мировым уровнем связана с проводимой властями политикой по сдерживанию высвобождения избыточных работников с целью недопущения роста безработицы и избегания возникающих в связи с этим социальных проблем. Но такая сегодняшняя забота о населении оборачивается в будущем консервацией отсталости российского производителя и все большим отставанием страны, в том числе и в социальном плане.

Низкий уровень производительности труда в российской экономике напрямую связан с высокими издержками отечественных производителей. Низкая производительность труда по сравнению со странами Запада сама по себе рождает более высокие издержки производства по сравнению с этими странами.

Кроме того, имевшиеся раньше у страны некоторые конкурентные преимущества по издержкам в настоящее время исчерпаны. Отпускная цена на электроэнергию для промышленных потребителей в России на 55% выше, чем в США. Газ и уголь нашим ТЭС обходятся примерно в ту же цену, что и американским. По средней «чистой» зарплате (23 410 руб., или 582 евро в месяц (1 евро = 40,2 рубля) по итогам 2012 г.) Россия не только обогнала в 2012 г. все страны СНГ, но и ряд членов ЕС, например Венгрию (494 евро), Литву (488 евро) и Латвию (487 евро), при том, что квалификация работников у нас часто оставляет желать лучшего¹. (После резкой девальвации рубля в декабре 2014–2015 гг. ситуация существенно изменилась: труд в Российской Федерации стал стоить даже меньше, чем в Китае).

Особого внимания в деле наращивания издержек заслуживает тенденция опережающего роста заработной платы по сравнению с ростом производительности труда. Эта негативная тенденция видна из табл. 10.2.

Таблица 10.2

Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения

Показатели	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	2281	8088	18 958	20 780	23 058	Н.д.
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году	112,0	112,4	105,9	100,5	104,6	Н.д.

¹ Эксперт. 2013. 7–13 октября. № 40. С. 98–101. В конце 2014 г. величина средней заработной платы в стране резко сократилась примерно на 60% в евровом выражении из-за девальвации рубля.

Окончание табл. 10.2

Показатели	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, руб.	2223	8555	20 952	23 369	26 629	Н.д.
Реальная начисленная заработная плата, в % к предыдущему году	120,9	112,6	105,2	102,8	108,4	Н.д.
Динамика производительности труда в экономике РФ, в % к предыдущему году	107,0	105,5	103,2	103,8	103,1	101,8

Источник: Росстат.

Согласно Росстату, в период с 2000 по 2012 г. средняя номинальная начисленная заработная плата выросла с 2223 до 26 629 руб., или в 11,9 раза, увеличиваясь в среднем почти на 10% в год. Производительность труда росла в этот период в среднем на 4%, а в последние годы прирост снизился до 2%.

Все последнее десятилетие темпы роста реальной заработной платы устойчиво опережали темпы роста производительности труда и темпы роста ВВП страны¹. В 2013 г. ВВП увеличился всего на 1,5%, в то время как прирост реальных располагаемых доходов составил порядка 4%, заработной платы — более 5%. Российские предприятия, как правило, не ставили перед собой задачу по снижению издержек на заработную плату. Этим они кардинально отличались от бывших социалистических стран Восточной Европы, что можно видеть из табл. 10.3.

Таблица 10.3

Доля предприятий, сокращавших затраты на оплату труда

Год	Россия	Болгария	Польша	Чехия
2008	4,5	15,9	13,8	18,2
2012	5,5	25,9	21,8	25,0

Источник: Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 14.

В результате доля заработной платы в ВВП страны превысила 50%, что привело в настоящее время к уменьшению валовой прибыли в экономике, ограничению ресурсов для развития и как результат нулевому экономическому росту. Российская экономическая система стала более социально ориентированной, но менее инвестиционно привлекательной. Высокая доля заработной платы в издержках производства делает продукцию российских производителей менее конкурентоспособной по сравнению с зарубежной. В дополнение это сказалось на постоянно снижающейся рентабельности российских производителей. Эта тенденция хорошо видна из табл. 10.4.

¹ *Мау В.* В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 12.

Таблица 10.4

Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) (в %)

Показатели	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг)				
Всего в экономике	13,5	10,0	9,6	8,6
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6,7	9,1	9,1	10,7
Добыча полезных ископаемых	35,6	31,9	31,4	28,0
Из нее:				
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	34,7	29,2	27,5	25,8
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	42,8	53,5	64,6	45,3
Обрабатывающие производства	15,3	14,8	13,2	10,7

Источник: Росстат.

Возможности инвестиций в реальное производство у российских производителей за счет собственных средств все последние годы сильно сокращались. Инвестирование за счет заемных средств на внутреннем рынке было также ограничено из-за высокого банковского процента на кредиты. А после повышения ключевой ставки ЦБ РФ в декабре 2014 г. до 17% годовых внутренние кредиты для предприятий стали недоступны.

Самой реальной возможностью получения кредитов оставался внешний финансовый рынок, на котором российские экономические субъекты набрали заемных средств на сумму около 700 млрд долл. Но в целом это не помогло сделать российскую экономику более конкурентоспособной¹, а доля инвестиций в ВВП снизилась до 17–20% (в советское время составляла примерно — 35%).

Высокая стоимость труда и снижающаяся рентабельность российской экономики сделали ее непривлекательной для иностранного капитала. В мире есть много стран, где иностранный капитал может найти дешевую рабочую силу и высокую рентабельность производства. Более того, российский капитал последние годы бежит из страны по тем же причинам — вести производство при высоких издержках и снижающейся рентабельности нет никакого смысла. В 2014 г. отток капитала из страны составил порядка 155 млрд долл.

Россия на протяжении последних 15 лет развивалась как страна, ориентированная на потребление. И в этом она достигла значительных успехов. Социальные расходы, определяемые как сумма затрат на образование, здравоохранение, социальную поддержку, в 2011 г. составили 55% расходной части бюджета и почти 20% от ВВП. Число владельцев авто-

¹ Доля российских машин и оборудования на мировых рынках увеличилась незначительно с 0,28 до 0,32% (Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 15).

мобилей выросло с 59 на 1000 человек в середине 1990-х гг. до 250 в настоящее время¹.

Иными словами, высокие показатели социально-экономического роста сделали российскую экономику экономикой дорогого труда. Это затрудняет решение задачи ее модернизации. Опыт таких стран, как Япония, Южная Корея, Китай и Бразилия, показал в качестве основной предпосылки успеха модернизационного рывка наличие в стране дешевой рабочей силы. Масштабная девальвация национальной валюты в конце 2014 г., значительно снизив уровень жизни населения страны и в целом ухудшив социально-экономическую ситуацию, имеет одну положительную сторону — она сделала труд более дешевым и тем самым создала потенциальную возможность приступить к реальной модернизации российского народного хозяйства.

В 2000-е гг. огромные доходы, полученные страной в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры сырьевых рынков, ускорила экономический рост и обеспечив рост доходов населения, не остановили деградацию народно-хозяйственной структуры страны. Между тем это социальное благополучие, возникшее в России в 2000-е гг., сложилось на зыбкой основе высоких цен на сырьевые товары российского экспорта, а также массивного привлечения дешевых западных кредитов. В то же время промышленное производство продолжало деградировать. Россия, будучи шестой по ВВП, занимает лишь 17-е место по абсолютному размеру добавленной стоимости в обрабатывающих отраслях. По этому показателю она находится на уровне Турции и Таиланда, вдвое меньше Тайваня, в три с лишним раза меньше Южной Кореи и в 24 раза меньше лидера, США. Огромно и отставание России от ведущих (и не только ведущих) промышленных держав по выработке продукции обрабатывающей промышленности на душу населения. Показатель России за 2010 г. составлял 504 долл. (в постоянных ценах 2000 г.), разрыв с Америкой — 11 раз, с лидирующими по этому показателю Сингапуром и Японией — 16 раз. Обходят нас по душевой промышленной выработке такие страны, как Китай, Бразилия, Греция, Таиланд и Уругвай.

За благополучные 2000-е гг. произошло утяжеление структуры нашего народного хозяйства: доля топливно-энергетического комплекса в ВВП страны значительно выросла, а машиностроения — сократилась. Доходы от нашего экспорта на 71% сформированы за счет топливно-энергетических ресурсов, 52% доходов федерального бюджета — нефтегазовые доходы.

В докладе ФАС РФ «О состоянии конкуренции в Российской Федерации (за 2013 год)» сказано, что количество предприятий, выпускающих машины и оборудование, в нашей стране ежегодно сокращается. Сейчас их всего лишь 0,8% от общего количества предприятий. Осо-

¹ Московский комсомолец. 2012. 9 октября (№ 26062).

бенно быстро прекращают свое существование предприятия в высокотехнологичной сфере. Можно сказать, что страна богатели на незаработанных доходах от сырья и дешевых западных кредитах. Социальные проблемы были поставлены впереди задачи достижения достаточной экономической эффективности. Теперь же надвигающийся кризис насильственным образом приведет жизненный уровень населения к реальным возможностям экономики. В ближайшие годы реальные доходы существенно снизятся — денег на дальнейшее повышение уровня жизни бюджетников не будет. Доходы в стране росли, но не компенсировались ростом собственного производства — они компенсировались импортом. При этом прирост денежной массы в экономике стимулировал не внутреннее производство, а импорт. Страна оказалась «в ловушке среднего дохода», как определяет эту ситуацию известный американский экономист Барри Эйхенгрин. Это ситуация, когда в стране высокая стоимость труда при его низкой эффективности и конкурентоспособности. Такая ситуация не позволяет делать инвестиции в производство даже тогда, когда в стране есть свободные капиталы. Это сочетание, очевидно, является одной из главных причин бегства из страны капиталов — они просто не находят себе здесь эффективного применения.

Фундаментальная причина всех бед российской экономики, по мнению экономистов либерально-монетарного направления, — неразвитость рыночных начал в стране. Фактически была построена модель государственно-монополистического капитализма, далекая от постоянно звучащего в обществе утверждения о ее либеральном характере. В этой модели очень значительная роль государства, монополий, сильны патерналистские тенденции как со стороны граждан, так и хозяйствующих субъектов. Все это вместе *ограничивало* такую фундаментальную черту рыночной экономики, как конкуренция, позволяя наряду с эффективными производителями сохраняться и неэффективным. У компаний, работающих на государственные заказы, исчезает стимул снижать издержки производства, повышать конкурентоспособность. То же самое можно сказать и о монополиях. Ресурсы в этой ситуации не перетекают от худших производителей к лучшим, повышая в целом эффективность и конкурентоспособность экономики. Исследование Всемирного банка и ГУ—ВШЭ показало, что разрыв в уровне производительности между 20% лучших и 20% худших предприятий составляет 10–20 раз. Между тем на последние приходится значительная доля материальных ресурсов и занятости. Возможно, в коренной модернизации этих худших компаний или при невозможности или нецелесообразности этого в их ликвидации скрывается резерв повышения эффективности в целом российской экономики и более рационального использования бюджетных средств.

Для правящей власти Российской Федерации время приятных для всех решений по перераспределению нефтегазовых доходов прошло, настало время для непопулярных, но совершенно необходимых мер по созданию

конкурентной экономики. Повсеместно должна поддерживаться и усиливаться конкурентная среда. Сильная конкуренция в экономике может стать тем ключом, который поможет открыть пути к решению всех остальных задач. Очевидно, что во главу угла на этом этапе должны быть поставлены задачи повышения эффективности *производства*, что может обеспечить снижение затрат у производителей и повышение конкурентоспособности российской продукции на мировом и внутреннем рынках. Решение социальных вопросов должно стоять в зависимости от решения задачи роста эффективности производства. При этом должны быть приняты государственные меры по радикальному снижению необоснованной дифференциации доходов населения. Вместе с тем в «либеральных» кругах высказывается мнение, что социальная поддержка должна носить адресный и ограниченный характер. Государство должно постепенно отказываться от политики патернализма как в отношении граждан, так и предприятий. Начать необходимо с того очевидного факта, что россияне должны не больше всех в мире отдыхать, а больше работать, хотя бы на средневропейском уровне. Было бы не плохо, если бы в стране работало в реальном производстве не 15 млн чел. из 156 млн россиян, а несколько больше. Для этого необходимо сократить число занятых в сфере государственного управления — 1,3 млн чел., спецслужб — 2,1 млн чел., депутатов всех уровней — 1,8 млн чел., полиции и МЧС — 2,5 млн чел. и других категорий граждан, связанных с непроизводительным трудом¹. Государственные и компании с государственным участием должны оцениваться строго по их конкурентоспособности, а доходы руководителей — поставлены в зависимость от достигнутой сравнительной эффективности с лучшими аналогичными мировыми производителями. Неэффективные государственные компании должны приватизироваться. Государство не должно поддерживать неэффективные, неконкурентоспособные компании, а также противодействовать высвобождению излишней рабочей силы с подобных предприятий.

Все страны, совершившие успешный модернизационный рывок, в том числе и СССР в свое время, сделали это во многом благодаря привлечению иностранного капитала, иностранных технологий, иностранного передового опыта². Без этого никакого рывка не получится. Но иностранный капитал придет в страну, только если будут решены вышеперечисленные задачи. Если ситуацию не изменить, то и на экономический рост рассчитывать нельзя. Россия будет наращивать отставание от развитых в индустриальном отношении стран.

¹ Комсомольская правда. 2015. 6 января.

² США стали передовой технологической державой во многом благодаря успешному привлечению иностранного капитала, технологий и лучших умов со всего мира.

Глава 11

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ЧАСТНОГО СЕКТОРОВ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Торможение экономического роста, переросшее в кризис, при сокращении финансовых возможностей выдвигает на передний план необходимость повышения эффективности как частных, так и государственных компаний.

В рыночной экономике она зависит от соотношения государственной и частной собственности в ее различных секторах. Проблемы выбора между ними нельзя рассматривать вне исторического контекста и конкретной ситуации, существующей в стране. Это тем более справедливо применительно к России, где не завершен трансформационный кризис, выход из которого предполагает формирование институциональной среды, адекватной рыночной экономике.

Соотношение между рынком и государством — проблема их эффективности с точки зрения общества. Там, где государство обнаруживает большую эффективность, приоритет должен быть за ним. В противном случае предпочтение должно быть отдано частному предпринимательству.

Теоретически частные предприятия эффективны в условиях чисто рыночной экономики, если ее механизм не деформируется рыночной властью. В этом случае конкуренция заставляет их повышать производительность труда. На практике они эффективны, если государство ограничивает аппетиты монополий и избыточно не вмешивается в действие рыночных сил в целях поддержания социального равновесия либо в интересах самой государственной бюрократии. И этих ограничений недостаточно. И государство, и рынок имеют свои социально-экономические ниши, выход за пределы которых снижает эффективность каждой формы собственности.

Рынок в принципе не способен справиться с социальными проблемами общества. При рыночной модели экономики на государство ложатся социальные функции. Государство эффективнее там, где рынок порождает внешние эффекты, где надо решать вопросы воспроизводства человеческого капитала через инвестиции в образование и здравоохранение, в фундаментальную науку. Эти сферы деятельности государства приобретают особенно большое значение в современных условиях, диктующих

необходимость модернизации. В остальных сферах экономики приоритет может быть у частных предприятий. Учитывая, что наряду с чисто общественными существуют и квазиобщественные блага, для обеспечения ими потребностей общества допустимо использование и конкурентного механизма. Следовательно, можно утверждать, что государственная и частная собственность не антиподы. Они дополняют друг друга, обладая преимуществами каждая в своей сфере функционирования.

Эффективность с точки зрения частной компании может не совпадать с эффективностью с позиции общества. При рассмотрении соотношения между государством и рынком необходимо учитывать, что государственная бюрократия также имеет свои корпоративные интересы, которые не всегда совпадают с интересами общества, более того, могут им противоречить. Интересы бюрократии становятся преобладающими, если она недостаточно контролируется обществом. При таких обстоятельствах эффективность государственного регулирования и государственной собственности снижается, что необходимо учитывать в конкретно-исторических условиях.

Государственная собственность предполагает управление ею из единого центра в масштабах экономики в целом в интересах общества. Когда же менеджеры государственных компаний, особенно государственных корпораций, обладают полномочиями принимать решения, ориентируясь на узкий корпоративный интерес, страдает эффективность, понимаемая как эффективность общества. В государственных корпорациях сложилось такое разделение прав и ответственности между менеджерами компаний и государством, при котором первые получают неоправданно большие выгоды от успешной деятельности государственной компании, а убытки от деятельности «эффективных менеджеров» компенсируются из средств государственного бюджета или стабилизационных фондов. Доходы руководства государственных корпораций и компаний с государственным участием не сопоставимы с доходами госслужащих¹. Журнал Forbes опубликовал сведения о 25 самых высокооплачиваемых менеджерах России. Среди них 12 руководителей госкомпаний и 13 руководителей частных компаний. Средний заработок у первых в два раза выше, чем у вторых, он составляет соответственно 17,2 млн и 8,8 млн долл. в год². Дивиденды, пополняющие доходы госбюджета, не соответствуют прибылям государственных корпораций³. Их руководство находится вне ведом-

¹ Так, глава «Ростелекома», ОАО с более 50% акций, принадлежащих государственным структурам, получил выходное пособие, включающее «золотой парашют» более чем в 200 млн руб. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/15296621/>

² Forbes опубликовал список самых высокооплачиваемых менеджеров России. — Режим доступа: <http://fed.sibnovosti.ru/society/214318-forbes-opublikoval-spisok-samyh-vysokooplachivaemyh-menedzherov-rossii>

³ В связи с необходимостью искать источники пополнения госбюджета при уменьшении возможности роста его доходов намечено повышение с 2016 г. минимальных ди-

ственного контроля. Деятельность государственных корпораций непрозрачна, высшие менеджеры могут не отчитываться перед правительством. За непредоставление информации их нельзя наказать. При таких условиях руководство государственных компаний не заинтересовано в снижении издержек и в повышении эффективности¹. За результаты плохой работы государственных предприятий расплачивается общество. Такие последствия возникают при неподконтрольности и неподотчетности действий менеджмента, который подчиняет интересы общества своим корпоративным интересам, что объясняется низким качеством институтов.

При неразвитых институтах частные предприятия, функционирующие в соответствующих им нишах, становятся неэффективными, поскольку плохо работает конкурентный механизм рынка. С другой стороны, если государственные предприятия работают в социально-экономических нишах, в которых частный капитал теоретически более эффективен, они находятся в значительной степени вне конкурентной среды. В этом случае они не могут реализовать свои плюсы, которые срабатывают при централизованном в масштабе экономики руководстве из единого центра. В реальной российской экономике государственные коммерческие компании занимают неоправданно высокий удельный вес там, где частный капитал может быть более эффективным.

При низких частных инвестициях для поддержания экономического роста стали увеличиваться государственные капиталовложения. Однако в современных российских условиях они, во-первых, неоправданно затратные. Во-вторых, как следствие, государственные инфраструктурные программы ограничены в финансовом отношении, что существенно в новой геополитической ситуации, в которой оказалась российская экономика. В-третьих, их влияние на частные инвестиции временное. Для долгосрочного стимулирования частных инвестиций государственные программы должны быть подкреплены улучшением качества институтов.

В-четвертых, они подчас имеют скорее лишь престижное значение. Например, уже выполненная программа сочинской Олимпиады или предстоящее строительство скоростной железной дороги Москва — Казань, по заключениям экспертов, некупаемые. У частных предпринимателей нет стимулов для таких капиталовложений, которые сопряжены с рисками, но не обеспечивают удовлетворительную отдачу. Вследствие этого подобные проекты порождают дополнительные затраты государственных финансовых средств.

Наконец, государственные инфраструктурные программы помогают осваивать малодоступные районы, создают более благоприятные условия

видендов госкомпаний с 25 до 35% чистой прибыли. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/politics/14976578/?frommail=1>

¹ Низкая эффективность государственных компаний, когда их руководство не заинтересовано в снижении издержек, рассматривается в статье А. Кудрина и Е. Гурвича «Новая модель роста для российской экономики» (Вопросы экономики. 2014. № 12).

для развития экспортоориентированных производств, но недостаточно способствуют созданию мощностей в обрабатывающей промышленности, нацеленных на внутренний российский рынок. Они сохраняют ресурсный характер российской экономики и ее зависимость от конъюнктуры на мировых рынках энергоресурсов. При этом не преодолевается «голландская болезнь», при сохранении которой некоторые отрасли обрабатывающей промышленности, такие как машиностроение, начинают деградировать. Загрузка производственных мощностей в отрасли упала до 28% еще в 2013 г.¹ Ее снижение до столь низкого уровня объясняется изношенностью производственного аппарата, отсталостью технического оснащения, как следствие, низкой производительностью труда и неспособностью конкурировать с зарубежными товарами. В результате при производстве машин, оборудования и транспортных средств достигается самая низкая в экономике рентабельность продаж и активов (табл. 11.1 и 11.2).

Низкий уровень рентабельности делает проблематичным использование займов для финансирования капиталовложений. После двукратного обесценения рубля при снижении мировых цен на нефть минимальная ставка по банковским кредитам промышленным компаниям возросла с 12,5% в марте 2014 г. до 20% в марте 2015 г.² Новый уровень процентной ставки по кредитам сделал банковские ссуды недоступными не только для многих предприятий машиностроения, но и для других отраслей обрабатывающей промышленности.

Таблица 11.1

Рентабельность проданных товаров, продукции, работ и услуг (в %)

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего	14,0	14,3	14,0	11,5	11,4	11,5	9,7	7,7
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	29,5	31,1	24,7	29,2	33,1	32,1	28,8	24,1
Обрабатывающие производства В том числе:	15,9	18,4	17,7	12,5	14,3	13,2	11,0	9,5
производство машин и оборудования	8,8	9,4	8,7	8,8	7,3	7,0	7,7	7,5
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	9,9	10,2	9,1	8,3	10,1	10,0	8,1	8,9

¹ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. Росстат. 2014. М., 2015.

² Стулов М. Минпромторг утвердил правила субсидирования ставок для промышленности // Ведомости. 23.03.2015. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/2015/03/23/dve-treti-stavki-doloi>

Окончание табл. 11.1

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
производство транспортных средств и оборудования	6,3	6,6	4,4	1,1	4,7	7,5	6,0	5,8

Источник: информация Федеральной налоговой службы от 14 мая 2014 г. «Рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг и рентабельность активов организаций по видам экономической деятельности, в процентах». Приложение № 4. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70552968/>

Таблица 11.2

Рентабельность активов (в %)

Годы	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего	9,3	10,5	6,0	5,7	6,8	7,0	6,8	5,0
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	16,5	16,5	12,9	11,3	14,1	17,9	15,2	13,1
Обрабатывающие производства В том числе:	15,1	14,3	11,1	5,6	7,8	8,2	8,1	4,9
производство машин и оборудования	6,5	6,8	5,9	4,2	2,8	3,9	4,5	3,5
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	8,3	8,9	6,7	3,5	6,5	6,8	6,0	5,6
производство транспортных средств и оборудования	3,1	3,9	—	—	0,5	2,9	2,7	2,3

Источник: информация Федеральной налоговой службы от 14 мая 2014 г. «Рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг и рентабельность активов организаций по видам экономической деятельности, в процентах». Приложение № 4. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70552968/>

Низкая эффективность обрабатывающей промышленности — следствие ограниченности инновационных капиталовложений. С одной стороны, в условиях слабости конкурентного механизма нет сильных стимулов для повышения производительности труда, с другой — ресурсы для финансирования инвестиций в обрабатывающей промышленности недостаточны.

Наиболее прибыльным сектором экономики страны остаются ее экспортоориентированные отрасли (см. табл. 11.1 и 11.2). Изъятие государством около половины доходов от добычи и экспорта углеводородов не сопровождается их достаточным перераспределением в сферы экономики, работающие на внутренний спрос. В результате сохраняется боль-

шой разрыв между внутренне ориентированным и экспортным секторами по уровню доходов, что делает относительно малопривлекательными капиталовложения в первую из упомянутых сфер экономики.

Наблюдаются неоднозначные процессы в использовании доходов от экспорта. За последние 12 лет доля нефтегазовых доходов в федеральном бюджете увеличилась в 3 раза — с 18 до 54%. Возросла зависимость состояния госбюджета от конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей. Все предкризисные годы был профицит государственного бюджета, обеспечиваемый за счет нефтегазовых доходов.

В то же время слишком большая часть доходов, изымаемая из экспортоориентированного сектора, направляется в суверенные фонды. Величина фондов в предшествующие годы достигала 10% и более ВВП. Средства фондов, замороженные в зарубежных ценных бумагах, выпадают из воспроизводственного процесса внутри страны, лишая экономику ресурсов для финансирования ее инновационного развития.

Омертвление поступлений от экспорта в суверенных фондах оправдывалось тем, что в противном случае социально-экономическое благополучие страны будет поставлено под вопрос при наступлении экономического кризиса.

Накопление нефтегазовых доходов в суверенных фондах обнаруживает противоречие, свойственное экономике, специализирующейся на экспорте сырьевых ресурсов. Зависимость социально-экономического развития страны от состояния мировой экономики заставляет часть поступлений от экспорта направлять в суверенные фонды. Но чем больше они пополняются в ущерб инвестициям в инновации, тем больше консервируется эта зависимость от внешней конъюнктуры.

Важно было выбрать золотую середину, при которой поддержание необходимого минимума средств в фондах, не ликвидируя стабилизационную «подушку», позволило бы высвободить больше ресурсов для финансирования модернизации экономики, расходов на науку, образование и здравоохранение, без которых модернизация немислима.

Второй аргумент, оправдывающий наращивание суверенных фондов, — утверждение, что без направления доходов от экспорта в фонды экономике грозит инфляция. При этом молчаливо предполагается, что по своей природе российская инфляция — инфляция спроса. Игнорируется вклад в рост цен, вносимый рыночной властью, особенно естественными монополиями, а также ограничения рыночного механизма государственно-бюрократическим вмешательством. Эти факторы роста цен лежат на стороне издержек.

Проводившаяся экономическая политика, направленная на ограничение денежной массы, не предотвращала инфляцию издержек, которая сейчас служит основной причиной роста цен. Она и не могла справиться с инфляцией, потому что была направлена на борьбу с инфляцией спроса, а не с инфляцией издержек.

Опасения инфляции при уменьшении отчислений в стабилизационные фонды исходят из отождествления влияния на рынок непроемких расходов с производственными инвестициями. Первые действительно лишь увеличивают спрос и несут в себе инфляционный заряд. Вторые влияют и на спрос, и на предложение.

Инфляция может усилиться, если расходы не сопровождаются созданием товаров и услуг. И социальные, и военные расходы непосредственно влияют только на спрос. Они выпадают из воспроизводственного процесса и поэтому имеют инфляционные последствия даже в том случае, если не порождают дефицит госбюджета, который также чреват инфляционным потенциалом.

Если же инвестировать в реальный сектор, тем более в новую технологию, то рост спроса будет сопровождаться увеличением предложения. Производственные инвестиции способны изменить соотношение спроса и предложения на рынке, противодействуя инфляции спроса. Инновации, повышая производительность труда, эффективность производства, позволяют преодолеть инфляцию издержек, конечно, если будут ограничены аппетиты монополий, прежде всего естественных, выступающих генератором роста цен в экономике.

Производственные инвестиции могут вызывать инфляционные последствия в краткосрочном периоде до тех пор, пока не начнут приносить отдачу, но они решают долгосрочные задачи ослабления инфляционного потенциала.

Расчет на «подушку безопасности» как способ сохранения социально-экономической стабильности не оправдал себя. Обвал мировых цен на нефть выступил решающим фактором снижения темпов экономического роста и вползания экономики в рецессию.

Стремление обеспечить стабильность путем изъятия финансовых ресурсов в стабилизационные фонды закономерно привело к торможению экономического роста, консервации отсталости и неконкурентоспособности обрабатывающей промышленности.

В новой геополитической ситуации социально-экономическое развитие осложнено не только двукратным падением мировых цен на нефть, но и санкциями западных стран и ответными санкциями. Антикризисный план правительства рассчитан, исходя из предположения, что цены на нефть повысятся в среднесрочной перспективе, что зависит от состояния экономики других стран, перспектив добычи сланцевой нефти в США, политики ОПЕК. Если это предположение не подтвердится, то с исчерпанием резервного фонда и без того урезанные расходы придется еще больше сворачивать, а страна столкнется с еще более серьезными социально-экономическими проблемами.

Падение мировых цен на нефть делает инвестиции в обрабатывающую промышленность более привлекательными и может способствовать перераспределению в нее доходов от экспорта энергоресурсов. Но одно-

временно сами эти ресурсы уменьшаются вдвое, а стоимость импорта технологий, если даже отвлечься от санкций, тоже удваивается. При этом нельзя игнорировать тот факт, что зависимость инвестиций от импорта технологий высока. По данным Минэнерго, импорт обеспечивает 24% оборудования, необходимого при добыче нефти и газа, 35% — при их переработке, столько же в нефтехимии. При освоении арктических и труднодоступных материковых месторождений и при производстве сжиженного природного газа зависимость нефтегазовых компаний от зарубежных технологий достигает 100%. Сходная картина в добыче угля — от 31 до 100%, в электроэнергетике — от 30 до 50%. В станкостроении доля импорта составляет 90%¹. Таким образом, стимулы для структурной перестройки возрастают, а возможности сокращаются.

Ухудшение показателей эффективности в последние годы подтверждает вывод о том, что потенциал экспортоориентированной, рентной экономики при низком качестве институтов исчерпан. Из этого вывода следует, что восстановление экономического роста требует институциональных реформ, проведение которых поможет преодолеть «голландскую болезнь», повысить эффективность государственных компаний, создать финансовые условия для инвестиций путем перераспределения государством доходов из экспортного сектора экономики в отрасли обрабатывающей промышленности, прежде всего производящие товары, удовлетворяющие внутренний спрос. Улучшение инвестиционного климата при реализации институциональных реформ позволит создать стимулы для капиталовложений, а конкурентный механизм заставит частный капитал повышать производительность труда.

¹ Штанов В., Папченкова М., Старинская Г. Самодобывающая Россия // Ведомости. 2014. 22 июля.

РАЗДЕЛ III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Глава 12

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МАСШТАБЫ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

12.1. Естественное и социальное неравенство

Естественное неравенство между людьми связано с различиями их физических и умственных способностей, и оно, конечно, неустранимо. По мере своего развития общество ищет и находит пути компенсации своим членам, нуждающимся в поддержке и условиях для полноценной жизни. В нашем случае речь идет о неравенстве, порожденном *социальными* условиями, точнее, об *экономическом* неравенстве, вызванном общественно-производственными, экономическими отношениями, экономической системой общества на различных этапах его развития. Имеется в виду неравенство в богатстве, которым располагают члены общества, прежде всего собственностью на средства производства и другое имущество (жилище, одежда, продукты питания, средства передвижения, драгоценности, унаследованное и накопленное денежное богатство и проч.), получаемые доходы от собственности и от труда и т.д.

Имущественное неравенство (назовем его так, пользуясь юридическим языком), сопровождающее всю экономическую историю человечества, есть выражение неоднородности социальной структуры общества. Оно стало формироваться сразу по изживании «первобытного коммунизма», как характеризовал Ф. Энгельс первобытно-общинный строй, исходный исторически и логически. Только ему было присуще имущественное равенство, в основе которого лежал совместный труд всех членов рода, племени, общины. Совместное участие в добывании средств к существованию выступало основным условием выживания в крайне тяжелой среде обитания и при весьма ограниченных возможностях первобытного человека, основным орудием которого был камень. Но «каменный век закончился не потому, что кончились камни» (шейх Ахмет Заки Ямани), а потому, что появились орудия труда, хотя и примитивные, но создан-

ные самим человеком. Наступила аграрная скотоводческая и земледельческая эра, открывшая эпоху социального неравенства, породившего противостояние *бедных* и *богатых* и тем расколовшего единое в социальном отношении сообщество на все времена вплоть до наших дней. В ходе такого противостояния бедного большинства членов общества богатому меньшинству всякий раз формируется социальная база становления иной экономической системы, не устраняющей, однако, неравенства.

Начиная с эпохи *рабства* имущественное неравенство приобретает устойчивый характер и сопровождает всю последующую историю человечества вплоть до настоящего времени, хотя каждая из последующих, обладая более высокой материально-экономической базой, характеризуется некоторым неизменным повышением жизненного уровня и низших слоев населения. В его основе лежит свойственная всем последующим экономическим системам неоднородность социальной структуры общества, воспроизводящая непрерывно усложняющуюся систему общественного разделения труда, определяющую разное место в ней трудоспособного населения в зависимости от характера выполняемых трудовых функций. Ее неоднородность проявляется в распадении общества на классы, обладающие собственностью на средства производства и отчужденные от них и в этом смысле противоположные, хотя неравенство просматривается и внутри классов. Наряду с классами появляются социальные слои, представители которых выполняют многообразные функции контроля, надзора, управления и пр., требующие труда разной профессиональной подготовки, квалификации, ответственности, компетенции и сложности, а потому обеспечивающие разный уровень доходов его носителям. В аграрную эпоху господствующим классом становились успешные завоеватели чужих земель вместе с населявшим их крестьянством, которое превращалось в рабов и на смену которым в качестве непосредственных производителей в эпоху феодализма пришли крепостные крестьяне.

Иными словами, складываются материальные основания имущественного неравенства, обусловленного уровнем развития производительных сил. Бедными слоями населения оно воспринимается попросту несправедливым, что и явилось питательной средой для появления всякого рода утопических концепций наилучшего устройства мира, характеризующегося всеобщим равенством. Первой в их истории явилась концепция древнегреческого философа Платона.

В марксистской политической экономии такое неравенство трактуется как *отношения эксплуатации*, исчерпывающий анализ которых был дан К. Марксом применительно к капитализму в теории прибавочной стоимости. В ней он доказывал, что капиталист как собственник средств производства безвозмездно присваивает прибавочную стоимость, но при этом он может выполнять и управленческий труд, функцию менеджера, трактуемую Марксом производительной в составе применяемой кооперации труда. Концентрация капитализируемой части прибавочной сто-

имости в руках капиталиста для осуществления расширенного воспроизводства, особенно если оно ведется на инновационной основе, является закономерностью, экономической необходимостью в условиях капиталистической системы хозяйства. Капитал приходит на историческую сцену не случайно, а благодаря объективной закономерности «естественно-исторического процесса» (Маркс) развития общества.

Очевидный факт имущественного неравенства, растущего по мере развития производительных сил, становится источником бесконечных социальных конфликтов между имущими и неимущими. Начиная с эпохи натурального хозяйства и раннего капитализма, оно неизменно воспроизводится, имея прочную материальную основу в виде устойчиво усложняющегося общественного разделения труда. На современном этапе глобализации оно приобретает международный характер, в полной мере выявивший разный уровень развития стран, осваивающих разные этапы в развитии производительных сил и соответственно занимающих разное место в системе международного разделения труда, присущего индустриальному этапу развития. Развитыми странами активно осваиваются новейшие технологии, обеспечивающие очередной скачок в росте производительности общественного труда и тем самым более высокий, чем в развивающихся странах, уровень жизни, что еще более усиливает экономическое неравенство между странами. Сохраняются отношения присвоения и отчуждения, хотя значимость социального статуса собственника в развитых странах играет отнюдь не единственную роль в имущественном неравенстве. В условиях растущей интеллектуализации труда все большее значение в расслоении общества приобретают также интеллект, уровень образования, квалификация, иначе говоря, способность к труду, качество рабочей силы. К тому же статус собственника приобретает в них массовый характер в связи с широким распространением ассоциированных форм частной собственности (от партнерства до акционерной), равно как и с возрождением индивидуальной формы собственности (особенно интеллектуальной) по мере изменения структуры реального сектора в пользу сферы услуг («сервисная экономика»), развития малого бизнеса и т.д.

Некое исключение из общего «правила» составил реальный социализм, построенный в соответствии с социалистическим прогнозом Маркса и Энгельса в СССР и по пути которого шел ряд других стран. Но и при социализме устранить имущественное неравенство полностью не удалось. С точки зрения отношений присвоения все члены общества оказались носителями *единого социального статуса собственника общенародного национального богатства, прежде всего средств производства*. Только колхозно-кооперативная форма собственности и личная собственность (согласно Конституции СССР и других социалистических стран), а также мелкая (индивидуальная) частная собственность в ряде соцстран придавали членам общества и коллективам несколько иной социальный статус

некоторого обособления в имущественном отношении, а значит, и условия их возможного имущественного неравенства. Прежде всего, сохранилась материальная основа неравенства в облике индустриального этапа в развитии производительных сил с присущей ей системой общественного разделения труда. А таковая требует работников разной квалификации, разной оплаты труда, следовательно, существования разного материального положения. Поэтому оно и не воспринималось несправедливым. Сохранилась и другая причина неравенства, порожденная самой государственной собственностью как высшей формой ассоциированной собственности. Неизбежным оказалось появление особого социального слоя, профессионально занятого выполнением функций управленческого труда, заведомо сложного и ответственного, требующего высокой квалификации и компетентности его исполнителей, которых можно рассматривать прямым аналогом менеджеров в АО. Различие только в том, что высшая группа управляющих обладала *общим для всех членов общества социальным статусом сособственника*. А так как этот слой обладал в условиях господствующего положения государственной собственности всей полнотой власти, да еще и в масштабах общества в отличие наемных менеджеров, обладающих ею в пределах АО, то не исключалось злоупотребление ими своим служебным положением в корыстных целях, что и происходило. Прежде всего, это так называемые номенклатурные привилегии. Но в условиях всевластия чиновников получили широкое распространение и коррупционные отношения. Все это подрывало основы всеобщего равенства, а потому совсем не случайно перестройка началась именно с отмены привилегий этого социального слоя. Однако такого рода привилегии касались узкого слоя и не идут ни в какое сравнение с тем, какой доход получают менеджеры крупнейших корпораций развитых индустриальных стран Запада, да и современной России, чиновники из центрального правительства, являющиеся собственниками громадных пакетов акций или получающих оплату (вместе с так называемыми «бонусами») за их участие в советах директоров государственных корпораций. *Главный закономерный феномен имущественного неравенства при социализме порождался основным принципом распределения благ по качеству и количеству затрачиваемого членом общества труда*. Такой принцип признавался как объективный экономический закон социализма. Из неравенства самого труда проистекало и неравенство в доходах, жестко ограниченное законами государства, постановлениями правительства и местными органами власти. В некоторой мере это неравенство сглаживалось другим принципом распределения благ бесплатно или с частичной оплатой — из общественных фондов потребления.

Имущественное неравенство имеет свои особенности в каждой из экономических систем. Наиболее масштабно и бескомпромиссно оно было представлено в эпоху рабства, в эпоху полного бесправия рабов, личное потребление которых было сведено к уровню выживания, а протестные

выступления в силу разобщенности легко подавлялись. По-иному складывалась ситуация в феодальном обществе. Неравенство сохранялось, но появилась реальная возможность работать не только на помещика, но и на себя, на свою семью. Более того, реальной оказалась возможность выкупа крестьянской семьи на свободу не только в западноевропейских странах, но и в России, хотя и гораздо позже. Наиболее жестким (фактически на уровне рабства) и затыжным крепостное право оказалось в России, где крестьянские выступления подавлялись самым жестоким образом, что и позволило сохранить крепостничество вплоть до второй половины XIX в., что значительно позже, чем в странах Западной Европы. Так, в Испании, Англии и Италии оно изжило себя в XIV–XV вв., в Германии — к исходу XVIII в. В этих странах по мере ослабления крепостной зависимости все более широкое распространение получали рыночные отношения в облике мелкого товарного производства, представляющего генетической основой капиталистического, заведомо крупного, основанного на кооперации труда.

Чрезвычайно низкий жизненный уровень подавляющей части российского крепостного крестьянства в немалой мере облегчил победу Октябрьской социалистической революции в 1917 г. Ей способствовало и то обстоятельство, что институт частной собственности крестьян на землю в стране так и не сложился. Между тем еще в далеком 1768 г. молодой российский ученый А. Я. Поленов, окончивший два западноевропейских университета, представил на конкурс, проводившийся Вольным экономическим обществом (ВЭО) относительно собственности на землю, реферат, где убедительно доказывал, что «только собственность на землю может заинтересовать крестьянина в высокопроизводительном труде»¹. Однако для Екатерины II важнее было не вступать в конфликт с дворянством в целях сохранения трона.

Свою специфику в историю имущественного неравенства привнес и капитализм. Однако кооперация наемного труда, лежащая в основе капиталистического производства, существенно облегчала организацию коллективного сопротивления несправедливости в оплате труда, способствовала постепенному созданию вполне осязаемой системы социальной защиты, включавшей бесплатное жилье и обучение, оплачиваемые отпуска, пенсионную систему и пр. Организованное рабочее движение оказалось мощным, устойчивым и эффективным по своим результатам. Жизненный уровень устойчиво рос во всех развитых странах, и к середине XX в. формирование государства всеобщего благосостояния в них становится нормой. Разрыв в жизненном уровне сохраняется, но к настоящему времени в развитых странах сложился феномен общественно

¹ Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: опыт Санкт-Петербурга. Очерки / Под ред. И. И. Елисеевой и А. Л. Дмитриева. — СПб.: Нестор-История, 2013. С. 99.

приемлемого уровня разрыва в имущественном неравенстве в пределах 1:8. Именно при таком разрыве, установленном эмпирическим путем, достигается гармонизация экономических интересов различных классов и слоев, что способствует созданию благоприятной для устойчивого экономического развития социальной среды. Но и сами конфликты разрешаются не только на баррикадах, но и путем переговоров с участием на равных всех заинтересованных сторон. Важно и то, что во всех этих странах широкое распространение получила благотворительность и в весьма ощутимых масштабах. Так, большинство американских университетов было создано на средства частных собственников, например, Чикагский университет — на средства мультимиллиардера Дж. Рокфеллера. Несколько схожая ситуация была и в дореволюционной России. Множество подтверждающих это фактов приведено в книге российского историка В. Ю. Чумакова¹.

В настоящее время в связи с массовым освоением новейших технических условий и всеобщей интеллектуализацией труда повышается жизненный уровень всех слоев населения развитых индустриальных стран. Тем более что в основе некоторой части разрыва в уровне доходов лежат не отношения собственности, как это было со времен рабства, а интеллектуальный потенциал работника, которым он не просто обладает, но созданы все условия для его реализации в процессе трудовой деятельности. Проблема сокращения имущественного разрыва все в большей мере решается за счет ныне растущих расходов этих государств на образование и облегчение доступа к его получению всеми слоями населения. Самым парадоксальным образом недовольство распределением доходов исходит ныне от самих собственников-акционеров по поводу монополизации экономической власти и доходов топ-менеджеров крупных компаний, чему посвящена книга известного американского инвестора Дж. Богла².

По-иному складывается ситуация в современной России. Масштабы неравенства поражают. Официально разрыв составляет ныне 1:16, что вдвое выше, чем в развитых странах. Но фактически он еще выше и в отдельных регионах достигает 1:30 с положительной динамикой в течение всех лет рыночного реформирования. При средней заработной плате по стране в 30 тыс. руб. годовой доход, например, главы ВТБ составил за 2014 г. 240 млн руб., т.е. 20 млн в месяц. Другой пример: собственник крупной компании «Уралкалий», по версии журнала Forbes, является миллиардером (возражений с его стороны не следовало), а средняя зарплата рабочих на его предприятиях составляет 15 тыс. руб. И никаких протестных выступлений по этому поводу не происходит. Видимо, сложившийся и растущий разрыв не очень беспокоит правительство и президента России. И это при крайне низком жизненном уровне ос-

¹ Чумаков В. Ю. Русский капитал. От Демидовых до Нобелей. — М.: ЭНАС, 2008.

² Богл Дж. Битва за душу капитализма. — М.: Издательство Института Гайдара, 2011.

новой массы населения, всестороннему анализу которого посвящена монография И. Я. Богданова¹.

12.2. Становление новой экономической системы как исходная объективная предпосылка формирования имущественного неравенства в современной России

Исходной предпосылкой формирования в стране крупного имущественного неравенства явились смена экономических систем и становление принципиально иной системы, сопровождающееся преобразованием социальной структуры общества по мере преобразования отношений собственности. В свою очередь, в процессе становления новой социальной структуры была проявлена разная активность населения в обретении статуса собственника. Наиболее активными участниками *первоначального накопления капитала* оказались «одержимые капиталистическим духом» (В. Зомбарт), духом предпринимательства и стяжательства, отчаянно борющиеся в ходе аукционов и конкурсов за приобретение объектов государственной собственности, а затем и за передел поделенного, не гнушась при этом никакими способами. Наиболее «успешные» из них сумели к настоящему времени создать и весьма приумножить свое состояние. Однако таковых оказалось не так много в постсоциалистической стране, так как предпринимательский дух не был востребован в советское время, были утрачены и навыки самостоятельного частного хозяйствования. Подавляющая часть населения не сумела практически воспользоваться даже своими ваучерами, тем более открыть с нуля собственное дело. Не было стартового капитала, так как в советский период накопление высокого денежного капитала заведомо исключалось.

К настоящему времени класс частных собственников разного масштаба сформировался. Наиболее выгодным оказался бизнес в нефтегазовой промышленности и отраслях первого передела, где и сосредоточились самые состоятельные его представители (ситуация, аналогичная той, что сложилась в США на рубеже XIX–XX вв.).

Факторов высокого уровня образовавшегося имущественного разрыва в российском обществе множество. Следует отметить безответственность (институты гражданского общества все еще не сложились в стране) и безграмотность государства, наиболее отчетливо проявившиеся в экономической несостоятельности регулирования возникающего и растущего имущественного неравенства, в том числе посредством налоговой и социальной политики. Прежде всего это плоская шкала налогообложения первичных личных доходов вместо прогрессивной, практикуемой во всех развитых странах. А именно она позволяет не только сокращать имущественный разрыв (в годы Великой депрессии налоговая ставка

¹ Богданов И. Я. Феномен российской бедности. — М.: Академическая наука, 2011.

для самых богатых людей США достигала 95%), но и наращивать социальные расходы со всеми вытекающими отсюда последствиями, нейтрализующими рост имущественного неравенства. Это особенно важно в нашей стране, где все еще велико число семей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума (порядка 18 млн чел.). Тем более трудно поддается объяснению принятие российским государством некоторых антисанкций в ответ на экономические санкции Запада, введенные в связи с разразившимся политическим кризисом. Запрет на ввоз продовольственных товаров из стран ЕС при нерешенности проблемы национальной продовольственной безопасности явился причиной резкого роста внутренних цен на продовольственные товары, да еще в условиях роста безработицы и сокращения социальных расходов. Все это неизбежно ведет к снижению жизненного уровня наименее обеспеченных слоев населения.

Не менее значимы нравственные изъяны экономического поведения так называемых «новых русских». С невиданным размахом тратится накопленный на родине капитал для приобретения богатой недвижимости за рубежом, иностранных футбольных клубов и т.п. В этом немалая вина и самого государства, сформировавшего и законсервировавшего неблагоприятный инвестиционный климат, фактически изгоняющий капитал из страны.

На наш взгляд, огромный имущественный, значит, и социальный разрыв, сложившийся к настоящему времени в России, объясняется весьма уязвимой с точки зрения научной состоятельности экономической политикой государства, равно как и безмерной терпимостью населения к такому разрыву, неспособностью отстаивать свои права, слабостью профсоюзного движения.

12.3. Негативные последствия чрезмерного разрыва в уровне доходов разных слоев населения

В числе негативных последствий российского феномена бедности вопреки огромному природному богатству страны наиболее значимы такие, как потенциальная опасность социальных взрывов по мере весьма осязаемого в настоящее время снижения жизненного уровня населения. Это и растущая инфляция (по итогам 2014 г. она составила более 11%, а за 2015 г. 12,9%), и существенное сокращение социальных расходов на образование и здравоохранение (в Москве за 2014 г. закрыли 27 больниц и поликлиник), на материальную поддержку бедных слоев населения. И все это в условиях грядущего увеличения безработицы. Ситуация усугубляется еще и тем, что существенно оскудевший Фонд народного благосостояния (ФНБ) используется государством далеко не по прямому его назначению. Потребности в государственной поддержке крупного капитала в его представлении оказываются предпочтительнее. Нараста-

ющие негативные последствия экономических санкций и в еще большей мере антисанкций могут еще более ухудшить экономическую ситуацию в стране, выходить из которой будет далеко не просто.

Не менее опасно нарастающее на протяжении последних десятилетий неравенство во всех развитых странах. Весьма интересны суждения по этому поводу ныне широко известного на Западе ученого Т. Пикетти, статистически глубоко обоснованные им в прогремевшей на весь научный мир монографии «Капитал в XXI веке». Они касаются сложившегося к настоящему времени неравенства и внутри развитых стран, и между ними и развивающимися странами (например, 5% самых бедных датчан имеют более высокие доходы, чем 5% самых богатых в Мали), чреватого опасностью очередных политических потрясений, подобных мировым войнам и революциям, и способах его преодоления в целях их предотвращения. О масштабах неравенства свидетельствуют просчитанные им данные. Так, 10% населения США владеют 70% национального богатства, а 50% — всего 2% (уровень начала XX в., не случайно столь богатого трагическими событиями). Такая концентрация явилась причиной сжатия «среднего класса», сформировавшегося в развитых странах в 1950–1970-е гг. Сложилась ситуация, когда богатство сосредоточено в руках частных лиц, а государственный долг (90% ВВП в странах ЕС и более ВВП — в США) числится за государством, т.е. за населением страны, чем в массовом сознании питается мотив сброса долгов вместе с государством. Единственный мирный выход из ситуации Т. Пикетти видит в введении глобального налога на богатство в размере 2–3% на основе межгосударственного сотрудничества и политической интеграции путем унификации правовых и налоговых режимов¹.

Проблема имущественного неравенства по-прежнему остается не просто весьма актуальной, но и опасной для судьбы человечества. И в качестве таковой требует безотлагательного решения. Тем более она остра в современной России. Так как и долготерпению приходит конец. И доводить до него не следует. Ведь без повышения жизненного уровня широких слоев населения невозможно обеспечить инновационный прорыв национальной экономики, находящейся ныне в весьма критическом положении.

¹ Цит. по: Крутаков Л. Капитальный ремонт // Власть. Коммерсантъ. 2015. 2 марта. № 8 (1113).

Глава 13

ИЗДЕРЖКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПРИ ФИКСИРОВАННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

13.1. Современные дискуссии о неравенстве

Проблема неравенства сегодня активно обсуждается в мировой экономической литературе (академическая литература — Дж. Стиглиц «Цена неравенства» (2012)¹; Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» (2013)²; статистические и аналитические обзоры «Society at a Glance 2014» OECD³, «Inequality in Emerging Economies 2011» OECD⁴, «Global Wealth Report 2014» Credit Suisse Research⁵; «Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год» под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева (М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014)⁶; общенациональное исследование Института социологии РАН «Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?» (2015)⁷, журнал ВЦУЖ «Уровень жизни населения регионов России»⁸). Дискутируется тенденция возрастания экономического неравенства в развитых странах и связанных с этим социальных проблем. Обсуждаются проблемы концентрации богатства и власти в узком кругу, становящимся элитарным, замкнутым, «бронзовеющим»⁹. Капитализм как экономическое явление способен изжить себя за счет:

¹ *Stiglitz J.* The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future, W. W. Norton & Company, 2012. ISBN 978-0393345063; перевод на русский язык: *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. — М.: Эксмо, 2015.

² *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century, Harvard University Press, 2014. ISBN 978-0674430006.

³ <http://www.oecd.org/els/societyataglance.htm>

⁴ <http://www.oecd.org/els/soc/49170475.pdf>

⁵ <https://publications.credit-suisse.com/tasks/render/file/?fileID=60931FDE-A2D2-F568-B041B58C5EA591A4>

⁶ <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4758.pdf>

⁷ http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doklad_Ross_povsed_v_uslov_krizisa.pdf

⁸ <http://www.vcugjournal.ru/ru/>

⁹ «Американцы всегда уклонялись от анализа классовой ситуации. Нам нравилось верить в то, что Америка — это страна людей среднего класса, и эта вера помогала нам оставаться сплоченными. Разделения между высшим и низшим классами, между буржуа и рабочими, быть не должно. Но если, подобно классовому обществу, мы подразумеваем, что шансы низших слоев на восходящую вертикаль низки, то Америка имеет все перспек-

- монополизации (экономической, политической, социальной);
- деградации трудовых ресурсов вследствие сверхэксплуатации или вообще превращения (при свободе договора) лично свободных наемных работников в рабов (скажем, за непогашенный кредит);
- исчерпания новых рынков для применения капиталистических отношений (в географическом смысле — вовлечения в глобальный капитализм всех экономик и цивилизаций).

Распространено мнение (антимонопольное регулирование, перераспределение дохода через налоги, осуществление социальных программ и программ долгосрочного экономического развития это мнение объективно подтверждает), что капитализм нуждается в специфическом субъекте экономической жизни, который возвращал бы его в рамки конкуренции, обеспечивал бы воспроизводство трудовых ресурсов, способствовал экономическому прогрессу и выполнению социальных программ, — государстве. Государство в капитализме ограничивает монополии, воспроизводство образованной рабочей силы, на что независимые капиталисты в условиях конкуренции и проблемы безбилетника не способны. Государство, таким образом, действуя в интересах капитала и одновременно в общегуманистических интересах, сохраняет капитализм от саморазрушения, являясь имманентным элементом системы капиталистических отношений, необходимым участником капиталистической жизни. Более того, с глобализацией капитализма возникает вопрос о глобальном государстве как механизме, возвращающем капитализм в конкурентные рамки на глобальном уровне. А это чревато межцивилизационными потрясениями вместо стандартных классовых, поскольку на этапе глобализации капитала классический антагонизм между трудом и капиталом частично канализируется (для развитых стран) или обостряется (для развивающихся) в противоречии между центром и периферией.

13.2. Изменчивая и фиксированная дифференциация (на примере дифференциации внутри класса капиталистов)

Дифференциация вообще не является фактором, отрицательно сказывающимся на капиталистической экономике. Напротив, дифференциация — плод и источник конкуренции; скажем, если не будет избыточной прибыли, то не будет потока новаций и развития производительных сил при капитализме. Важно, что в успешно (с точки зрения межстрановой конкуренции) работающей капиталистической экономике положение конкретных капиталистов может быть изменено их активной деятельностью. Такую дифференциацию можно назвать *изменчивой*.

Однако дифференциация может жестко фиксировать положение капиталистов, вводить слабо преодолимое разделение между монополиями и мелким частным бизнесом, между финансовыми дельцами и фермерами, обусловленное внеэкономическим (принудительным, будь то государственное или криминальное принуждение) ограничением доступа к специфическому ресурсу. Такой вид дифференциации можно назвать *фиксированной*.

Путь от изменчивой дифференциации к фиксированной может быть вызван нарастанием дифференциации в изначально изменчивой системе. Например, некоторый капиталист применяет передовую технологию. Он вытесняет прочих с рынка экономическими (рыночными, конкурентными) методами (низкой ценой, высоким качеством). Этот капиталист стремится закрепить свое доминирующее положение с помощью внерыночных (внеэкономических, неконкурентных) мер. Например, за счет коррупции или лоббирования добивается ограничения доступа на рынок других поставщиков. Более сложным вариантом с точки зрения разграничения изменчивой и фиксированной конкуренции являются такие технологические изменения или специфика рынка, которые обуславливают присутствие одного поставщика.

Фиксированная дифференциация тормозит экономическое развитие за счет ограничения свежих решений и действий, она привносит феодальный элемент в капиталистические отношения. Эволюция капитализма предполагала становление единого рынка с его мобильностью беспокойных расчетливых капиталов; фиксированная дифференциация — это ограничение рынка, движение в обратном направлении, установление цехов и династий. При фиксированной дифференциации возникает двойной негативный эффект для экономического роста. С одной стороны, осуществляются явные непроизводительные затраты (подкуп чиновников, оплата охраны), с другой — теряются возможные выгоды от доступа свежих технологий, решений, ресурсов.

Фиксированная социальная дифференциация влияет на экономический рост следующим образом:

- избыток ресурсов в одном месте при нехватке в другом ведет к расточительному использованию ресурсов при их дефиците;
- возникают социальная напряженность и демотивация (феодалная мотивация к встраиванию в монопольную корпорацию и роскошному потреблению вместо активной предпринимательской и трудовой деятельности, когда труд и вообще деятельность рассматриваются как удел низших сословий);
- слабо работают масштабные народно-хозяйственные проекты: в одном случае хорошо — в другом плохо, нельзя тянуть рельсы, создавать базы данных с одинаковой степенью напряженности в каждом регионе (отрасли, корпорации);

- появляются грубые прямые запреты на защиту привилегированного положения (заборы, охрана, полиция, воровство, социальные трансферты);
- не привлекаются лучшие ресурсы к выполнению тех или иных задач (в частности, отсутствуют или ослаблены социальные лифты);
- возникает угроза политической стабильности (сильная социальная дифференциация).

13.3. Экономическая дифференциация в России

Для российской экономики, как в принципе специфической и как в настоящее время периферийной капиталистической экономики, вопрос неравенства и связанных с ним проблем особенно важен. Многие авторы отмечают вообще гетерогенность и даже разрозненность экономических отношений в Российской Федерации¹. Базовых причин для таких суждений мы находим несколько. Эти причины также часто обсуждаются в литературе.

Масштаб и разнообразие территории. Это не только вопрос расстояний, но природный, государственный и отраслевой факторы. В зависимости от климата, наличия природных ресурсов, близости к границам и морям по-разному развивается экономическая жизнь в конкретных регионах. Россия очень широка, разнообразна по территории и общественным (в том числе экономическим) укладам, что требует сбалансированного государственного регулирования. С одной стороны, необходимо централизованное сглаживание чрезмерных различий между регионами, с другой — единая федеральная политика должна приспособливаться к специфическим местным условиям.

Историческое наследие (производное от масштаба и разнообразия территории и внешнего часто враждебного окружения). Специфика социально-экономических отношений (влияние государства, бюрократии), отраслевой структуры (сырье, ВПК) и структуры отраслевых рынков (монополии) во многом задается наследием СССР и более ранних этапов развития российской цивилизации.

Включение в глобальную экономику. Периферийный характер включения в глобальную экономику диктует специализацию на узком перечне сырьевых отраслей, централизацию экономической (и соответственно бюрократической) активности в мегаполисе — центре экономического обмена

¹ Переходная экономика: Курс лекций / Под ред. А. В. Бузгалина. — М.: Таурус, 1994 (выделение разнородных социально-экономических укладов: капиталистического, социалистического, феодального); *Глазьев С. Ю.* Геноцид. — М.: Терра, 1998 (выделение экспортно-импортного и внутренне ориентированного секторов); *Зубаревич Н. В.* Четыре России. — Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii (выделение четырех России по социально-географическому признаку: мегаполисы, малые и средние города, сельская глубинка и национальные республики).

с метрополий. Соответственно, передовые отрасли (машиностроение) и виды деятельности (фундаментальная наука, прикладная наука и инженерное дело) деградируют (по сравнению с СССР) или не развиваются.

Экономике России присуща в силу этих причин особая *экономическая дифференциация*. Активы, доходы и области решений по экономическим субъектам (регионам, отраслям) в ней особенно дифференцированы. Децильный коэффициент доходов в России вырос с 13,5 в 1995 г. (первый указанный год) до 16,7 в 2007 г., затем стабилизировался и продемонстрировал некоторое снижение до 16,0 в 2014 г. (коэффициент Джини показывает аналогичную динамику)¹. Медианный уровень дохода (20,6 тыс. руб.) ниже среднедушевого уровня дохода (27,8 тыс. руб.), т.е. большая часть населения имеет доходы ниже среднего². Численность населения с доходами ниже официального прожиточного минимума сокращалась с 33 до 11% в 2014 г. (в 2014 г. величина прожиточного минимума равна 8 тыс. руб.)³, однако расчет величины прожиточного минимума вызывает вопросы. Средние региональные подушевые доходы в 2014 г. отличаются максимальных от 55–60 тыс. руб. (Ямало-Ненецкий АО, Москва) до минимальных 12–16 тыс. руб. (Калмыкия, Тыва, Марий Эл, Чувашия, Мордовия, Ингушетия, КБР, КЧР) при среднероссийском уровне в 28 тыс. руб.⁴. В 2013 г. средняя оплата труда в сельском хозяйстве составляла 16 тыс. руб., а в добыче полезных ископаемых — 50 тыс. руб., в здравоохранении и образовании — 20–21 тыс. руб., а в финансовой деятельности — 55 тыс. руб.⁵.

Единое экономическое пространство не сформировано или деформировано. На движении капиталов, не говоря уже о движении трудовых ресурсов, стоит масса преград. Сильна социальная (бедный — богатый), региональная (центр — глубинка), отраслевая (финансы — среднее образование), структурно-отраслевая (федеральная сеть — мелкий магазин), культурная (коренной — приезжий), корпоративная (прокурор — слесарь в прокуратуре) дифференциация. Неравенство в России дополнительно негативно, так как страна является периферией капитализма, соответственно, избыточное богатство на обеспеченном социальном полюсе стремится выйти за пределы страны в поисках спокойной обеспеченной жизни в метрополии. В метрополии такая проблема явно не стоит.

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-2.doc, дата обращения 01.06.2015.

² http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-6.doc, дата обращения 01.06.2015.

³ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/2-3.doc, дата обращения 01.06.2015.

⁴ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-4.doc, дата обращения 01.06.2015.

⁵ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/3-2-6.htm, дата обращения 01.06.2015.

13.4. Текущее экономическое положение России

Экономика России продемонстрировала устойчивость в условиях турбулентности, ВВП в 2014 г. на уровне 2013 г. (правда, с деликатной оговоркой: «Данные за 2014 г. представлены с учетом данных по Крымскому федеральному округу»)¹. При этом данные начала 2015 г. более настораживают: ВВП за январь—апрель 2015 г. на уровне 98,1%, ИПЦ на уровне 116,3%, инвестиции на уровне 96,3%, а реальные располагаемые доходы на уровне 97,8% от аналогичного периода 2014 г.². Нарастание негативных тенденций свидетельствует о потенциале кризисных явлений, о том, что худшее может быть впереди.

В соответствии с ухудшением экономического положения «за последние шесть месяцев сократилась доля тех, кто оценивает ситуацию в стране как нормальную, спокойную (с 33 до 22%), и соответственно возросла доля тех, кто видит ее напряженной, кризисной (с 53 до 64%)»³. При этом «уровень доверия к институту президентства в России за полгода вырос с 60% в марте 2014 г. до 78% в октябре 2014 г.»⁴. Складывается несколько противоречивая ситуация: с одной стороны, очевидны экономические сложности и негативная оценка своего положения населением, с другой — поддержка населением органов власти растет. Является ли эта поддержка временной вследствие канализации недовольства населения на внешнее окружение или менее значимые органы власти — это важный вопрос, который потенциально грозит разрушительным влиянием на политическую и экономическую системы, раз тактика мелких изменений в России работает слабо, а революции случаются часто.

Какой может быть стратегия органов власти в связи с кризисными явлениями в аспекте экономической дифференциации? Варианты очень простые. Возможна консервация дифференциации, что в условиях спада будет стоить дороже и вызовет более значительную негативную социальную реакцию. В условиях роста неравенство воспринимается не так негативно, а в условиях кризиса — гораздо более остро. Другим вариантом может быть раскрепощение социальных и вообще экономических «лифтов».

¹ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab3.xls, дата обращения 01.06.2015.

² http://www.gks.ru/bgd/free/B15_00/IssWWW.exe/Stg/dk04/1-0.doc, дата обращения 01.06.2015.

³ Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования Института социологии РАН «Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?». 2015. С. 2. — Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doklad_Ross_povsed_v_uslov_krizisa.pdf, дата обращения 01.06.2015.

⁴ Там же. С. 14.

Глава 14

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ: ИСТОЧНИКИ ПОКРЫТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Определим некоторые понятия. Долги государства классифицируются по ряду оснований: долги внешние и внутренние в зависимости от того, рассматриваются отношения между кредиторами внутренними или внешними. Государственный долг как общенациональный долг, или долг определенного государства (страны, нации), в случае России — ее общефедеральный долг состоит из двух частей: *долга государства* (центрального правительства) перед внешними кредиторами и долга частных фирм, называемого *корпоративным* долгом. При этом выделяется часть государственного внешнего долга, субъектами которого — заемщиками — являются регионы (региональные правительства). Долги физических лиц остаются как бы в стороне, хотя в анализе финансового положения той или иной страны эта часть консолидированного, т.е. суммарного, национального долга может играть в определенные периоды времени важную роль. Не учитываются также долги муниципальных органов в силу того, что им в отличие от региональных правительств законом запрещено кредитоваться за рубежом. Но и в этом случае для анализа финансового положения страны этот сектор финансовых отношений является важным показателем и фактором макроэкономической и социальной ситуации в стране. Кроме того, долги региональных правительств и муниципалитетов составляют заметную часть *совокупного внутреннего долга* России. Причем эта часть внутреннего долга фактически является лишь слегка замаскированным долгом центрального правительства. Если бы центральное правительство не изымало примерно 60% всех налоговых поступлений, а ограничивалось хотя бы 50%, то результатом этого стало бы увеличение дефицита центрального правительства и соответствующее уменьшение долга региональных правительств. Но сумма внутреннего долга при этом оставалась бы неизменной, при прочих равных условиях. Еще в 1990-е гг. новая власть заявляла и даже законодательно провозглашала необходимость деления доходной части бюджетных поступлений на равных с субъектами Федерации, то в последние примерно полтора десятилетия на практике произошел отказ от деления этих доходов в пропорции 50 на 50. Эта политика привела к усложнению положения в межбюджетных отношениях и ухудшению финансового положения большинства субъектов Федерации. Растут число и доля регионов с по-

вышающим отношением долга к величине регионального валового продукта: в среднем он уже превысил 30%, что считается очень высоким показателем для региональных экономик¹. Тем не менее благодаря такому «маневру» экономических властей страны формально внутренний долг России преуменьшается, общая статистическая картина с долгами страны приукрашивается, пока примерно на 2 трлн руб.

К способам уменьшения, в том числе частичного погашения, внешнего долга можно отнести три вида экономических операций: *дефолт, прямое погашение (возврат) внешнего долга, реструктуризация долга*.

Среди стран мира, столкнувшихся или сталкивающихся с проблемой внешнего долга, следует выделить те, валюта которых занимает разное место и играет разные роли в мировой финансовой системе. Страны, валюта которых является в разной степени мировой резервной, имеют более широкий спектр возможностей, способов решать проблему внешнего долга.

Наконец, существует еще одно относительно новое явление, связанное с проблемой внешнего долга, — это проблема образования внешнего долга продвинутых экономических объединений вроде Европейского союза. Дело в том, что такие объединения являются квазигосударствами и поэтому по некоторым признакам и чертам похожи на государства, в том числе и в рассматриваемом здесь отношении.

Есть еще одна группа стран мира, проблема внешнего долга которых решается с учетом некоторых особенностей экспортной ориентации стран-должников. Для последней трети XX в. и начала XXI столетия страны — экспортеры углеводородов, обладая этим специфическим ресурсом, имеют особые возможности решения проблемы погашения внешнего долга.

Наконец, широко используется практика решения проблемы внешнего долга за счет списания его странами-кредиторами. Эта практика распространена в отношении, как правило, беднейших стран-должников, а также как реализация определенных политических целей стран-кредиторов. Ярким примером такой политики было выборочное списание госдолгов Соединенными Штатами Америки и их союзниками бывшим социалистическим странам: ни доллара долга СССР и новой России ими не было списано под предлогом того, что Россия является нефте- и газодобывающей страной. А долги Польши, Югославии, других восточноевропейских стран были списаны. Тот же самый выборочный подход демонстрируется Западом относительно современной Украины. Дело доходит до прямых нарушений уставных положений МВФ, если такие нормы мешают проводить политику, направленную на подталкивание нынешнего украинского режима к действиям против проводимой Россией политики.

¹ Версия. 2013. № 19. С. 18.

Поскольку мы рассматриваем проблему внешних долгов применительно к российской экономике в ее постсоветский период, обратимся к западным концепциям современной экономической теории и соответствующей практике, выработавшим ряд положений и рекомендаций по оценке места, роли внешних долгов, способов их контроля и поддержания на приемлемом для экономик стран-заемщиков уровне. Большинство этих рекомендаций получили официальное подтверждение и в ряде документов международных авторитетных организаций. Согласно этим теоретическим и практическим положениям, рост внешнего долга не следует выводить за пределы 60% относительно ВВП страны-заемщика. Эта цифра легко обосновывается довольно простыми прикидками, опирающимися на сложившиеся в последние десятилетия средние условия внешнего кредитования. Прежде всего, во внимание принимается «цена денег» на международном кредитном рынке в зависимости от сроков кредитования.

В послесоветской истории России можно выделить два периода развития страны, когда проблема внешнего долга нарастала, обострялась, а потом смягчалась в результате ряда мер, принимаемых правительством. Сначала после распада СССР до 1998–1999 гг. внешний долг страны рос угрожающими темпами. Было две причины этого: во-первых, перенос «старых» долгов СССР на новую, суверенную Россию. Достаточно отметить, что долг СССР к моменту его распада был близок к 100 млрд долл. К этому следует добавить, что темп его роста в 1990-е гг. был очень высоким, и к 1999 г. долг вырос до 158,4 млрд долл.¹ Вторая причина была связана с резким обострением финансового положения Российской Федерации в результате беспрецедентно глубокого *трансформационного спада* в нашей экономике, а также специфической финансовой политики тогдашнего руководства страны в последнее десятилетие XX в. Проблема была «решена» лишь временно в результате дефолта 1998 г., после которого большая часть внешнего долга была вынужденно для кредиторов реструктурирована в результате долгих переговоров с внешними заемщиками в рамках Парижского и Лондонского клубов. В середине первого десятилетия XXI в. новое руководство России, используя устойчивую благоприятную конъюнктуру на мировом рынке энергоносителей и позиции России как экспортера таких энергоносителей, досрочно рассчиталось с большей частью кредиторов, сведя внешний долг страны до беспрецедентно низкого для всей истории России уровня, оказавшегося ниже 10% к ВВП страны.

Однако после этого во второй половине первого десятилетия нынешнего столетия произошли серьезные и быстрые структурные и количественные изменения внешнего долга страны. Он стал вновь довольно

¹ Шабалин А. Масштабы и динамика внешнего корпоративного долга // Экономист. 2013. № 4. С. 133.

сильно нарастать, при этом в нем небывало быстро и опережающими темпами увеличивались внешние заимствования корпораций и их доля во внешних долгах страны. Корпоративный внешний долг за первые восемь лет XXI в. вырос почти в 20 раз. К началу кризиса 2008 г. доля последнего во всем внешнем долге страны увеличилась практически до девяти десятых всего внешнего долга, а его абсолютная величина сравнялась со всем объемом золотовалютных резервов страны, превысивших тогда 500 млрд долл.

После кризиса 2008–2009 гг. в процессе его преодоления внешний *корпоративный* долг снизился до приемлемого уровня, но затем эта часть внешнего долга России стала вновь быстро расти, достигнув невероятного для новейшей истории страны объема, составив к 1 июля 2014 г. 733 млрд долл., что заметно превысило золотовалютные резервы страны. Западные страны следили за этими процессами и нанесли сильный удар по финансам России. В результате санкций, наложенных на нее западными «демократиями», российским банкам и корпорациям пришлось погашать свои долги не за счет получения новых кредитов, что они практиковали долгое время, а за свой счет. В результате этого за следующие девять месяцев, к 1 апреля 2015 г. он существенно снизился до 560 млрд долл., т.е. на 173 млрд долл. Решающая роль в этом ослаблении бремени внешнего долга страны принадлежит, во-первых, органам федерального управления, понизившим уровень государственного внешнего долга с 62 млрд до 39 млрд долл., т.е. на 23 млрд долл.; во-вторых, банкам, понизившим уровень своего внешнего долга с 209 млрд до 154 млрд долл., т.е. на 55 млрд долл. Наконец, прочие сектора снизили уровень своего внешнего долга с 451 млрд до 355 млрд долл., т.е. на 104 млрд долл.

Отмечается, что пик объема месячных платежей корпораций пройден, сумма предстоящих текущих платежей в 2015 г. резко снижается, что практически обещает довольно терпимый процесс их погашения корпорациями и банками.

Вместе с тем в последние месяцы объем золотовалютных резервов России постоянно растет, и хотя предкризисный уровень 2013 г. еще не достигнут, при сохранении нынешнего темпа восстановления объема резервов он может быть превышен.

«Объем госдолга России в прошедшем десятилетии, сократившись с 23,2% ВВП в 2004 г. до 6,5% ВВП в 2008 г., начинает возрастать. Долговая доктрина РФ на 2013–2015 гг. предполагала активное привлечение финансовых ресурсов как на внутреннем, так и на внешнем рынках. По оценкам Минфина, до конца 2016 г. госдолг вырастет до 12,4 трлн руб., что составит 14,3% ВВП. При этом 75% заимствований придется на внутренний рынок. Размер внешнего долга в 2016 г. предположительно составит 3,1 трлн руб. Целевым использованием нового долга будет погашение старых долгов. В 2014 г. на эти цели пошло 50% новых долгов,

а в 2015 г. — 70%, что будет способствовать, как надеются, повышению устойчивости финансовой системы, ее независимости от внешних шоков»¹. Законен вопрос о причинах этого явления — столь быстрого увеличения внешней корпоративной задолженности, случившегося за этот период дважды. Эти причины хорошо известны, и на них обращалось внимание в экономической прессе многократно. Здесь можно выделить следующие моменты: во-первых, общие причины роста этой задолженности, во-вторых, причины роста внешней задолженности корпораций и банков, в которых велика доля участия государственного капитала, в-третьих, роль государства в этих процессах.

Общей причиной рассматриваемого явления считаются относительно неблагоприятные финансовые условия кредитования предприятий и банков (особенно предприятий) в России по сравнению с такими же условиями в большинстве западных стран. Эта проблема была одним из выражений относительной слабости финансовой системы России и проводимой на протяжении длительного времени стратегии пассивного реагирования руководства страны на мировые вызовы: возобладала точка зрения, что лучше пассивно копить валютные резервы на случай мировых неприятностей вместо целенаправленного развития экономики страны и ее диверсификации, опираясь на временно благоприятную для России конъюнктуру на мировых рынках энергоносителей. За счет этой конъюнктуры удавалось в последние полтора десятилетия создать и резервные фонды, и накопить значительные ЗВР. Однако в результате такой пассивной стратегии развития получилось, что наши резервы объективно используются для поддержания *финансового положения бизнеса*, причем главным образом *крупного*. Эта стратегия исходила из допущения, что интересы экономики страны отождествлялись с интересами крупного бизнеса, а не страны в целом. Частично в этом допущении есть элемент истины, поскольку крупное производство сохраняет свое положение как хребта современной экономики, но отождествлять национальную экономику с крупным производством и крупным капиталом — ложная предпосылка. Однако едва ли дело в ошибочности этого допущения, вызванного якобы недопониманием, дело в *объективной классовой ориентации руководства страны, ставящего интересы крупного национального капитала превыше всего*.

Другой причиной указанного увеличения задолженности является *эгоистическая природа самого капитала*, преобладающую часть которого интересуют не патриотические мотивы и соображения, а получение прибыли любыми способами. Эта особенность российского капитала не является его отличительной чертой, но она проявляется все же сильнее, чем у капитала других стран. Возможно, это связано с временными, особенными условиями функционирования капитала, его *первоначаль-*

¹ Кадомцева С. В. Долговая проблема как феномен XXI века. — М., 2014. С. 88.

ного накопления, его кажущимся неустойчивым положением в нынешней России. Но думается, не только с ними.

Наконец, этому способствует проводимая государственная политика в данной области экономических отношений. Эта политика недостаточно внятная, преимущественно пассивная, *объективно благосклонная к крупному капиталу*.

Вопрос об источниках покрытия внешнего долга имеет по крайней мере два аспекта. Первый — чисто бухгалтерский, второй сугубо политэкономический. Оставим в стороне первый. Что касается второго, то классическая политэкономия давно дала ответы на эти вопросы. Рассмотрим упомянутые три способа решения или ослабления бремени внешнего долга.

Дефолт означает не одномоментное решение проблемы внешней задолженности, а перенос выплаты долгов на будущее, растягивание их погашения *за счет будущего национального дохода страны*. Поэтому этот «способ решения проблемы» является частным случаем второго способа — *постепенного погашения долга*. Погашение внешнего долга происходит *за счет части национального дохода страны, т.е. части производимой в этот период вновь создаваемой стоимости* в период погашения госдолга. Тем самым в ходе этого процесса из-за него *уменьшается тот объем потребляемого национального дохода, который мог быть направлен на увеличение фондов потребления и накопления страны*.

Корпоративный же долг гасится за счет части прибыли, производимой корпорациями и банками в период погашения долгов. Но это означает и уменьшение нормы прибыли этих хозяйствующих субъектов. Понятно, что в ином случае — при отсутствии необходимости выплат внешнего долга — эти субъекты могли бы поддерживать свою норму прибыли даже при повышении некоторых своих издержек, например, при *повышении заработной платы своим сотрудникам*. Другим направлением использования части прибыли корпорациями могло бы стать *увеличение нормы накопления*.

Но крупный капитал использует возможности давления на государство, отечески опекающего крупный бизнес, для получения от государства «мелких» привилегий и в этом процессе. Ярким примером является предоставление «Роснефти» льготного кредита в разгар «постепенной» девальвации рубля в ноябре 2014 г. Во-первых, кажется странным, что такая богатая корпорация не только не смогла создать необходимой для себя «подушки безопасности» в предшествующий благоприятный период высоких нефтяных цен, но и оказалась в долгах перед иностранными кредиторами в тот же период. Во-вторых, данный крупный заем, предоставленный правительством, как известно, подстегнул девальвацию рубля. Негативных последствий этой девальвации для всей экономики, особенно для населения, было очень много, что хорошо отражено в массмедиа. Таким образом, неэффективная хозяйственная политика

руководства «Роснефти» в предшествующий период и плохое руководство государственной частью капитала этой корпорации были частично компенсированы *за счет сокращения реальных доходов населения страны*. А сколько подобных явлений было скрыто в эти месяцы от населения, никто не знает.

Кажется очевидным, что без внешних заимствований капитала, особенно нашими корпорациями, нашей экономике не обойтись. Считается, что зарубежные инвесторы вкладывают в нас не просто инвестиции в денежной форме, но и прежде всего новые технологии, ради чего якобы наши корпорации и обращаются за рубежом. Однако и в этой области прозрачность деятельности российских корпораций такова, что вычленишь ту часть кредитов, которая связана с передовыми техническими решениями, не представляется возможной. Пресловутая коммерческая тайна служит экраном, за которым скрывается подлинная картина эффективности внешних заимствований, а псевдолиберальная политика нашего государства всемерно способствует этому.

РАЗДЕЛ IV ДОПОЛНЕНИЕ¹

Глава 15

КАК ОЦЕНИВАТЬ НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО?²

Рассматриваемая книга (далее «НБ и НП») представляет собой материалы проблемной группы «Воспроизводство и экономический рост», одной из старейших на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Она является продолжением предыдущей (первой) книги, посвященной национальному богатству как категории экономической теории, его национальным, региональным и международным аспектам, а также проблеме национального продукта и его форм³. *Вторая книга* посвящена анализу прежде всего выводов «Доклада Комиссии» под руководством нобелевского лауреата по экономике Джозефа Стиглица «Измерение эффективности экономики и социального прогресса»⁴, которая рассматривала проблемы макроэкономических измерений в системе национальных счетов (СНС).

Первый раздел «НБ и НП» посвящен обоснованию макрорезультатов общественного производства и рассматривает особенности их измерения в современной СНС. Второй раздел выясняет элементы и факторы

¹ *От редактора.* В этом завершающем разделе наших изданий мы снова обращаемся к теме измерения национального богатства и национального продукта. В качестве отдельной главы с небольшой технической правкой помещена с согласия автора профессора Р. С. Дзарасова его статья-рецензия, опубликованная в ж. «Проблемы прогнозирования» № 6 за 2014 г. От обычных рецензий она отличается: 1) собственными суждениями по поставленному в нашей второй книге широкому кругу проблем, 2) цитированием с анализом значительного количества иностранных англоязычных источников. В лице автора мы видим соавтора нашего проекта, который посвящает свою творческую работу памяти своего отца, известного ученого-экономиста бывшего профессора кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, активного участника заседаний нашей проблемной группы Солтана Сафарбиевича Дзарасова, память о котором мы также храним.

² Национальное богатство и национальный продукт. Монография. Книга II / Под ред. В. Н. Черковца. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; М.: ТиРу, 2012.

³ Национальное богатство и национальный продукт. Монография. Книга I / Под ред. В. Н. Черковца. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; М.—Рыбинск: Офис, 2010.

⁴ *Stiglitz J., Sen A., Fitouss J.-P.* The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited.

расширенного воспроизводства национального богатства страны. Третий — освещает вклад ряда мыслителей прошлого в теорию распределения национального богатства и национального дохода.

Особую актуальность проблемам, поставленным в монографии, придал мировой экономический кризис. Он показал опасность неконтролируемого роста финансовой сферы, ее отрыва от развития реального производства. Для большинства представителей так называемого «мейнстрима» мировой экономической науки кризис стал полной неожиданностью, несмотря на то что он назревал в течение нескольких десятилетий. Как считается, не последняя причина этого состоит в несовершенстве измерений экономического роста в существующей системе национальных счетов, не позволившем доминирующей ортодоксии своевременно заметить нарастание глубоких дисбалансов в развитии мировой экономики. Существенно и значение этой темы для изучения развития современной российской экономики. В пореформенный период в ней значительно растет доля услуг, что трактуется некоторыми авторами как переход к желанному постиндустриальному обществу. Однако оценка структурных изменений в отечественном народном хозяйстве должна опираться на ясное представление о качественном содержании происходящих сдвигов. Проблемы, поднятые в рецензируемой монографии, не менее важны и для преподавания экономической теории. Развернувшийся мировой экономический кризис, как и продолжающаяся деградация российской экономики, ставит под вопрос неоклассическую трактовку понятий производства и роста, господствующую в современной науке и отражающуюся в современной системе учета и статистики. В рассматриваемой работе отмечается, что Комиссия Стиглица ставила задачу улучшить статистические оценки экономической деятельности, прежде всего, с целью: (а) отразить рост доли услуг и производства все более сложных товаров; (б) сместить акцент с «измерения объемов производства в сторону оценки благосостояния людей» (с. 34). Эти задачи сами по себе не вызывают возражений. Однако в работе отмечается, что доклад делает акцент на отражении в СНС доходов и потребления, а не производства (с. 14). В частности, это проявляется в стремлении авторов доклада исключить амортизацию из ВВП в связи с тем, что рост стоимости основного капитала и его износа уменьшает текущее потребление. Подобный подход исходит из присущего неоклассике отождествления стоимости и цены, что справедливо критикуется в работе. Авторы отмечают, что пока фонд амортизации накапливается, он «может временно использоваться и на расширение производства, и на потребление» (с. 15). Эта трактовка проблемы соответствует трудовой теории стоимости, говорящей о переносе стоимости потребленных средств производства на вновь созданный продукт. В связи с проблемой амортизации в монографии подвергается критике позиция В. И. Маевского (с. 15–16), считающего, что стоимость потре-

бленных средств производства просто исчезает по мере их износа, а ее эквивалент создается абстрактным трудом в отраслях, где они применяются¹. Эта позиция напоминает позицию П. Сраффы (1898–1983), считавшего основным капитал побочным продуктом производства, который создается заново в каждом производственном цикле. Такая трактовка связана с отказом П. Сраффы от понятия абстрактного труда². Можно сказать, что это попытка построить теорию стоимости, исходя исключительно из точки зрения конкретного труда. Понятно, что здесь не может стоять вопрос о переносе стоимости. В. И. Маевский предлагает что-то вроде синтеза подхода П. Сраффы в данном вопросе и понятия абстрактного труда. На мой взгляд (*автор*), такая позиция страдает внутренним противоречием, и авторы рассматриваемой монографии более последовательны в трактовке национального дохода. Исключение амортизации из ВВП — это только часть предположений Комиссии Стиглица по совершенствованию СНС. С той же целью предполагается улучшить методы измерения благосостояния и разработать дополнительные показатели, позволяющие лучше отразить уровень и качество жизни людей. В рассматриваемой работе справедливо отвергается «подобный плюрализм» в связи с тем, что он «может привести к утрате целостного представления об экономической ситуации и главенствующих тенденциях социально-экономического развития». При этом отмечается и то, что показатель ВВП в его нынешнем виде «на роль такого индикатора-иерарха претендовать не может» (с. 18–19). Связано это с тем, что данный индикатор включает доходы от различных форм фиктивного капитала, в виде поступлений от финансовых спекуляций, различной посреднической деятельности и т.д. Это дает основание авторам монографии «НБ и НП» определять его как доходный, денежный показатель (с. 53) и расценивать ВВП и «(в той или иной степени) его производные категории как *превращенную форму* (курсив авторов. — *Р. Д.*), в значительной мере искажающую реальные вещественные и стоимостные результаты общественного производства» (с. 23). Возникает закономерный вопрос: а в чем же причина того, что ВВП придает такой характер, искажающий реальность? И почему Комиссия Стиглица прошла мимо этого факта? Авторы книги со-

¹ *Маевский В. И.* Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 65–85.

² *Сраффа П.* Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории. — М.: Юнити-дана, 1960. Мне (*автор*) представляется, что в теории П. Сраффы понятие абстрактного труда присутствует в имплицитной форме. Так, чтобы перевести фонд рабочей силы в однородные единицы, он применяет понятие редукции сложного труда к простому; начинает анализ с цен, пропорциональных прямым и косвенным затратам труда; пересчитывает стандартный товар в количество труда, который можно на него приобрести. Эти и подобные процедуры предполагают измерение труда в однородных единицах, в качестве которых может выступать не конкретный труд, а только труд абстрактный.

глашаются с мнением И. Ю. Соколовой, которая считает, что главная цель СНС «состоит в демонстрации роста американской экономики, необходимого для сохранения доверия к ней в глобальном масштабе»¹. Получается, что в условиях разбухания сектора услуг, прежде всего финансовых, экономисты-неоклассики изменяют само содержание понятия производства. Именно этой цели и служит, например, концепция «постиндустриального» общества. В целом, соглашаясь с этой критикой, я бы сформулировал проблему несколько иначе. На мой взгляд, статистика искаженно отражает реальную структуру современной капиталистической экономики потому, что, находясь под влиянием неоклассической методологии, приспосабливается к интересам буржуазной элиты. Для обоснования этого тезиса необходимо кратко рассмотреть особенности структуры современного мирового капиталистического хозяйства и выявить вытекающие из нее господствующие социальные интересы. На мой взгляд, наиболее адекватную основу подобного анализа составляют идеи мир-системного подхода, развиваемого школами Фернана Броделя, Иммануила Валлерстайна, Андре Гюндера Франка, Джованни Арриги, Самира Амина и некоторых других мыслителей. Отличительной чертой этих течений является взгляд на капитализм как на иерархическую мировую систему, развивающуюся через эксплуатацию центром (развитые страны) периферии (отсталые страны). Этот процесс осуществляется через целую систему механизмов, включающих: перенос производства в регионы с низкой оплатой труда; систематическое завышение цен на продукцию и услуги центра и занижение цен на продукцию периферии на мировом рынке; занижение курса национальных валют зависимых стран; бегство капитала с периферии в центр; «утечку мозгов» в развитые страны; наращивание внешнего долга бедных стран и другие меры. Не последнюю роль в этой политике играет навязывание странам периферии неолиберальных реформ, закрепляющих их зависимое положение. Соглашаясь с этим, отмечу, что мир-системный подход имеет и свои слабости. На мой взгляд, совершенно ошибочной является позиция Валлерстайна, полагающего, что Маркс создал свой «Капитал» только для анализа замкнутого, изолированного хозяйства². Наоборот, политэкономический смысл самого феномена периферийной экономики, с моей точки зрения, раскрывается именно на основе трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости. Он состоит в систематическом и безвозмездном присвоении центром мирового капитализма значительной доли фонда трудовой стоимости, созданной народами периферии. Школа мир-системного под-

¹ Соколова И. Ю. Кто, как и зачем измеряет ВВП // США. Канада: Экономика. Политика. Культура. 2011. № 2 (494).

² Моя критика Валлерстайна (*автор*) не относится к Самиру Амину, предлагающего глубокую интерпретацию современного мирового хозяйства на основе закона стоимости. Amin S. The Law of Worldwide Value. — New York: Monthly Review Press, 2010.

хода как раз и анализирует конкретные механизмы и историческую динамику этого присвоения. Самый процесс финансовализации¹ в нынешнем ее виде восходит к «стагфляции» 1970-х гг., которые стали водоразделом в развитии мирового капитализма. Именно тогда восстановление экономик Западной Европы и Японии привело к обострению международной конкуренции в такой степени, что началось долгосрочное падение доходности от вложений капитала в производство². Страны развитого капитализма отреагировали на кризис изменением самой модели крупного бизнеса. В 1980-е гг. в американской экономике прокатилась волна слияний и поглощений, сопровождавшихся безжалостной «реструктуризацией» компаний, т.е. распродажей части активов и массовым увольнением рабочих. В итоге, «во многих случаях повышение доходности достигалось только путем получения уступок от поставщиков или потребителей, сокращения величины уплачиваемых налогов, урезания заработной платы и сокращения персонала белых воротничков»³. Вместо поддержания долгосрочного роста американские корпорации стали сокращать занятость и инвестиции, направляя все большую долю прибыли на выплату дивидендов. Максимизация стоимости акционерного капитала сменила долгосрочный рост как главную цель американских корпораций⁴. В новых условиях Уолл-стрит (точнее, ее инвестиционные банки и фонды) приобрела огромную власть над корпоративной Америкой, преобразуя ее по своему образу и подобию⁵, в результате в структуре капитала нефинансовых корпораций США доля финансовых активов превысила долю производственных мощностей⁶. Если столь резко сократились инвестиции в производство, то откуда же берутся прибыли, которые делит финансовый сектор? Финансовизация сопровождалась массовым переносом материального производства из развитых стран, прежде всего из США, в регионы с низкой оплатой труда⁷. В результате

¹ Под этим термином я понимаю замещение производственного капитала финансово-спекулятивным. Последний существовал всю историю капитализма, однако приобрел самодовлеющее значение только в эпохи мировых кризисов (*аэроп*).

² *Brenner R.* The Boom and the Bubble. The US and the World Economy. — London, New York: Verso, 2003. С. 7–47.

³ *Blair M.* Financial Restructuring and the Debate About Corporate Governance / Blair M. (ed.), The Deal Decade. What Takeovers and Leveraged Buyouts Mean for the Corporate Governance. — Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1993.

⁴ *Lazonick W., O'Sullivan M.* Maximizing Shareholder Value: a New Ideology for Corporate Governance // *Economy and society*. 2000. Vol. 29. № 1.

⁵ *Ho K.* *Liquidated.* An Ethnography of Wall Street. — Durham and London: Duke University Press, 2009.

⁶ *Orhangazi O.* Financialization and Capital Accumulation in the Non-Financial Corporate Sector: A Theoretical and Empirical Investigation on the US Economy: 1973–2003 // *Cambridge Journal of Economics*. 2008. № 32.

⁷ *Dicken P.* *Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21-st Century.* — London etc.: SAGE publicationsinc., 2003.

деиндустриализации развитых капиталистических стран произошла бурная индустриализация нескольких развивающихся стран, и доля промышленной продукции в экспорте периферии выросла с 20% в 1980 г. до 80% в 2003 г.¹ Это потребовало стремительного увеличения рабочей силы, и в 1990-е гг. полтора миллиарда новых рабочих из Китая, Индии и республик бывшего СССР пополнили мировой рынок труда, удвоив его². Массовый перенос производства в регионы с низкой оплатой труда был ответом на падение прибыли в промышленном секторе развитых стран. Этот процесс происходил в форме создания глобальных производственных сетей (ГПС), в которых операции с высокой добавленной стоимостью сосредотачиваются в руках западных ТНК, а с низкой — передаются периферии³. Как свидетельствуют эмпирические процессы, в рамках ГПС происходит интенсивное перераспределение прибавочной стоимости, созданной дешевым трудом периферии, в центр мирового капитализма. Об этом, в частности, свидетельствует систематическое отставание цен на сырье и комплектующие, получаемые из периферии центром, от роста цен в самих странах центра⁴. Таким образом, разбухание мирового финансово-спекулятивного рынка связано со спецификой эксплуатации периферии глобального капитализма центром в современных условиях, т.е. определяется современными формами прибавочной стоимости, современными формами эксплуатации труда. Именно этим и обусловлена приверженность буржуазной статистики к превращенным формам экономической жизни и соответствующим показателям, позволяющим завуалировать неприглядную реальность. Иными словами, речь идет о чем-то большем, чем только о доверии к американской экономике, речь идет о доверии к капиталистическому общественному строю как таковому.

Именно в этом свете следует понимать и поставленную в рецензируемой работе задачу исследования «*фиктивного капитала всех видов*» (курс автора.), его причастности к «увеличению» национального богатства, его разлагающего влияния на ценности человеческой личности» (с. 25). В самом деле, финансово-спекулятивный капитал намного превысил по своему объему все мыслимые потребности рационального обслуживания реального производства. В 2007 г. — т.е. на пике финансиализации

¹ *Blecker R., Razami A.* Developing Country Exports of Manufactures: Moving Up the Ladder to Escape the Fallacy of Composition? // American University, Department of Economics, WP 2006-06. P. 45.

² *Freeman R.* What Really Ails Europe (and America): the Doubling of the Global Workforce // The Globalist. 2010. 5 March. — Режим доступа: <http://www.theglobalist.com/storyid.aspx?StoryId=4542>

³ *Bair J.* (ed.). *Frontiers of Commodity Chain Research*. — Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.

⁴ *Milberg W.* Shifting Sources and Uses of Profits: Sustaining U. S. Financialization with Global Value Chains, CEPN/SCEPA Conference, University of Paris — 13, Jan. 17th—18th.

и накануне мирового экономического кризиса — сумма капитализации рынков акций, долговых обязательств и банковских активов превышала мировой ВВП в 4,4 раза, а теневой рынок деривативов достиг почти 600 трлн долл., что в 11 (!) раз превышало тот же показатель¹. На поверхности кризис предстает как явление финансовой области, ибо кажется, что его вызвали: моральный риск, ошибочная политика денежных властей (слишком низкие процентные ставки), рост не регулируемых государством финансовых институтов, падение доверия инвесторов к финансовым инструментам². Деривативы страхуют те или иные финансовые обязательства. В отличие от обычных страховых полисов их может покупать не только владелец страхуемого актива, но и любой желающий. Они продаются, покупаются и котируются наряду с другими ценными бумагами. Распространение деривативов объясняется размахом спекуляций на данном рынке.

Именно так его и трактует неоклассика. Более глубокое понимание предлагает посткейнсианство, например, Хайман Минский. Согласно его «гипотезе финансовой нестабильности», финансовый сектор аккумулирует неблагоприятные сигналы, идущие из реального сектора, усиливает их и «транслирует» обратно, обрушивая экономику³. Однако и у Минского остается необъясненной природа «финанциализации». Никогда это положение не было столь актуально, как сегодня. В самом деле, интенсивная индустриализация регионов с низкой оплатой труда в последние десятилетия привела к массовому отставанию совокупного спроса от совокупного предложения в мировом масштабе⁴. Это относится и к экономике развитых стран, в которых наступила стагнация или даже снижение реальной заработной платы рабочих в связи с усилением эксплуатации развивающихся стран. Доля заработной платы в ВВП стран — членов ОЭСР устойчиво падает с начала 1980-х гг.⁵. Это вызвало хроническое снижение загрузки производственных мощностей⁶ [24, с. 1032]. Данные ограничения рынка, вытекающие из самой природы капитализма, попытались преодолеть за счет всемерного наращивания потребительского кредита. Однако в условиях стагнации реальной заработной платы на-

¹ *Birch K., Mykhnenko V.* Introduction / Birch K. and Mykhnenko V. (eds.). *The Rise and Fall of Neoliberalism. The Collapse of an Economic Order?* — London, New York: Zed books, 2010. С. 13.

² *Krugman P.* *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008.* — New York, London: W. W. Norton & Company, 2009.

³ *Minsky H.* *Stabilizing an Unstable Economy.* — New York etc.: McGraw Hill, 2008.

⁴ *Greider W.* *One World, Ready or not: the Manic Logic of Global Capitalism.* — N.Y.: Simon & Schuster, 1998.

⁵ *Guscina A.* *Effects of Globalization on Labor's Share in National Income.* — Washington, D.C.: International Monetary Fund, WP 06/294, 2006. С. 4.

⁶ *Mohun S.* *Aggregate Capital Productivity in the US Economy, 1964–2001* // Cambridge Journal of Economics. 2009. Vol. 33. С. 1032.

растание задолженности неизбежно должно было привести к массовому дефолту по долговым обязательствам. Это и произошло в 2008 г., что обрушило мировой финансовый рынок и вызвало спад производства. Таким образом, тот отмеченный Марксом факт, что фиктивный капитал является отражением противоречий накопления капитала в реальном секторе, стал еще более наглядным в современной экономике. Именно поэтому буржуазная статистика испытывает потребность в затушевывании самого этого явления, что и достигается искусственным приравниванием труда в сфере финансовых услуг к таковому в сфере реального производства (гл. 2). Из сказанного следует, что сведение измерения производства к измерению доходов призвано затушевать сами источники последних в современном мировом хозяйстве. По существу, на явление «стагфляции» 1970-х гг. капитализм ответил массовым «раскрестьяниванием» населения планеты, прежде всего таких густонаселенных стран, как Китай и Индия. Миллионы людей согнали с земли, заставив их пополнить дешевую «армию резервного труда». Сегодня средний рабочий с острова Ямайка получает вдвое, из Боливии и Индии втрое, а из Нигерии вчетверо меньше, чем его американский собрат¹.

В рамках «глобальных цепочек производства» в регионы с низкой оплатой труда переведены участки производства с низкой добавленной стоимостью, тогда как участки с высокой — сосредоточены в западных ТНК. По некоторым оценкам, на каждый американский доллар экспорта продукции из Китая в США посредники из Гонконга и Тайваня получают 20 центов, тогда как американские корпорации присваивают основную часть розничной стоимости данной продукции в 4–5 долл.² Достигается это за счет систематического отставания цен на сырье и комплектующие из развивающихся стран по отношению к индексу потребительских цен в США³. Джозеф Стиглиц считает, что «тот факт, что Китай снабжал мир промышленными товарами по низким и даже падающим ценам, был одним из решающих факторов» низких цен на Западе в последние десятилетия⁴. По мнению индийского экономиста Прабхата Патнаика, курс американской валюты отражает его роль как посредника в передаче стоимости, созданной на периферии мирового капитализма, его центру⁵.

Изложенные факты подтверждают вывод рецензируемой работы о том, что «денежные единицы измерения, в которых оценивается выпуск и богатство, в современном мире не связаны с реальной стоимо-

¹ *Rodrick D.* Labour Markets: the Unexpected Frontier of Globalization // *The Globalist*. 2011. May 31. — Режим доступа: <http://www.theglobalist.com/printStoryId.aspx?StoryId=9156>

² *Li M.* The Rise of China and the Demise of the Capitalist World Economy. — New York: Monthly Review Press, 2008. С. 71.

³ *Milberg W.*, 2008, Shifting Sources and Uses of Profits, CEPNS-CEPA WP. P. 20.

⁴ *Stiglitz J.* Freefall. America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy. — New York, London: W.W. Norton & Company, 2010.

⁵ *Patnaik P.* The Value of Money. — New York: Columbia University Press, 2009.

стью вследствие особенностей сложившейся мировой денежной системы» (с. 73). В самом деле, размен мировой резервной валюты — американского доллара — прекратился еще в 1971 г. С этого момента деньги печатаются правительством США, исходя из потребностей обеспечения американской гегемонии в мировом хозяйстве, что отрывает их от стоимостных величин. Означает ли это, что товарная теория денег Маркса устарела, как напрасно надеются неоклассики? Ни в коем случае, считает М. Иванова, она позволяет выявить важнейшие особенности функционирования современного фиктивного капитала. Дело в том, что не разменные на золото деньги, позволяя накапливать богатство, не могут выполнять функцию мерила стоимости. Между тем рынок объективно нуждается в таком мериле, чтобы обеспечить стабильность и предсказуемость сделок. Именно в этих условиях и развиваются так называемые «деривативы», страхующие финансовые инструменты¹. Таким извращенным способом рынок пытается зафиксировать стоимость в утратившем объективность оценок мире. Абсурдные масштабы производных финансовых инструментов выражают глубину тоски капиталистического рынка по настоящим, полноценным деньгам, т.е. по товарным деньгам Маркса. Мировой валютный рынок также выработал механизмы, имитирующие функцию меры стоимости. Я имею в виду тот факт, что страны — экспортеры периферии в центр вынуждены систематически занижать курс национальной валюты по отношению к доллару. Дело в том, что систематическое активное сальдо торгового баланса со странами центра ведет к притоку долларов на национальный рынок, завышая курс национальной валюты. Это, в свою очередь, ведет к повышению долларовой цены экспортируемых товаров, подрывая конкурентоспособность на рынках западных стран. Чтобы предотвратить подобный ход событий, правительства периферийных государств должны скупать «излишки» долларов и извлекать их из национальной экономики. За пределами страны самым выгодным способом их помещения являются вложения в американский финансовый рынок, например, в государственные облигации США. Получается, что, осуществив эксплуатацию дешевого труда своего населения при производстве товаров, правящие классы периферийных стран еще и помещают созданные дорогой ценой сбережения на финансово-спекулятивный рынок центра. Это значит, что курсы валют фиксируются таким образом, чтобы обеспечить поставку товаров с периферии в центр по ценам, во много раз ниже их трудовой стоимости. Таким образом, мировая денежная система отражает центропериферическую структуру современного мирового хозяйства, а тем самым и доминирующие в нем социально-классовые отношения. Измерение производства через доходы призвано скрыть этот факт.

¹ *Ivanova M. Marx, Minsky and the Great Recession. — Istanbul University: Second International Conference in Political Economy, 2011. С. 14–15.*

Сказанное полностью относится и к России. Авторы работы убедительно показывают, что задача модернизации отечественной экономики затрудняется неадекватным измерением макроэкономических процессов (гл. 3). Не вызывает сомнений и то, что именно развитие производительных сил должно быть главным ориентиром модернизации и роста национального богатства России (гл. 7–8). Пример России особенно ярко показывает неадекватность измерения производства по доходам в современных условиях. В самом деле, если взять проблему цен на экспортную продукцию, то можно подумать, что сказанное выше об эксплуатации периферии к нашей стране не относится. Ведь цены на углеводороды стремительно растут. Не следует, однако, спешить с оптимистическими выводами. Политэкономический анализ места России в мировом хозяйстве приводит совсем к другому заключению.

Широко известно, что структура отечественной экономики пореформенной эпохи резко изменилась в пользу экспорта продукции с низкой степенью передела и в ущерб обрабатывающим производствам. Этот факт отражает приспособление структуры нашей экономики к положению полупериферии мирового капитализма, которое она заняла (см. табл. 15.1).

Таблица 15.1

**Чистый вывоз капитала из России частным сектором экономики,
(млрд долл. США)**

2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г. (I кв., оценка)
133,6	57,5	30,8	81,4	53,9	59,7	50,6

Источник: Центральный банк РФ, 2014. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2005–2013 гг. и I квартале 2014 г. (по данным платежного баланса Российской Федерации). — Режим доступа: http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710, доступ осуществлен 17.05.2014.

Данные отражают превышение вывоза частного капитала из России над его ввозом. Как видим, бегство капитала из нашей страны представляет собой систематическое и масштабное явление. Оно отражает компрадорский характер отечественного крупного бизнеса, приспособленного к обслуживанию интересов крупного капитала центра мирового капитализма. Действительно, частный вывоз капитала из России представляет собой в основном вложение доходов от экспорта в американские финансовые активы. Таким образом, средства, которые наша страна зарабатывает на экспорте в страны центра (в данном случае в основном в ЕС), она инвестирует в экономику того же центра (преимущественно в США). Это не случайное явление — денежная политика России подчинена задаче занижения курса национальной валюты, т.е. подчинена интересам экспортеров. При этом из высокой цены энергоносителей следует вычитать ту ее долю, которая возвращается центру в виде финансовых вложений. Тем самым, политэкономический анализ показывает, что вы-

сокая цена российского экспорта лишь маскирует тот печальный факт, что отечественный крупный бизнес безвозмездно передает значительную часть фонда трудовой стоимости, созданной нашим населением, центру мирового капитализма. Этот процесс завуалирован нынешней системой СНС. Рассматриваемая монография противопоставляет СНС подход с позиций баланса народного хозяйства (БНХ), отражающего не только фактическое потребление, но и национальное богатство, понимаемое как запас материальных ценностей. В связи с этим, в частности, ставится вопрос о возвращении в статистику показателя «национального дохода (НД) как самостоятельной категории общественного воспроизводства, выражающей (по БНХ) вновь созданную стоимость» (с. 20). Такой подход позволяет элиминировать влияние элементов фиктивного капитала, сделав статистические оценки более достоверными. Лишь на такой надежной, материалистической основе экономическая наука сможет преодолеть власть над собой превращенных форм хозяйственной жизни. Лишь тогда она сможет раскрыть реальные взаимоотношения в очень больном и извращенном современном мировом хозяйстве. Привлечение внимания к современным проблемам макроэкономических измерений, полной оценке результатов общественного производства и уровня национального богатства — в этом главное значение рассматриваемой монографии.

Глава 16

К ВОПРОСУ ТЕОРИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ЦИКЛА

В главе вскрываются причины подмены в отечественной экономической науке категории «промышленный цикл» категорией «экономический (деловой) цикл», ограничивающей научное понимание природы ряда экономических явлений, в частности, экономического кризиса как фазы цикла, который в трактовке экономического (делового) цикла отсутствует. Использование в современной функциональной экономической теории двухфазной модели цикла приводит к ликвидации фаз застоя и оживления, что искажает общую статистическую картину экономического роста, поскольку фиксируемая NBER видимость более продолжительного периода подъема по сравнению со спадом игнорирует то обстоятельство, что значительная часть «подъема» — всего лишь восстановление последствий экономического кризиса. Так, с точки зрения фаз промышленного цикла в цикле 1929–1937 гг. не было совсем фазы подъема, а с точки зрения экономического цикла фаза подъема продолжалась в США с 1933 по 1937 г., т.е. пять лет из восьми. Эта порочная методология может быть изжита путем отказа от использования категории «экономический (деловой) цикл» и восстановления в научном обороте категории «промышленный цикл», в пределах которого фаза «промышленный подъем» будет фиксировать реальный рост экономики.

В общем смысле термин «кризис» обозначает решение, приговор и употребляется в ряде секторов общественной практики: медицине, политике, психологии, обществоведении и, собственно, экономике. Причем в каждой из них он носит специфический характер, что зачастую игнорируется отдельными исследователями данного явления, приводя к предельно абстрактному использованию данной категории со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Характерно, что подобная методика исследования публикуется на страницах ведущих экономических журналов. Следует учитывать, что исследование кризиса в области экономической должно не только конкретизировать его путем учета характерных черт, придания им количественной определенности, т.е. всего того, что делается для изучения его параметров¹, но в первую очередь выявить качественные характеристики, детерминированные его

¹ На чем вполне обоснованно настаивают ряд ученых, в частности, бывший директор НИИ статистики Роскомстата РФ В. М. Симчера.

внутренней природой, сформировавшейся в определенных, специфически исторических общественно-экономических условиях. Представляется, что только в этом методологическом ключе возможна плодотворная постановка и решение вопроса о данном социально-экономическом феномене как одной из фаз промышленного цикла.

К сожалению, в современной экономической литературе, как отечественной, так и зарубежной, переведенной на русский язык, утвердилась едва ли не как единственная категория экономического цикла, которую, на наш взгляд, нельзя признать правомерной с точки зрения точности отражения процессов, происходящих в объективной действительности. В самом деле, появление категории «экономический цикл» в отечественном научном обороте необходимо, по-видимому, отнести к 1930-м гг., когда в СССР была переведена на русский язык и издана книга представителя негативной школы раннего институционализма Уэсли Клера Митчелла «Экономические циклы», которая на английском языке, если переводить дословно, называлась «Деловые циклы» (*Business Cycles*). Объяснение столь вольного перевода названия книги переводчики пытались представить в подвальной сноске в середине книги, указывая, как ими понимается разница между более широким понятием «экономический» и узким понятием «деловой», но вразумительного ответа на вопрос, почему они это сделали, они не давали. Основной причиной, по их версии, являлась трудность перевода.

Вместе с тем с их легкой руки в отечественный научный оборот вошло данное понятие, которое впоследствии при переводе иностранной экономической литературы воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Так, название книги Э. Хансена «*Business Cycles and National Income*» в русском переводе превратилось в «Экономические циклы и национальный доход», а перевод фундаментального труда по истории современной экономической мысли Б. Селигмена, как названий книг, так и их содержания, фактически весь исходил преимущественно из понятия «экономический цикл»¹. В предметном указателе, приведенном в книге Селигмена, экономический цикл, по версии переводчиков, — это единственно возможный аналог понятия «деловой». Понятие «промышленный цикл» упоминается едва ли не единственный раз при переводе раздела, посвященного Т. Веблену. Аналогичный перевод можно встретить в новейшей литературе, например, книге японского экономиста Такаши Негиши² или американского учебника по экономике С. Фишера, Р. Дорнбуша и Р. Шмалензи. Вместе с тем в западной практике традиционным является использование понятия «деловые циклы». Книги шведского экономиста Э. Лундберга «Деловые циклы и экономическая политика»

¹ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. — М.: Прогресс, 1968.

² Негиши Т. История экономической теории: Учебник: Пер. с англ. / Под ред. Л. Л. Любимова и В. С. Автономова. — М.: АО «Аспект Пресс», 1995.

(1957), Э. Хансена «Фискальная политика и деловые циклы» (1941), американского экономиста Дж.М. Кларка «Стратегические факторы в деловых циклах» (1934) свидетельствуют о широком распространении именно такой трактовки цикла. Если обратиться к современным трактовкам, описывающим понятие цикла, то обнаружится, что на интернет-странице американского книжного магазина широко представлена литература, посвященная деловому циклу, незначительно — торговому циклу¹ и вообще не представлены книги, в названии которых фигурирует экономический цикл. Хотя в последнее время предпринимаются попытки объединить понятия делового и экономического циклов в переводной экономической литературе², но именно последний в отечественной научной экономической литературе приобрел весьма широкое распространение в конце XX — начале XXI в.

Если же обратиться к учебной отечественной экономической литературе, то выяснится, что понятие «экономический цикл» в советские годы хотя и не могло вытеснить множественность трактовок цикла, которые были представлены в учебниках, но существовало наряду с ними³.

Так, в учебнике «Политическая экономия» указывалось, что «период от начала одного кризиса до начала другого кризиса называется экономическим, или промышленным, циклом»⁴. Фактически у авторов «экономический» приравнивался к «промышленному», что являлось шагом

¹ См., например: *Hicks J. R. The Trade Cycle.* — Oxford, 1950; *Matthews R.S.O. A Study in Trade-Cycle History: Economic Fluctuations in Great Britain 1833–1842.* — Cambridge University Press, 2011.

² «Краткосрочные колебания деловой активности принято называть циклами деловой активности, или экономическими циклами» (*Самуэльсон П., Нордхаус В. Д.* Экономика. 18-е изд.: Пер. с англ. — М., 2007. С. 858). «Термин «цикл деловой активности», или «экономический цикл», означает...» (*Макконнелл К., Брю С.* Экономика. — М., 1988. С. 159). Попытки отдельных авторских коллективов скрестить эти два понятия в единое целое лишь только подчеркивали их непонимание различий между ними.

³ Эволюцию использования термина можно проследить по учебникам политической экономии различных авторов: «промышленные (производственные) кризисы» (*Железнов В. Я.* Очерки политической экономии. Изд. восьмое, без перемен. — М., 1919. С. 1187), «промышленный цикл» (*Туган-Барановский М. И.* Промышленные кризисы в Англии. — СПб., 1894. С. 333; *Дашковский И.* Конспектированный курс политической экономии. — Харьков: государственное издательство Украины, 1924. С. 262; *Брегель Э. Я.* Политическая экономия капитализма. — М., 1969; *Цаголов Н. А.* Курс политической экономии. — М., 1970. Т. 1. С. 540), «хозяйственный цикл» (*Михалевский Ф.* Политическая экономия. — М.-Л.: Московский рабочий, 1928. С. 317), «цикл» (*Лавидус И., Островитянов К.* Политическая экономия. — М.: Партиздат, 1933), «капиталистический цикл» (*Леонтьев А.* Начальный курс политической экономии. — М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 270; *Цаголов Н. А.* Курс политической экономии. — М., 1970. С. 534; *Экономическая энциклопедия.* Политическая экономия, 1975. С. 115); «экономический цикл» (*Брегель Э. Я., Смирнов А. Д.* Политическая экономия. — М.: Высшая школа, 1972. С. 290; *Смирнов И. К.* Политическая экономия современного капитализма. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 325).

⁴ Политическая экономия / Под ред. Э. Я. Брегеля и А. Д. Смирнова. — М.: Высшая школа, 1972. С. 290.

назад по сравнению с переводчиками книги Митчелла, которые подчеркивали разницу между экономическим и деловым циклами.

С приходом экономической теории мейнстрим на образовательное и научное пространство постсоветской России термин «экономический цикл» окончательно вытесняет из научного оборота понятие «промышленный цикл», становясь едва ли не единственной среди множества категорий, используемых для отражения особенностей развития капиталистического воспроизводства¹.

В чем же причины такого явления и насколько безобидными являются подобные подмены в категориальном аппарате политической экономии?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к содержанию понятий «экономический цикл» и «промышленный цикл».

В известном американском учебнике по экономике указывается, что «экономический цикл — это периодически наступающее расширение (подъем) и сокращение (спад) реального объема производства на фоне среднего экономического роста (общей тенденции роста)»², и там же: «Экономический цикл имеет две фазы... спад... и подъем». Во французском учебнике по политической экономии, несмотря на вывод о необходимости включения кризиса в состав периодически повторяющихся изменений, характеризующих чередование фаз развития и фаз сокращения экономической активности, автор в итоге заявляет о наличии двух фаз цикла: «Выявилось наличие циклов или циклических колебаний... у них были фазы спада или более или менее четко обозначенного интенсивного развития»³. Обобщая традиционный для западной экономической науки подход к периодизации экономических циклов, нобелевский лауреат П. Самуэльсон пишет: «Традиционно, экономисты различают в экономических циклах две основные фазы: спад (рецессия) и подъем. Пик и дно отмечают поворотные точки циклов»⁴.

Таким образом, вместо промышленного цикла появляется экономический цикл, или просто цикл, вместо четырех фаз промышленного цикла — две фазы экономического цикла⁵. Экономический кризис как фаза

¹ В паспорте специальностей научных работников ВАК РФ, шифр 08.00.01 — экономическая теория, в пункте 1.3. указана «теория деловых циклов и кризисов». Таким образом, составители паспорта специальностей более точны в отражении терминов функциональной экономической теории — экономикс, чем авторы многих учебных и научных трудов.

² Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. — М.: Дело ЛТД, 1993. С. 416. Характерно, что данный учебник являлся едва ли не вторым, переведенным на русский язык после учебника по экономике К. Макконела и С. Брю на постсоветском пространстве, в совокупности оказавшими значительное влияние на формирование образовательных стандартов.

³ Барр Р. Политическая экономия: в 2 т. Т. 2: Пер. с франц. — М.: Междунар. отношения, 1995. С. 478.

⁴ Самуэльсон П., Нордхаус В. Д. Экономика. 18-е изд.: Пер. с англ. — М., 2007. С. 858.

⁵ Идея не новая, она присутствует еще у У. К. Митчелла.

исчезает из научного оборота, и вместо него появляется спад, рецессия¹, источником происхождения которой может быть все, что угодно, вплоть до солнечной активности (Джевонс), кроме основного противоречия капитализма, который и является основной причиной экономического кризиса. Различие в причинах происхождения спада и экономического кризиса не дает нам возможности установить между ними знак равенства, как это делают некоторые авторы. Другими словами, собственно *экономический кризис* как фаза цикла исчезает!!! Но означает ли исчезновение экономического кризиса как фазы экономического цикла его исчезновение вообще из современной экономической теории? Отнюдь. Это было бы слишком одиозно. Кризис как категория остается, но он приобретает совершенно другой формат, другое смысловое наполнение: не кризис как экономический кризис (тот вариант рассмотрения термина, который можно было бы ожидать от учебника по экономической теории), не кризис как фаза цикла, а кризис как кризис вообще, в самом общеупотребительном, житейском, обыденном значении, смысле. В экономической теории кризис был низведен до уровня бухгалтерского учета, хотя и применяемого в международных отношениях. Так, в учебнике Фишера кризис используется в двух форматах: кризис платежного баланса и кризис задолженности экономически отсталых стран. В учебнике Р. Барра кризис представлен как «конец роста и начало сокращения», но не являющегося фазой цикла.

Задача «уничтожения» собственно экономических кризисов решена путем введения двухфазной модели экономического цикла.

Итак, от промышленного цикла к экономическому циклу, от четырех фаз к двум фазам, от экономического кризиса к кризису платежного баланса и кризису задолженности экономически отсталых стран, т.е. чисто бухгалтерскому его пониманию.

Является ли подобное упрощение представлений о движении капиталистической экономики — экономической теории — прогрессивным с точки зрения развития экономической науки, с точки зрения углубления отражения действий объективных экономических законов? На этот вопрос мы должны ответить отрицательно. Развитие науки приводит к углублению знаний, их дифференциации, переходу от общего к частному, а впоследствии к единичному. Но то, что вчера считалось единичным, сегодня становится частным; то, что вчера считалось частным, сегодня становится общим; то, что вчера считалось общим, в свою очередь, становится всеобщим. Развитие научных знаний привело к появлению но-

¹ Официальные даты «бизнес-циклов» в США устанавливает Национальное бюро экономических исследований (NBER). «...определением рецессии считается сокращение ВВП в течение двух кварталов подряд». Однако NBER определяет рецессию как «значительное снижение экономической активности, которое длится более нескольких месяцев и отражается в показателях производства, занятости, реальных доходов и других индикаторах» // Ведомости. 2008. 2 декабря.

вых направлений научных исследований, относительно самостоятельных областей знаний. Три факультета Московского университета при его создании трансформировались в 16 факультетов советского периода развития науки и 39 факультетов в настоящее время. Единственная экономическая кафедра — кафедра дипломатики и политической экономии, основанная в 1804 г., привела к выделению ряда экономических наук, формированию экономического факультета, в составе которого 22 кафедры в настоящее время. Эти примеры наглядно свидетельствуют о том, что прогресс в науке приводит к углублению знаний об объективной действительности, их дифференциации. Так является ли подмена промышленного цикла экономическим (деловым), четырех фаз двумя фазами, устранение самого понятия «экономический кризис» из теории цикла прогрессом экономической науки? Или это ее регресс, переход от более высоких форм развития к низшим, движение назад, изменение к худшему? Ответ очевиден.

Почему представители современной вульгарной экономической теории, как на Западе, так и в России, пытаются путем внедрения термина «экономический цикл» устранить из научного оборота термин «экономические кризисы»?

Это можно понять из марксистского анализа экономических кризисов, определение которых К. Маркс дает на основе анализа всех противоречий капиталистического общества. Как верно подметил И. Г. Блюмин, кризис, по Марксу, — это «специфический способ разрешения или уравнения... противоречий, способ, который не ликвидирует противоречия, а, наоборот, создает предпосылки для нового, еще более сильного взрыва»¹. Здесь, уточняя, очевидно, лучше говорить о снятии противоречия на данном этапе и его воспроизводстве в дальнейшем.

Если же обратить внимание на специфику экономического цикла, то легко заметить, что период спада уравнивается в правах с подъемом. Причем обе фазы уравниваются настолько, что продолжительность экономического (делового) цикла может считаться двумя абсолютно равноценными способами: а) от точки пика до точки предыдущего пика и б) от точки дна до точки предыдущего дна. В этом нет, казалось бы, ничего особенного, и в промышленном цикле все фазы цикла уравниваются в правах². Но статистическая фиксация продолжительности фаз экономического цикла свидетельствует о том, что время спада (рецессии) значительно меньше времени подъема. Так, согласно данным, представленным Комитетом по бизнес-циклам Национального бюро экономических исследований США, продолжительность фазы спада (измеряется

¹ Блюмин И. Г. История экономических учений (Очерки теории) / Под ред. проф. Ф. Я. Полянского. — М., 1961. С. 102.

² Хотя кризис и выступает главной фазой, но он скорее «первый среди равных», чем единственный на фоне остальных.

от пика до дна) последнего экономического кризиса в США составила 18 месяцев, а период предыдущего подъема (от дна до пика) 73 месяца. Такая методика предопределяет появление вполне закономерного, хотя и ложного по существу вывода: жизненный потенциал капитализма значительно превышает деструктивные последствия кризиса. 18 месяцев спада и 73 месяца подъема — какие еще нужны доказательства!

В действительности фиксируемая Национальным бюро экономических исследований США (NBER) видимость более продолжительного периода подъема по сравнению со спадом игнорирует то обстоятельство, что значительная часть «подъема» — всего лишь восстановление последствий экономического кризиса. Подъем экономики NBER считает не с докризисного максимума, а с низшей точки спада — дна. *При этом совершенно необязательно, что восстановление обязательно должно перерасти в промышленный подъем.* Так, в цикле 1929—1937 гг. динамика объема промышленной продукции в США в процентах была представлена на рис. 16.1.

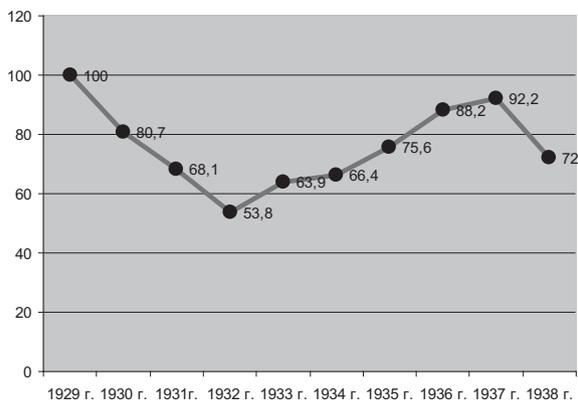

Рис. 16.1. Объем промышленной продукции в США (%)¹

На основании представленных данных можно ориентировочно определить длительность различных фаз промышленного цикла в США: фаза кризиса длилась с 1929 до 1933 г., фаза депрессии — с 1933 до 1936 г., фаза оживления — 1936—1937 гг. Не достигнув предкризисного максимума, объемов промышленного производства 1929 г., американская экономика не вошла в фазу подъема, а перешла в новый экономический кризис. Таким образом, из восьми лет промышленного цикла 1929—1937 гг. три года приходится на кризис, три года на депрессию, два года на оживление.

¹ Составлено автором по сб.: Великий корифей марксистско-ленинской науки, — М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1940. С. 187.

Другими словами, две трети цикла приходится на кризис и депрессию, и только одна треть — на оживление.

Если же обратиться к данным, представленным Национальным бюро экономических исследований США, то выявится, что бизнес-цикл за аналогичный период продолжался с августа 1929 г. по май 1937 г. (всего 90 месяцев). При этом продолжительность фаз цикла распределилась следующим образом: спад продолжался 43 месяца (с августа 1929 г. по март 1933 г.), фаза подъема (расширения) — 50 месяцев¹. И тут та же картина! Спад 43 месяца, подъем — 50. Какие еще нужны доказательства! И совершенно не важно, что восемь лет цикла — это всего лишь работа по достижению так и не достигнутого уровня 1929 г.

Таким образом, с точки зрения фаз промышленного цикла в цикле 1929–1937 гг. в США фаза подъема отсутствовала, а с точки зрения экономического (делового) цикла фаза подъема продолжалась с 1933 по 1937 г., т.е. пять лет из восьми.

Эта порочная методология не только может, но и должна быть изжита путем отказа от использования категории «экономический (деловой)» цикл и восстановления в научном обороте категории «промышленный цикл», в пределах которого фаза «промышленный подъем» будет фиксировать реальный рост экономики.

Представляется, что такое название цикла, как «промышленный», было определено марксизмом специально для промышленности, поскольку отражало специфику движения процесса воспроизводства в промышленности. Вот что пишет по этому поводу Ф. Энгельс: «С начала этого столетия в положении промышленности беспрестанно происходили колебания между периодами процветания и периодами кризиса...»² А вот уже фраза Маркса: «В политической экономии в принципе никогда нельзя выводить общих законов на основании сводки данных, относящихся к одному только году. Нужно всегда брать средние цифры за *шесть или семь лет* (курсив мой. — П.П.), то есть за тот промежуток времени, в течение которого современная промышленность проходит через различные фазы — процветание, перепроизводство, застой, кризис, — совершив таким образом свой неизбежный цикл»³. Отсюда и название цикла. Допол-

¹ www.nber.org

² Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 328.

³ Маркс К. Речь о свободе торговли // Там же. С. 410. Это высказывание, сделанное более 160 лет назад, указывает на то, что кризис является классическим экономическим кризисом, произошедшим в полном соответствии с законами движения капиталистической промышленности. Действительно, до кризиса 2007–2009 гг. экономический кризис наблюдался в США в 2001 г., т.е. на семь лет раньше. Могут возразить, что экономический кризис 2001 г. развился не в соответствии со сценарием великого экономиста: предыдущий промышленный цикл длился почти 11 лет. Действительно, последний цикл XX столетия начался в США в 1990 г., казалось бы, отрицая общий закон движения промышленности. Но, если учитывать, что причиной столь продолжительного цикла явился развал СССР и всего блока СЭВ, о чем, разумеется, Маркс знать не мог, и это позволило мировому

нительным подтверждением того, что цикл связан с промышленностью и должен называться промышленным циклом, является название одной из его фаз — промышленный подъем. Если же выйти за пределы собственно промышленности и обратиться к сельскому хозяйству, картина существенно меняется, поскольку условия воспроизводства в аграрном секторе экономики испытывают влияние на себе ряда дополнительных факторов, усугубляющих протекание цикла, которые приводили к появлению особых типов кризисов — аграрных, рассматривавшихся и как «момент циклического кризиса», и как специфический отраслевой кризис¹. Поэтому возможная критика, обращающая внимание на существование понятия промышленного капитала, исходящего из критерия капиталистического ведения хозяйства, едва ли может дезавуировать понятие промышленного цикла, который, как это может показаться, вступает в противоречие с понятием «промышленный капитал».

Преодолевая внеформационный, внеисторический изъян «экономического цикла», авторы экономической энциклопедии «Политическая экономия», обобщая наиболее распространенную практику применения категории «капиталистический цикл», подробно раскрывают в энциклопедии данную категорию, отсылая всех, кто интересуется промышленным циклом, к статье «Капиталистический цикл»².

По нашему мнению, понятие «промышленный цикл» точнее фиксирует специфику цикла, указывая на промышленность как сферу его зарождения, развития и источник распространения (не путать с причинами, порождающими кризис!). Возможное указание на внеформационный характер категории «промышленный» не имеет под собой достаточных оснований, поскольку промышленное производство и является той материально-технической базой, на которой основана капиталистическая

капитализму двинуть товарные массы на восток и частично снять всю остроту проблемы реализации, а также наличие вполне полноценных промышленных циклов до 1990 г., то едва ли можно утверждать, что прогноз продолжительности промышленных циклов, сделанный 160 лет назад, потерял свою актуальность. Хотя, конечно, увеличение скорости оборота основного капитала за последние полтора столетия увеличивает частоту возникновения экономических кризисов.

¹ Курс политической экономии. В 2 т. / Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. второе, дополненное. — М.: Экономика, 1970. Т. 1. С. 535—536.

² Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / Гл. ред. А. М. Румянцев. — М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 3. С. 387. С точки зрения методологии экономического кризиса не является продуктивным определять экономическое развитие России последних 20 лет категорией «трансформационный кризис», «системно-трансформационный кризис», так же как и «трансформационный цикл». В первом случае возникает вполне закономерный вопрос о возможности существования и характерных чертах других фаз трансформационного цикла, детерминированных наличием кризиса. Во втором случае отсутствует важный признак цикла — периодичность. «Цикл., гр. — период, по окончании которого одни и те же явления повторяются в том же порядке» (Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык / Под ред. В. В. Битнера. — СПб.: Изд-во «Вестника Знания» (В. В. Битнер), 1905. С. 886).

форма общественного производства, детерминирующая появление промышленных циклов и экономических кризисов. Не случайно на титульном листе первого тома «Капитала», продаваемого в настоящее время в Нью-Йорке, изображен гигантский прокатный стан, на котором лежит раскаленный кусок металла, предназначенный для дальнейшей обработки.

Составители предметного указателя ко второму изданию сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса отправляли читателей, разыскивающих «промышленный цикл», к рубрике «Экономические кризисы» — их периодическому характеру, экономическим кризисам как фазе промышленного цикла¹. Вполне вероятно, что это обстоятельство спровоцировало появление тезиса, согласно которому Маркс не оперировал понятием «промышленный цикл». Но уже первое знакомство с «Капиталом» полностью опровергает подобные измышления. На 22-й странице автор пишет: «Полное противоречий движение капиталистического общества осязательнее дает себя почувствовать буржуа-практику в колебаниях продельваемого современной промышленностью периодического цикла, апогеем которых является общий кризис». В противовес предметному указателю собрания сочинений, в предметном указателе 23-го тома промышленный цикл выделен в самостоятельный раздел с четырьмя подразделами². Фактически уже в 1848 г., в работе «Речь о свободе торговли», Маркс приходит к пониманию промышленного цикла. Вместе с тем в современной литературе едва ли не родоначальником теории цикла объявляется Клемент Жугляр, малоизвестный французский врач и статистик (?!), на которого у Маркса нет ни единой ссылки. И это неудивительно, поскольку идею периодичности колебаний Жугляр воспроизвел в 1862 г. в первом издании «Коммерческих кризисов и их периодичности»³. Маркс на 14 лет раньше Жугляра приходит к пониманию промышленного цикла, но этого почему-то никто не замечает! Более того, циклы Жугляра почему-то есть, а циклов Маркса почему-то нет. Это поражает своей одиозностью. Особенно если учитывать, что Жугляра отдельные источники называют отцом теории циклов. Забавно, что, будучи на год младше Маркса, он дожил до 1905 г., т.е. пережил Маркса на 23 года. Со дня смерти Жугляра прошло почти 110 лет. Но при этом ни одной работы Жугляра на русском языке в Ленинской библиотеке обнаружить не удалось. Без сомнения, это действительно «выдающаяся» величина, учитывая роль теории, которая ему приписывается западной молвой.

¹ Предметный указатель ко второму изданию сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Часть вторая. — М.: Издательство политической литературы, 1978. С. 183.

² Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 894.

³ По информации homepage.newschool.edu/het, Жугляр является «одним из первых сторонников «экономической» теории бизнес-цикла (1862) и в силу этого считается отцом теории бизнес-цикла.

Но вернемся к причинам кризиса. Туган-Барановский пишет: «...без сомнения, Жугляр совершенно верно подметил наиболее характерную черту промышленных кризисов — падение товарных цен. Непосредственная причина кризиса заключается... именно в понижении цены товаров»¹. Здесь Туган-Барановский смешивает характерную черту кризиса и его причину, что совершенно не одно и то же. Причину кризисов необходимо искать в причинах цикла, поскольку кризис в пределах промышленного цикла является одной из его фаз. Ответ на вопрос о причинах цикла позволит нам понять, почему существует подобная методика исчисления цикла, практикуемая, например, Национальным бюро экономических исследований в США. Какие же теории отвечают на данный вопрос?

Один из основателей Национального бюро экономических исследований США институционалист У. К. Митчелл в обширной работе объемом около 500 страниц «Что случается во время бизнес-циклов» 1951 г. «ставит задачу найти причину возникновения цикла... Но Митчелл, как сказано в предисловии его ученика Бернса, не успел добраться до формулировки причин цикла»². Изданный в этот же период фундаментальный труд по экономике американского экономиста П. Самуэльсона предлагал уже целый спектр «наиболее известных» (!) теорий, объясняющих причины экономических циклов. К ним автор относил:

- 1) *денежную* теорию, объясняющую цикл экспансией и сжатием банковского кредита (Хоутри и др.);
- 2) теорию *нововведений*, объясняющую цикл использованием в производстве важных нововведений, таких, например, как железные дороги (Шумпетер, Хансен и др.);
- 3) *психологическую* теорию, трактующую цикл как следствие охватывающих население волн пессимистического и оптимистического настроения (Пигу, Бэджот и др.);
- 4) теорию *недопотребления*, усматривающую причину цикла в слишком большой доле дохода, идущей богатым и бережливым людям, по сравнению с тем, что может быть инвестировано (Гобсон, Фостер и Кэтчингс и др.);
- 5) теорию *чрезмерного инвестирования*, сторонники которой полагают, что причиной рецессии является, скорее, чрезмерное, чем недостаточное, инвестирование (Хайек, Мизес и др.);
- 6) теорию *солнечных пятен — погоды — урожая* (Джевонс, Мур)³.

¹ Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. — М.: Наука, 1997. С. 295.

² Маслов П. П. Критический анализ буржуазных статистических публикаций. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 27.

³ Самуэльсон П. Экономика. — М., 1964. С. 296.

При сравнении приведенного перечня теорий с аналогичным перечнем, представленным Самуэльсоном 50 лет спустя, в 2007 г., обращают на себя внимание косметические перестановки, произведенные им вместе с Нордхаузом.

Так, на первом месте (кто бы сомневался!) монетарный подход. При этом вместо Хоутри вполне закономерно появляется М. Фридман. По поводу этой теории Маркс писал: «Поверхностность политической экономии обнаруживается между прочим в том, что расширение и сокращение кредита, простые симптомы сменяющихся периодов промышленного цикла, она признает их причинами»¹. В данной теории следствие воспринимается как причина.

Новацией является введение в новый список теорий мультипликаторно-акселераторной модели (Самуэльсон), которая, на наш взгляд, не отвечает на вопрос о причине цикла, а только пытается ответить на вопросы его ускорения и замедления. Вместе с тем вопрос стоит о причинах его возникновения, а не о факторах, воздействующих на скорость его протекания.

Третья теория в новой версии — политическая теория цикла (Нордхауз, Туфте). Представляется, что эта теория заменила выбывшую теорию солнечных пятен (Джевонса), в которую, по словам Самуэльсона, «ни один солидный экономист... не верит». Если же иметь в виду качественную определенность обеих теорий, то они вполне достойны друг друга.

Четвертая группа теорий, объединенных общим названием равновесного экономического цикла (Лукаш, Барро, Сарджент), причиной цикла называет рынок рабочей силы, испытывающий то дефицит, то излишек. Как и в случае монетарного подхода, вопрос уводится в сферу обращения. Авторам этой теории можно порекомендовать обратиться к странице 651 первого тома «Капитала», где автор полтора столетия назад доказал, что расширение и сокращение промышленной резервной армии соответствует смене периодов промышленного цикла, а не наоборот².

В новом перечне вновь воспроизводится теория нововведений. Однако за 50 лет теория успела приобрести новое, весьма внушительное название — теория реального экономического цикла. Появляются новые отцы (Прескотт, Лонг, Плоссер), исчезает Хансен, но указывается родоначальник — Шумпетер. Причина цикла — совокупный спрос, его изменения. Его рост предопределяет подъем, сокращение предопределяет спад. Вопрос заключается в том, что если совокупный спрос не поднимается и не падает, а зафиксирован на одном и том же уровне в течение года, то цикличность исчезает?

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 647.

² Это особенно примечательно, учитывая высказывания отдельных марксистов (!) об устаревании «Капитала».

И последняя теория, которая фактически противоположна предыдущей: причина циклов — скачки совокупного предложения (Гордон). Как известно, один из четырех законов формальной логики — закон противоречия, открытый Аристотелем, гласит: «Не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении». Таким образом, пятая и шестая теории нарушают закон противоречия. Кроме того, и спрос, и предложение — категории, характеризующие сферу обмена, которая, как известно, производна от сферы производства. Попытка указать на сферу обмена как причину экономического цикла столь же несостоятельна, сколь и не нова. Она имеет такие же шансы на научность, как и монетарная теория.

Словно предчувствуя подобное отношение к теориям, Самуэльсон ставит вопрос, какая же теория является правильной. «Только комбинированное использование нескольких теорий», — отвечает он¹. Едва ли «комбинированное использование» мнений, ни одно из которых не дает аргументированного ответа на вопрос о причинах цикла, может дать научную трактовку природы цикла. Тем более что предыдущие 50 лет не подтвердили эффективность их комбинирования.

Таким образом, из шести теорий причин цикла середины XX в. американская наука оставляет две, добавляет к ним еще четыре в начале XXI в. Новые названия, новые фамилии, новые трактовки. Это ярмарка вульгарной политической экономии, которая вполне самодостаточна, и вопрос о причинах цикла здесь всего лишь повод поговорить.

Анализ теоретических работ, посвященных последнему экономическому кризису, выявил любопытную закономерность. Фактически все работы, освещающие вопросы причин кризиса, сводятся к традиционным для вульгарной политической экономии объяснениям. Представители неоклассической и либеральной школ выдвигают различные причины экономических кризисов, не связывая их с природой капитализма. Наиболее распространенным является воспроизведение основных положений кредитно-денежной теории, согласно которой основной причиной кризиса являются просчеты и ошибки банков в сфере денежно-кредитной политики. Разве не отменой закона Гласса—Стигала объяснялось в конечном итоге столь болезненное протекание современного кризиса? Но подобная трактовка приводит к неизбежному вопросу: а что, кризисы в период действия данного закона не фиксировались? Их появление в этот период указывает на то, что этот юридический закон денежно-кредитной политики, равно как и ошибки в данной сфере, всего лишь повод, а не причина кризисов. Кроме того, причины кризисов разыскиваются не в сфере производства, а в сфере денежного обращения. Не случайно последний кризис в основной массе отечественной литературы, кото-

¹ Самуэльсон П., Нордхаус В. Д. Экономика. 18-е изд.: Пер. с англ. — М., 2007. С. 866.

рая всего лишь воспроизводила основные положения западных теорий, квалифицировался как финансовый. Менее распространенной явилась теория диспропорциональности. Причиной кризиса, согласно ей, выступает нарушение пропорциональности между отдельными отраслями. Представители данной теории игнорируют тот факт, что диспропорциональность является закономерным явлением капиталистической экономики, а ее причиной выступает основное противоречие капитализма. Только в редких, единичных случаях причиной экономического кризиса называлось основное противоречие капитализма.

Какие же последствия для практики влекут за собой эти, казалось бы, исключительно академические разногласия? Или они являются не более чем схоластическими спорами, оторванными от повседневной жизни и практики?

Хотя для автора статьи разрыв теории и практики не более чем механицизм, метафизически воспринимающий положение «нет ничего практичнее хорошей теории» со всеми вытекающими из этого последствиями, проследить связь теории и практики возможно через формы проявления суррогатов в общественном сознании. Отсутствие в научной литературе и как следствие в общественном сознании категории «промышленный цикл», истории его формирования, механизма действия, характеристик отдельных фаз, периодичности появления, последствий приводит к появлению неопределенностей, неточностей, прямым искажениям существующего положения вещей в экономическом развитии. При этом неопределенность воспроизводится не только в информационных источниках различных общественных объединений, партий, организаций, но и в заявлениях официальных лиц, документах государственных органов власти, определяющих дальнейшие пути развития государства, его экономическую политику. Так, полемика, связанная с заявлением А. Улюкаева относительно достижения отечественной экономики «дна»¹, весьма характерна, поскольку термин «дно» используется западной экономической теорией и обозначает наряду с пиком поворотную точку цикла. Как можно говорить о поворотной точке, после которой начнется улучшение ситуации, в условиях отсутствия реальных предпосылок для этого на фоне постоянного банкротства прогнозов социально-экономического развития России? Что можно ждать от правительственного прогноза, на 369 страницах которого не используются слова «кризис», «депрессия», а слово «оживление» используется всего один раз, «подъем» — два раза². Как можно создать социально-экономический прогноз без использования понятийно-категориального аппарата экономической науки, оста-

¹ См.: <http://www.youtube.com/watch?v=dQZ19n7xXMA>

² Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов. — Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/201409261>

ется загадкой. Может быть, авторы прогноза отбрасывают «устаревшую» теорию промышленного цикла и используют теорию бизнес-цикла? Термин «рецессия» использовался один раз, «спад» — 19 раз, «пик» — один раз, «дно» — ни разу. Зато слово «рост» использовалось 985 раз, т.е. почти три раза на каждой странице документа. По всей видимости, слово «рост» использовалось составителями как заклинание, придавая всему документу магический характер. Но «хоть тысячу раз скажи слово «халва», во рту слаще не станет». Анализ данных, представленных в прогнозе относительно динамики ВВП, свидетельствует о снижении темпов роста данного показателя с IV квартала 2011 г.¹ В этих условиях необходимо было говорить о приближающемся кризисе, об исчерпании внутренних сил экономики, о необходимости готовиться к худшему, особенно в условиях политического противостояния и использования экономических рычагов давления на российскую экономику в виде санкций. Но прогноз социально-экономического развития даже не предполагает кризисный сценарий развития. Не благодаря, а вопреки прогнозу под давлением экономического кризиса правительству пришлось в январе 2015 г. принимать так называемый антикризисный план с целью блокирования негативных тенденций в экономике. И это через полгода после составления прогноза. А ведь он составлялся на целых три года, но оказался бесполезным уже к новому году! Такова цена прогноза, который игнорирует экономическую науку.

¹ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов. С. 3. — Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/201409261>

Вместо послесловия

КРИЗИС РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Завершая обсуждение поставленных и рассмотренных в данной книге вопросов, имеет смысл еще раз остановиться на некоторых из них и дополнить текст рядом тезисов в связи с новыми фактами и концептуальными выступлениями в научной печати и в средствах массовой информации по поводу переживаемого Россией кризисного момента, проводимой социально-экономической политики и отражения нахлынувших на страну проблем в экономической теории, экономическом образовании и управлении экономикой страны. Обратим внимание на следующие положения.

1. Актуальность проблемы общего кризиса капитализма

Поражение социализма в СССР, ряде стран Восточной Европы и Монголии, распад СССР не означают выхода мирового капитализма из состояния его *общего кризиса* как мировой социально-экономической системы. Понятие общего кризиса капитализма связывалось марксистской политической экономией, теоретическими документами всех коммунистических партий прежде всего с Первой мировой войной, Октябрьской революцией, отпадением от этой системы России и образованием СССР, что положило начало функционированию двух противоположных по характеру общественно-экономического строя мировых систем. С точки зрения естественно-исторического развития капитализм уступил часть контролируемого им мирового пространства новой общественной формации и будущей новой цивилизации. Второй этап этого разрушительного для капитализма процесса с нарастающей силой выразился в распаде его колониальной системы в результате Второй мировой войны, в переходе ряда стран Восточной Европы и Китая к строительству социализма, в образовании мировой социалистической системы. Жизненное пространство капитализма постепенно сжималось как бальзаковская шагреновая кожа, что заставило развитые капиталистические страны, превосходившие по объему, качеству производства и уровню производительности труда своих наступающих дерзких противников, консолидировать

во главе с США свои усилия в технико-экономическом, промышленном и военном отношении, развернуть мощную идеологическую кампанию против растущего социализма.

Распад СССР и переход к реставрации капитализма в России и в разной степени в других его союзных республиках, в большинстве стран мировой системы социализма ставят фундаментальный вопрос: не преодолен ли тем самым общий кризис мировой капиталистической системы? Положительный ответ на этот вопрос имел бы основания в том случае, если бы, *во-первых*, не сохранились страны, осуществляющие курс на строительство социализма, т.е. находящиеся непосредственно в переходном периоде к социализму на базе марксистско-ленинской идеологии с учетом их национально-исторической специфики: Китай, Вьетнам, Куба, Северная Корея, Лаос. Конечно, это лишь часть бывшей мировой системы социализма, но в одном только Китае проживает около одной пятой (19,3%) населения земного шара и производится по паритету покупательной способности (ППС) 16,3% мирового ВВП (в США — 16,1%)¹

Во-вторых, распавшаяся после Второй мировой войны колониальная система не восстановилась в прежнем виде, частично приобретая формы неокOLONIALИЗМА. Некоторые бывшие колонии стали вообще на путь самостоятельного политического и экономического развития, даже в оппозицию к метрополиям — странам большой «семерки». Такие крупные страны, как Индия и ЮАР, вошли в международную интеграцию БРИКС, лидером которой является Китай, а участниками — Бразилия с социально ориентированной экономикой и Россия, борющаяся с США за авторитетное место в «многополярном мире», идущая по пути «становления рынка» (по оценке ООН) и реставрации капитализма. В целом «152 развивающиеся и со становящимся рынком страны» производят около 57% мирового ВВП, и в них живет свыше 85% населения Земли². Многие из этих стран выступают с программами, альтернативными капитализму вообще, его экономическим принципам и образу жизни, с различными представлениями, вплоть до религиозных, о социализме в марксистском и немарксистском понимании. На долю 37 «развитых стран» — а это и есть сохранившаяся «зона» капитализма — приходится всего 14,7% мирового населения и свыше 43% мирового ВВП, из них в «ядре» капитализма (семь «основных в стран») проживает 10,6% мирового населения и создается благодаря высокой производительности труда 32,2% ВВП³, но при преобладании различного рода услуг по сравнению с продуктом материального производства, что свидетельствует, скорее, не о так называемом постиндустриальном характере экономики, а об ее тенденции превратиться в непроизводительный сервис для об-

¹ World Economic Outlook (April 2015). — Washington, IMF, 2015. P.149.

² Ibid.

³ Ibid.

служивания более состоятельной части членов общества. Все указанные явления, конечно, свидетельствуют не о восходящей линии развития капитализма, а о новых фактах пребывания его в общем кризисе.

В-третьих, поскольку общий кризис капитализма развернулся на высшей, монополистической стадии его развития — на стадии империализма, он отражает как основные черты («признаки») данной стадии, так и особенности этапов данной стадии. Современный этап характеризуется, как известно, *глобализационными* экономическими и политическими связями на почве усиливающегося влияния вывоза капитала из наиболее развитых стран в развивающиеся страны, подчинением многих из них транснациональным корпорациям, осуществляющим экономический раздел мира в интересах ведущей «семерки». Мировой процесс реального обобществления производства на основе развивающихся производительных сил открывает путь для проникновения неимоверно возросшего по сравнению с реальным производительным капиталом финансового капитала, в том числе его виртуальной, фиктивной части, в различные звенья мировой экономики.

Представляет интерес то, как теория общего кризиса капитализма отражалась в структуре политической экономии советского периода. В первом издании «Курса политической экономии» под редакцией Н. А. Цаголова (1963 г.) политическая экономия «капиталистического способа производства» в отличие от всех предшествующих курсов (учебников, учебных пособий) и научных трудов логически была разделена не на две, а на *три части*. В отличие от фактически общепринятых в то время изданий в томе I были выделены в некоторой новой редакции: часть первая «Общие основы капиталистического способа производства (капитализм вообще)», часть вторая «Основные черты и закономерности монополистического капитализма» и часть третья «Общий кризис мирового капитализма». В вышедшем в 1958 г. (накануне первого издания «Курса...») третьем, переработанном издании учебника Института экономики АН СССР «Политическая экономия» теория капиталистического способа производства разделялась на две части «А. Домонополистический капитализм» и «Б. Монополистический капитализм — империализм», а «Общий кризис капитализма» рассматривался в одной из глав второй части. В «Курсе...» подверглись критике обе формулировки частей по методологическим основаниям и из-за недооценки проблем общего кризиса капитализма. Современные критики советской экономической теории капитализма, ссылаясь на судьбу СССР, мировой системы социализма, отвергают вообще какую-либо теорию общего кризиса капитализма, относя феномен общего кризиса, скорее, на реальный социализм. Однако основания этой точки зрения сомнительны, если не несостоятельны вообще. То, что происходит в реальном современном капитализме, подтверждает с новыми аргументами и фактами перманентность кризисного состояния всей капиталистической системы, начиная с экономики и до

моральной деградации общества, идущего по стопам Древнего Рима. Что касается социализма, то, как показывает история, новый способ производства пробивает себе дорогу не сразу. Не исключено, что прорыв капитализма в России ждет та же судьба, что и французские прорывы феодальных сил в XIX в., если исходить из действия естественно-исторических законов. В этой связи уместно вспомнить высказывание В. И. Ленина, которого не уличишь в симпатиях к капитализму и в небрежении к судьбе социализма. Как раз именно по этому поводу, выступая на VII съезде РКП(б) 8 марта 1918 г., он предупреждал, что эпоха «краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества» будет длительной. Что идеологи капитализма, ведущие западные державы в любом случае не будут сидеть сложа руки и, образно говоря, дожидаться собственной смерти. И соответственно предостоят эпоха «гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов». Ленин, таким образом, ясно предвидел в будущем и военные авантюры со стороны западных государств, и многочисленные локальные войны, и попытки свержения неугодных политических режимов, наконец, даже возможности откатов в развитии самих вставших на путь социализма государств. Именно поэтому, подчеркивал Ленин, «сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем»¹. Во втором (1970) и в третьем (1973/74) изданиях «Курса...» тема «Общий кризис капитализма» составила вторую часть всей политической экономии капитализма, а теория монополистического капитализма «перешла» в первую часть в качестве второго отдела. Тем самым было структурно выражено и подчеркнуто, что общий кризис, во-первых, хотя непосредственно и порожден монополистической «надстройкой» (термин Ленина), но касается не только ее, но и самих основ капиталистической системы, не устраненных этой «надстройкой»: произошел «подрыв» монополистическими объединениями товарного производства индивидуальных производителей с его механизмами свободной («совершенной») конкуренции и свободным ценообразованием. Во-вторых, общий кризис выражается в расколе (и это его главный, исходный признак) мировой системы, в возникновении другой, социалистической системы, которая не входит в распадающуюся мировую систему капитализма. Таким образом, расширение разработки теории общего кризиса капитализма в «Курсе...» не только было оправданно, но и сегодня актуализирует эту проблему как с политической, так и с научной точки зрения, подразумевая также задачи ренессанса науки политической экономии. Все взятые в единстве «исторического и логического» три уровня структуры современного капитализма — «капитализм вообще, или общие основы капиталистического способа производства», «монополистический капитализм — империализм», «общий кризис капитализма» — сохраняют гносеологическую,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 48.

когнитивную силу как в приложении к современному капитализму развитых стран, так и в отношении России, «развивающейся к рынку», т.е. входящей в поле капитализма.

Конечно, имеются и крупные особенности, связанные с незавершенностью такого перехода, тем более к капитализму «индустриально-развитых стран», так называемой «семерки». Но становящийся российский капитализм постепенно утверждает не только частную собственность на средства производства как свою общую основу, рыночные отношения как способ координации всех звеньев экономики, производства и потребления, отношения наемного труда и капитала как основное производственное отношение. Он — уже корпоративно-монополистический и государственно-монополистический капитализм на базе высокой концентрации производства, доставшейся в «наследство» от советской экономики, хотя и полуразрушенной и плохо, неэффективно используемой. Экономическая функция государства полностью подчинена интересам олигархического капитала, что проявляется, в частности, в отказе перейти к прогрессивной шкале налогообложения, в нежелании проверки законности приватизационных актов периода 1990-х гг., в первоочередной антикризисной «помощи» не реальному сектору, а *финансовому капиталу*, крупнейшим банкам, содействию рынкам фиктивного капитала, ущемлении бюджетного финансирования здравоохранения, образования, науки¹. Растет *вывоз капитала*, но преимущественно не в производительной, а в паразитической ссудной форме с приобретением ценных бумаг ради получения процентов или в так называемые офшорные зоны, где ниже налоги на капитал. В силу консервации сырьевой структуры экономики ограничено участие России в *экономическом разделе мира*, в захвате внешних рынков рамками в основном продукции добывающей промышленности, она стремится овладеть газовым и нефтяным рынками в Европе и Азии, рынком металлов, но ставит свою экономику и финансы в положение зависимости от ценового фактора на этих рынках, прежде

¹ И. В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), высказываясь по поводу проекта учебника по политической экономии, не согласился с его тезисом о «сращивании монополий с государственным аппаратом» в современном капитализме и предложил другую, более жесткую формулу — «подчинение государственного аппарата монополиям». Он мотивировал это тем, что современное буржуазное государство западных стран осуществляет сильное регулирование рынка и проводит ряд мер по социальной защите трудящихся, оставаясь все же органом классового господства крупного финансового капитала. Этот вывод полностью подтверждается практикой сегодняшней России, правительством которой, не смея на словах и в некотором отношении на деле отказываться от социальной поддержки практически не защищенных от ударов рынка слоев населения и принимая различные программы повышения уровня и улучшения качества его жизни, всякий раз реализует их с выгодой для олигархического капитала. Идеологи этого капитала, рядясь в тогу умиротворителей, уговаривают во имя спасения своих хозяев «поделиться» награбленным бывшим общенародным богатством и результатами его использования, если, мол, они не хотят довести обострение противоречий накопления капитала до той черты, которую прогнозировал Карл Маркс...

всего от цен на нефть. На внешних рынках продукции обрабатывающей промышленности, а также практически и сельского хозяйства Россия неконкурентоспособна, да и собственные потребности, даже в продовольствии, она не может удовлетворить за счет собственного производства. Вместе с тем в меру своих возможностей она пытается не отставать от лидеров глобализационного процесса прорывами своих транснациональных корпораций, таких как «Газпром», «Роснефть», «Лукойл», «Русал», «Северсталь», «Росатом» и др. Тем самым Россия пытается осваивать особенности новейшего этапа монополистического капитализма в период его общего кризиса, входя в сферу его специфических противоречий, в том числе на почве территориальных притязаний. Как известно, экономический раздел мира отражает неравномерность экономического развития стран, что приводит к *территориальному переделу*, к пересмотру существующих границ. Общий кризис породил новую форму этого признака империализма. Распад колониальной системы, принеший потерю ведущими странами используемых и потенциальных природных ресурсов, прежде всего энергетических, вызвал перманентный энергетический кризис, крайне обострил борьбу за контроль над странами «третьего мира» — обладателями этих естественных богатств. Разумеется, изучение экономических, политических, социально-идеологических, межнациональных противоречий общего кризиса капитализма имеет практическое и теоретическое значение для принятия решений в экономической политике по текущим проблемам и для долгосрочной перспективы развития страны. Этим определяется и *актуальность общетеоретической, политэкономической разработки комплексной проблемы общего кризиса капитализма и особенностей его проявления в современной России, находящейся уже четверть века в специфическом перманентном состоянии трансформационного кризиса, порожденного переходом от системы советского социализма к рыночно-капиталистической системе.*

2. Еще раз о причине периодических экономических кризисов капиталистического воспроизводства

Речь идет о кризисах перепроизводства товаров как фазе капиталистического промышленного цикла, рассмотренного в последней главе этой книги. В конкретном анализе каждого такого кризиса можно обнаружить, и действительно, некоторые исследователи находят не один, а ряд факторов, оказавших влияние на предпосылки, возникновение и течение данного кризиса. При таком подходе логично делается вывод о плюрализме причин данного явления вообще. Остается в стороне вопрос о «природе» (сущности) этого типа кризисов, выяснение которой только и позволяет понять и выделить *главную причину* из всего многообразия причинно-следственных связей данного повторяющегося явления. В одной из предыдущих наших книг из серии «Капитал» и эко-

номикс», в выпуске 5 (2012. С. 182–185), была высказана точка зрения по данной проблеме и, в частности, выражено отношение к различным несовпадающим позициям ряда советских учебников по марксистской политической экономии капитализма относительно *форм проявления основного противоречия капитализма*, которое всеми учебниками и научными трудами солидарно признавалось главной причиной указанных кризисов. Та же позиция выражена и в учебном пособии «Общая экономическая теория» кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, вышедшем в 2010 г.¹ Конечно, экономисты, отказавшиеся от марксистской теории, не приемлют и ее апелляцию к корневой причине периодических кризисов. В этом вопросе они больше склоняются к позиции никогда не симпатизировавшего марксизму Й. Шумпетера, который в своем крупном посмертно изданном труде, детально анализируя взгляд К. Маркса на причину циклических кризисов, вообще «не заметил» указание на основное противоречие капитализма². Другие российские теоретики, формально не отошедшие от методологии и теории марксизма, осторожно указывают на «определенный недостаток» советской политической экономии, продолжавшей традицию русской экономической мысли дореволюционного периода, допускавшей «относительно упрощенный классовый подход к объяснению причин кризисов с чрезмерным акцентом на основное противоречие капитализма... Маркс причину кризиса связывал с падением прибыли всего действующего капитала»³. Замена основного противоречия законом тенденции падения средней нормы прибыли, перенакоплением капитала со ссылкой на Маркса идет от упомянутого Й. Шумпетера⁴. Это мнение уже получило поддержку и у ряда других авторов.

Поскольку проблема кризисов остается актуальной в новом столетии, а российская экономика втянулась в сферу накатывающихся на нее периодически кризисных волн, в экономической теории за рубежом и в России усилился интерес к ренессансу традиций классической политической экономии, к интерпретации, в частности, взгляда Маркса на причину экономических кризисов в капиталистической экономике. Как известно, Маркс подходил к этой проблеме с разных сторон, не успев дать специального целостного представления о механизме развертывания кризиса перепроизводства товаров на базе обострения основного противоречия, понимание которого вытекало из открытого им взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

¹ Общая экономическая теория. Вводный курс / Под ред. А. А. Пороховского. — М.: Издательский дом «Кодекс», 2010. С. 264–266.

² Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3 т. Т. 2. — СПб., 2001. С. 904 и др.

³ См.: Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 57. Нам кажется, что, напротив, отсутствие акцента на основное противоречие капитализма в объяснении причин кризисов мешает понять их природу, а значит, и искать антикризисные меры.

⁴ Там же.

Но все изложение в «Капитале» подчинено идее раскрытия и движения экономической системы капитализма (капиталистического способа производства) как развертывания ее основного противоречия, начиная с ее «клеточки» в виде противоречия между общественным и частным трудом, воплощенным в товаре, и кончая противоречием между общественным характером процесса производства и частнокапиталистической собственностью на средства и результаты производства. Развитие этого противоречия на базе растущих производительных сил, реального обобществления производства определяет и эволюцию капиталистических производственных отношений, не поспевающую, однако, за материальной производственной техно-технологической и организационно-экономической основой. В целом, по Марксу, основное противоречие — мотор, источник исторического процесса перехода капитализма от одного этапа (стадии, фазы) к другому, вплоть до его высшей ступени, на которой происходит качественное, революционное, как прогнозировал Маркс в конце первого тома «Капитала», изменение, «сбрасывание» капиталистической «оболочки». Как показали история и последующие исследования марксистских теоретиков, капитализм на этой ступени приобрел характер монополистического, олигархического (В. И. Ленин) капитализма, вступил в состояние общего кризиса и вместе с тем вызвал и развернул глобальные, транснациональные интеграционные процессы в современной мировой экономике. Но основное противоречие является не только движущей пружиной специфической исторической социально-экономической системы и причиной его теоретически предполагаемой исторической ограниченности и обреченности. Оно, обостряясь периодически, накапливая свои «приросты» с обеих сторон, приводит к чрезмерному несоответствию спроса и предложения товаров, обострению противоречия между производством и их потреблением, в силу чего резко сокращается производство продукции и занятости в нем наемных работников. Возникает состояние *перепроизводства товаров двух видов — вещей и рабочей силы*, вызывающее спад и сокращение производства, падение средней нормы прибыли, безработицу. Это и есть кризис как фаза промышленного цикла — периодически повторяющийся феномен, результат, внешнее выражение основного противоречия капитализма.

Ф. Энгельс, который резюмировал разработанное Марксом представление и дал элементарную, понятную для всех формулу основного противоречия капиталистического способа производства, каким оно возникает в исходных, изначальных исторически и логически основах последнего в отличие от мелкого товарного производства в средневековом обществе, сформулировал и *две главные формы проявления основного противоречия*. Это: 1) противоположность интересов наемного труда и капитала и 2) противоречие между растущим обобществлением производства, его концентрацией сначала в форме плановой организации

производства внутри предприятий, затем корпораций и сохраняющейся частной собственностью, анархией, стихийностью формирования пропорций в народном хозяйстве¹. За первой формой скрывается *основное производственное отношение капитализма как отношение наемного труда и капитала, с которым непосредственно связаны производство и закон прибавочной стоимости — основной экономический закон капитализма*. Ему, максимизации прибыли подчинены развитие производительных сил, техно-технологический прогресс, рост квалификации работников — главной производительной силы общества, безудержное накопление капитала в интересах обогащения его собственников, порождающего глубокое социальное неравенство, растущий разрыв в уровне доходов членов общества, а значит, и в уровне и качестве их жизни. Рост производства товаров приходит в противоречие с ограниченным спросом не только на потребительские товары, но и на товары для производственного применения, поскольку производство упирается в барьер упавшего спроса. В результате второго противоречия возникает диспропорциональность в экономике, она влечет обострение противоречия между производством и потреблением в форме того же перепроизводства товаров, «затоваривания», т.е. очередного циклического кризиса капиталистического воспроизводства, характеризующегося, как уже сказано, двоякого рода перепроизводством: товаров-вещей и товара — рабочая сила (массовой безработицей). В третьем томе «Капитале» Маркса показаны и другие проявления основного противоречия капиталистического производства. Так, развитие производительных сил с целью максимизации прибыли, выражающееся в росте технического и органического строения капитала, сопровождается *тенденцией средней нормы прибыли к понижению*, свидетельствующей об объективном векторе движения капитализма как системы к своей исторической границе. О том же свидетельствует появление таких «переходных форм», как акционерные общества и кооперативные предприятия работников, указывающих на спонтанный процесс как на «...упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое prima facie представляется простым переходным пунктом к новой форме производства»². О другой грани этого же исторического маршрута пишет там же в «Анти-Дюринге» Энгельс, указывая на переход крупного производства в собственность акционерных компаний, позже — трестов, а затем и государства: «Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими». И разве идея Т. Веблена —

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — М.: ОГИЗ, 1948. С. 268, 269. Следует напомнить, что Маркс не только был знаком с этой книгой (1878), но и принял участие в ней как автор главы.

² Маркс К. Капитал. — М: Издательство политической литературы, 1985. Т. 3. С. 481.

отца «институционализма» о превращении капиталистов-собственников в «праздный класс» не отражает тот же процесс? В том же направлении мыслит и немарксист Й. Шумпетер, когда он говорит об уходе капитализма с исторической сцены, поскольку индивидуальный капиталист — «новатор» уступает место корпорациям.

Сущность исторической эволюции состоит в том, что производительные силы указывают на будущую смену капиталистической системы другой системой — обществом «ассоциированных производителей», и циклические кризисы капиталистического воспроизводства периодически напоминают об этом и вместе с тем вынуждают собственников капитала обновлять производство и организацию управления им.

Как сказано выше, в советских учебниках по политической экономии капитализма, определявших однозначно основное противоречие капиталистического производства как главную причину, основу циклических кризисов, имелись все же различия в понимании и описании *форм проявления* этого противоречия и даже несовпадения с тем, как о них писал Ф. Энгельс. Приведем фрагмент из книги «Капитал» и экономикс. Выпуск 5». (М.: ТЕИС. С. 182–184):

«Так, во всех четырех изданиях учебника «Политическая экономия» (К. В. Островитянов и др.) первым называется противоречие «между организацией производства в рамках отдельного предприятия и анархией производства во всем обществе» (у Энгельса — вторая форма), ведущее к нарушению пропорциональности в воспроизводстве; далее называется противоречие между ростом производства во имя прибыли и узкими рамками потребления трудящихся; наконец, «классовый антагонизм между и пролетариатом и буржуазией» (у Энгельса — первая форма проявления основного противоречия). В «Курсе политической экономии» под ред. Н. А. Цаголова во всех трех изданиях вначале упоминается противоречие «между производством и потреблением», затем речь идет о «диспропорциональности»; вопрос же о противоречии между наемным трудом и капиталом в перечне форм проявления основного противоречия не выделен. В учебнике «Политическая экономия» (рук. авт. колл. А. М. Румянцев) во всех изданиях воспроизводится схема первого учебника (К. В. Островитянов) с добавлением в качестве отдельной формы проявления основного противоречия — «противоречия между целью капиталистического производства и развитием производительных сил» — до «противоречия между пролетариатом и буржуазией». Думается, такое «место» последнего противоречия в ряду других и даже исключение его из этого ряда форм проявления основного противоречия (как отмечено выше) вряд ли правомерно по существу, ибо с точки зрения марксистской политической экономии за этой социально-политической формулой скрывается *основное производственное отношение капитализма как отношение наемного труда и капитала, с которым непосредственно связаны производство и закон прибавочной стоимости — основной экономический закон капитализма*. Полагаю, что Ф. Энгельс с полным основанием интерпретировал это противоречие как логически первое в ряду других. В этом отношении более убедительна позиция учебни-

ка «Политическая экономия для высших учебных заведений» (рук. авт. колл. В. А. Медведев. М., 1988), где «конфликт между трудом и капиталом» трактуется как первое проявление основного противоречия капитализма. Что касается противоречия между «производством и потреблением», то, как показывает анализ, нет методологических оснований его рассматривать как форму проявления основного противоречия конкретно-исторического способа производства (экономической системы), ибо взаимосвязь, соотношение (пропорция) и противоречие производства и потребления имеют общеэкономический (общеисторический) характер воспроизводства *вообще*, а их специфические формы в каждой исторической системе определяются ее специфическими отношениями, законами, формами и результатами их действия. В этом смысле циклический кризис капиталистического воспроизводства (и вызвавшие его формы проявления специфического основного противоречия) определяет характер взаимодействия производства и потребления при капитализме, *а не наоборот*. Кризис и *есть* (повторимся) устойчивый разрыв связи между ними. То же можно сказать и по поводу «пропорциональности» и «диспропорциональности». Общеэкономический закон разделения труда в обществе требует обеспечения необходимых пропорций в распределении средств производства и труда между отраслями общественного производства, в том числе и капиталистического производства, причем с многократно возросшей и растущей необходимостью, поскольку производство приобрело общественный характер. Но способ реализации этой необходимости зависит, во-первых, от специфики рыночного механизма: пропорциональность достигается «через диспропорциональность»; во-вторых, от специфики капиталистического характера этого механизма: пропорциональность обеспечивается благодаря кризису, насильственно восстанавливающему равновесие между производством и потреблением — производительным и личным как моментом самого состояния пропорциональности. Устойчивое состояние диспропорциональности, обусловленное основным противоречием капитализма, его проявлениями в форме противоречия между наемным трудом и капиталом, а также в форме противоречия между растущими элементами плановости в корпорациях, в отношениях между ними, в сфере государственного регулирования экономики, с одной стороны, и сохраняющейся анархией в общественном производстве в целом — с другой, и есть циклический кризис».

Как видно из вышеизложенного, исключение или приуменьшение роли противоречия между трудом и капиталом в ряду форм, связывающих основное противоречие капитализма с периодическими экономическими кризисами, является главным элементом критических подходов к анализу объяснения их причины в марксистской литературе. Представляется, что здесь мы имеем дело с фактом непонимания сложностей связи между сущностью и явлением, когда эта связь опосредована промежуточными формами, выступающими непосредственными факторами («причинами») конечного явления. Среди таких промежуточных причин отношение труда и капитала является главным, с одной стороны, в выражении основного противоречия, с другой — в смысле выхода на от-

ношение между производством и потреблением — производительным и личным в рыночной экономике.

3. Импортозамещение и новая индустриализация

В течение двух месяцев после сдачи рукописи нашей монографии в информационно-издательский отдел экономического факультета динамика российской экономики продолжала показывать нарастание последней кризисной волны, обозначившейся в 2012 г. По сообщению Росстата, если снижение ВВП в I квартале 2015 г. составляло 2,2%, то во II квартале ВВП сократился уже на 4,6% по сравнению с аналогичным периодом 2014 г.¹ Ускорение спада увеличилось таким образом более чем вдвое. В целом за первую половину 2015 г. ВВП упал на 3,4%. Такую динамику нельзя, конечно, признать «замедлением» темпов роста и даже «застоем»: здесь налицо самый настоящий кризис со всеми его проявлениями и последствиями. Если политиков вряд ли имеет смысл упрекать за аморальность их высказываний и поведения, то к членам научного сообщества можно предъявить требование придерживаться в своих оценках определенных этических принципов. В данном случае имеется в виду дружный хор либеральных экономистов периода перестройки и 1990-х гг., в котором громко, долго и с осуждением звучал мотив «застоя» советской экономики, хотя все последнее десятилетие существования СССР не было ни одного года (вплоть до 1990 г.), который бы «отличился» минусовым показателем роста совокупного общественного продукта и национального дохода. Теперь, на фоне «достижений» «суверенной» российской экономики, представителям названной группы экономистов следовало бы по кодексу чести или отказаться от своей прежней оценки экономического роста в СССР 1990-х гг., или признать застойно-кризисное состояние современной российской экономики. Но они не хотят отказаться вслух от своих недавних оценок состояния советской плановой экономики, ибо это означало бы де-факто признание банкротства модели рыночной экономики, адептами и борцами за переход к которой они являлись. Они стали, как отмечается в нашей книге, на другой путь. Часть из них, понимая, что российская рыночная модель создана благодаря их стараниям при консультации зарубежных сторонников Вашингтонского консенсуса, стремятся указать на внешние причины российской кризисной ситуации — экономические санкции со стороны США, Евросоюза, Японии и других стран-сателлитов в ответ на активную внешнеполитическую деятельность российского руководства в последние пять-шесть лет. Другая группа из того же идеологического клана настаивает, напротив, на признании приоритета внутренних причин, связанных с самой нынешней моделью российской экономики, которая, по их мнению,

¹ Ведомости. 2015. 11 августа. С. 4.

осуществляется благодаря экономической политике государства с отступлениями от исходных принципов либеральной рыночной экономики, и призывает вернуться к этим принципам. Речь, стало быть, идет о замене не рыночной модели экономики, а ее якобы искаженной формы, сложившейся в России в новом веке. Правительство, вначале выступившее в лице премьера за смену «исчерпавшей себя» экономической системы, в последнее время стало лавировать между двумя флангами либерального направления в понимании причин кризиса и путей выхода из него¹. Такая линия поведения сказалась и на отношении к проблеме *импортозамещения*.

После введения зарубежных экономических санкций необходимость импортозамещения оказалась очевидной настоятельной проблемой номер один. О ней говорят на всех уровнях власти и управления российской экономикой, во всех средствах массовой информации. Обсуждаются вопросы как и когда налаживать собственное производство самого широкого ассортимента продукции, которая должна обеспечить производственные и непроизводственные потребности, иначе говоря, свое самостоятельное воспроизводство. Такая проблема существовала и решалась в СССР, получившем отсталое народное хозяйство дооктябрьской России и проводившем его *индустриализацию*, заменяя ручной труд путем создания крупного машинного производства как материально-техническую базу всех отраслей, включая и земледелие. Был постепенно создан комплекс новых отраслей, модернизированы старые отрасли, сформированы межотраслевые и межрегиональные связи, обеспечивавшие в основном единый процесс общественного воспроизводства на территории всей страны в материальном смысле, регулируемый системой централизованного планового управления народным хозяйством и хозяйственным механизмом функционирования предприятий и объединений. Не все потребности удовлетворялись собственным производством. Часть из них покрывалась импортом, но необходимость замещения его отечественным производством не возникала, понятно, в случае внешне-торговых отношений и прямой производственной кооперации со странами в рамках интеграции СЭВа (Совета экономической взаимопомощи). Однако импорт из индустриально развитых стран Запада и Японии как высокотехнологичных средств производства, так и потребительских благ объективно выдвигал перед страной проблему организации импортозамещения и тем самым освобождения от данной импортозависимости,

¹ Как сообщается в «Российской газете», премьер-министр, поздравляя работников нефтегазовой промышленности с их профессиональным праздником, «подчеркнул, что отечественный нефтегазовый комплекс остается основой экономики страны, формируя почти четверть валового внутреннего продукта и две трети экспортных доходов федерального бюджета, обеспечивая энергоресурсами другие отрасли и создавая спрос на высокотехнологическое оборудование. А главное — отрасль надежно снабжает Россию светом и теплом» (Российская газета. 2015. 4 сентября (№198). С. 3).

потенциально угрожавшей национальной экономической и оборонной безопасности. С распадом СССР импортозависимость России резко возросла в силу, во-первых, превращения союзных республик в самостоятельные государства и их участия в экономических связях с российскими предприятиями во внешнеторговые экспортно-импортные отношения на основе принципов международной торговли. Во-вторых, реставрация капитализма в России и связанный с этим приватизационный процесс привели к спаду и даже фактическому разрушению многих производств, особенно в обрабатывающей промышленности — не только в машиностроении, но и в легкой промышленности, что открыто поставило вопрос об ориентации на импорт недостающей для потребления продукции. Теперь же благодаря экономическим «санкциям» Россия, не занимавшаяся 25 лет восстановлением и развитием своей экономики, надеясь на доходы от сырьевого производства и на стабильность высоких мировых цен на его продукты, ухватилась за «спасательный круг» — экстренную организацию импортозамещающего производства. Обращает на себя внимание то, с какой легкостью и радужным оптимизмом отнеслись к этому высшие (и около них) творцы экономической политики государства. Создавалось впечатление, что у России есть «здесь и сейчас» все возможности чуть ли не немедленно заменить закрытый импорт своими ресурсами и усилиями, причем в полном объеме, а то и с лихвой. Нет ни точных поручений соответствующим организациям немедленно сделать необходимые расчеты, чем располагают регионы, отрасли народного хозяйства, виды экономической деятельности в тех областях, на которые нацелены запретительные санкции, ни ответов на вопросы, какая запрещаемая импортируемая продукция не может вообще в среднесрочной и ближайшей перспективе быть замещена, какие необходимо разработать долгосрочные проекты, какие другие страны могут «выручить» Россию немедленно по тем позициям, которые она не может реализовать, и т.д. Только самоуверенные декларации, заявления о намерениях и успокаивающие население обещания. Однако постепенно стали появляться высказывания, что вовсе не нужно идти на импортозамещение запрещенных продуктов путем создания собственного производства, нужен-де более легкий путь — найти другого импортера (!). Выходит: не нужен разрыв с импортозависимостью даже в тех случаях, когда имеются ресурсы для того, чтобы открыть свое новое производство или реорганизовать некоторые прежние предприятия, а достаточна консервация прежней модели, ее структуры. Иначе говоря, опять сохраняется прежний курс сырьевой ориентации. Оказывается, по мнению верхов, их консультантов и олигархической компании, *время подождет*, спешить некуда, природные богатства России неисчерпаемы. Тема импортозамещения спускается таким образом на тормозах. Происходит нечто подобное тому, что произошло с ушедшей в тень темой «*модернизация*». Само это понятие, как и его предшественник — понятие «*иннова-*

ция» («инновационная экономика»), постепенно выпадает из ежедневной риторики руководства страны и средств массовой информации. Однако за этими понятиями скрывается научный и практический смысл, непосредственная связь с проблемами *импортозамещения* и ожидаемой *новой индустриализации*.

Импортозамещение — это не вопрос и не категория абстрактной теории общественного, общенационального воспроизводства, в которой решается проблема нахождения условий, при которых возможна полная реализация совокупного национального продукта (СОП, ВНП или ВВП) без остатка внутри данной системы. Этому, например, посвящены, как известно, Марковские схемы простого и расширенного воспроизводства совокупного общественного продукта («Воспроизводство всего общественного капитала») во втором томе «Капитала», не включающие проблему внешней торговли. Предполагается, что процесс воспроизводства в макроэкономическом общественном масштабе осуществляется в полной мере в рамках данной страны. Другое дело — межотраслевой баланс, который разрабатывается по факту состоявшихся реальных потоков продукции в процессе обмена между отраслями в определенном году. В нем для полной картины должны учитываться и внешнеторговые связи, импорт и экспорт. Импортозамещение, как и внешняя торговля, тоже вопрос конкретно-исторический, специфический для конкретной национальной экономики той или иной страны. И для современной России он не может не учитывать сегодняшнюю отраслевую и территориальную структуру ее экономики, используемые и потенциальные ресурсы, целевые установки в режиме конкретного времени — настоящего и прогнозируемого. Такой схемы и плана реализации импортозамещения с научным экономическим обоснованием в настоящее время в России еще нет. Судя по СМИ, таких официальных документов нет и в регионах — субъектах Федерации. Возможно, такого рода утвержденные разработки целесообразны и для федеральных округов, внутри которых могут быть организованы и находиться под контролем внутриокружные межобластные обмены и межокружные связи, работающие на импортозамещение.

Вообще же нельзя не учитывать важную особенность регионального воспроизводства, состоящую в том, что в отличие от национального воспроизводства (и, следовательно, проблемы импортозамещения в общенациональном масштабе) оно нуждается в значительно более широком ассортименте (наименованиях) импортируемых продуктов по потребительской стоимости (в натуральном выражении). Самостоятельное воспроизводство, обеспечение личных и производственных потребностей своих потребителей оно может обеспечить в идеале только по стоимости, а не по потребительской стоимости, что исключает возможность построения схем регионального воспроизводства с полной реализацией в рамках региона валового регионального продукта и с полным обеспечением за его счет внутрирегиональных потребностей.

Проблема импортозамещения органично связана с необходимостью осуществления в сегодняшней России новой индустриализации. Идея неоиндустриализации приобрела в настоящее время как бы второе дыхание. Именно 2013–2014 гг. дают вспышку выступлений в печати и на различных форумах на эту тему, связывая ее с необходимостью перехода к новой, несрыбевой модели экономики. Не обошли ее и на Московском экономическом форуме в марте 2015 г. Нельзя не отметить два научных мероприятия, состоявшихся в 2014 г. 5 июня на заседании Научного совета МГУ по разработке современной экономической теории и российской модели социально-экономического развития обсуждался доклад проф. С. Д. Бодрунова (Санкт-Петербург, директор Института *нового индустриального развития*) «Российская экономическая система: будущее высокотехнологического материального производства», в котором в качестве центральной была представлена проблема *реиндустриализации*. До этого в 2013 г. и вторым изданием в 2015 г. вышла его монография «Формирование стратегии реиндустриального развития России». В МГУ эта проблема также затрагивалась на международных конференциях, посвященных 210-летию кафедры политической экономии в ноябре 2014 г. и состоявшейся в честь юбилея М. В. Ломоносова в январе 2015 г. «Первое же дыхание» идеи неоиндустриализации обозначилось уже в связи с кризисом 2008–2010 гг. в публикациях журнала «Экономист» (см., например, статью С. С. Губанова «Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция», № 9, 2008). Вообще же эта идея стала, по сути, положительной реакцией в научных экономических кругах на очевидный факт «*деиндустриализации*» и «*деинтеграции*» российской экономики в первой половине 1990-х гг., став ингредиентом своего рода парадигмы понимания так называемой «новой экономики», вокруг определения которой развернулась дискуссия уже в начале 2000-х гг.

По мнению многих, в том числе и авторов данной книги, этот процесс пока не вышел за исторические пределы эпохи «индустриального развития», развивается в основном на базе техники и технологий машинного производства (а это и есть главный признак индустриальной экономики), характеризуя «новую экономику» со всеми ее частными определениями как именно *его* новый этап. Машинное производство еще далеко не решило в мировом масштабе и конкретно в России проблему вытеснения из производства примитивного и тяжелого ручного труда, особенно в сельском хозяйстве, где его доля еще в 1980-х гг., по расчетам известных исследователей, доходила до 75%. Капитализм как определенный общественно-экономический строй еще не выполнил, если рассматривать вопрос в общемировом плане, предначертанной ему исторической миссии, не подвел во всех странах машинную материально-техническую базу под все отрасли экономики, включая сельское хозяйство. Советская индустриализация в определенной мере решала эту проблему, но полностью она не была решена. Нет оснований судить об уровне «постин-

дустриального» развития страны по таким «вторичным» показателям, как возрастание доли услуг в ВВП, доли ассигнований на социальную сферу из государственного бюджета и т.д. Такие показатели могут отражать как высокий, так и низкий уровень развития страны. На «первичные» показатели должен выводить анализ *коренных сдвигов в отношении людей к природе, т.е. в материальном производстве и в характере труда, занятого в нем*. Именно в этой сфере первоисточник жизни человеческого общества, там идет переработка веществ природы в полезную для потребления форму, в потребительную стоимость, адекватную потребностям людей, общества. Здесь в орудиях, средствах труда и технологиях — главный пункт качественных изменений в производительных силах, образующих материально-технический базис общества и вызывающих соответствующие перемены в экономических и институциональных отношениях. Глубокие перевороты в этой сфере имеют, видимо, ранг революций как в производительных силах, так и в общественно-экономическом строе. Промышленная революция конца XVIII — XIX в. заключалась в переходе от ремесленного ручного инструмента к рабочей машине. Вместе с тем это был переход от эпохи аграрной к эпохе индустриальной экономики и утверждение нового пришедшего на смену феодальной экономике капиталистического способа производства. Перемены в способе производства могут быть и частичными, имеющими «ранг» стадии, этапа в его эволюции. Таков, очевидно, характер минувшего с середины прошлого века «отрезка» пока не завершенной современной НТР. Главным орудием труда остается, хотя и усовершенствованная, рабочая машина, перерабатывающая природный и сырой материал. И это дает конечное основание для социально-философского объяснения факта сохранения капиталистической формации на Земле: капитализм как общественно-экономическая система адекватен в конечном счете индустриальной материально-технической базе производства. Это и глубинная причина (с той же социально-философской точки зрения) трагедии, которой завершился первый опыт организации социалистического общества в СССР...

Исследование новых, «инновационных» процессов не должно отрываться от реалий, а именно от того, что, во-первых, современная экономика — тем более российская экономика — продолжает оставаться преимущественно индустриальной (а в некоторой части даже доиндустриальной), а во-вторых, именно индустриальный базис является фундаментальной материальной основой современного развития «постиндустриальных» процессов, таких, например, пионерных инноваций, как новейшие информационные системы, биотехнологии и нанотехнологии, создание которых правительство России было намерено осуществить к 2020 г. («Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», утверждена решением правительства от 8 декабря 2011 г.).

Переход России к новому ближайшему неоиндустриальному этапу экономического развития предполагает, конечно, учет высших мировых достижений научно-технического прогресса в соединении с национальной конкретно-исторической спецификой страны, ее экономики и особенностями ее современных проблем. Первая проблема состоит в том, что курс на модернизацию российской экономики провозглашен после 15–17-летнего перерыва в инновационном процессе. Поэтому ориентирами новой индустриализации, осуществляемой посредством инновационной модернизации, должны объективно служить новейшие результаты, которые получены мировой наукой и техникой за прошедшие годы, «перешагивая» промежуточные ступени. *Другая проблема* состоит в том, что перед государственной инвестиционно-инновационной политикой стоит *задача полного завершения «восстановительного» периода, компенсации огромных потерь, понесенных в годы перестройки и особенно реформ 1990-х гг., в результате тяжелейшего трансформационного кризиса 1990-х гг., приведшего к невиданному до сих пор спаду производства, гибели многих крупнейших предприятий, упадку целых отраслей промышленности и сельского хозяйства, к снижению жизненного уровня огромной части населения.* До сих пор последствия этого кризиса не преодолены. В его рамках последний кризисный всплеск в 2015 г., по данным Госстата, произошло дальнейшее падение всего промышленного производства на 3,4%, а ВВП на 3,7%¹ по сравнению с уже кризисным 2014 г. Необходимы срочные и фундаментальные меры против растущих демографических угроз, катастрофического сокращения населения Дальнего Востока и Сибири. *Третья проблема* неоиндустриализации — *преодоление односторонней сырьевой ориентации экономики*, что требует быстрого восстановления и дальнейшего роста прежде всего обрабатывающей промышленности, а он продолжает сокращаться, по тем же данным, 5,4% в 2015 г.²

Исходя из этого, думается, что в концепцию социально-экономического развития России не только на ближайшую, но и на более дальнюю перспективу объективно должно быть включено решение всех этих проблем в *триединстве* их взаимосвязи.

4. К социально ориентированной рыночной экономике

Как обосновывается в нашей книге, переход многих стран мира — как «индустриально развитых», так и «развивающихся к рынку» — к различным моделям социально ориентированной экономики, несмотря на возможные декларации, не означает проведения ими политики отказа от системы методов капиталистического хозяйствования и непосредственного продвижения к социализму как национальному проекту

¹ Парламентская газета № 12 (2734) 1–7 апреля 2016 года, с. 19.

² Российская газета. 2015. 2 сентября (№ 1954 (6766)).

нового общественно-экономического строя. Однако Россия не входит в их число, ограничившись записью в Конституции РФ (ст. 7): «Российская Федерация — социальное государство», но проекция этой формулы на экономику в виде адекватной записи не сделана и не применяется в официальных документах экономического и политического характера. В той же статье указан ряд важных «гарантий» государства по «социальной защите» населения, которые, конечно, входят в механизм и соответственно в понятие социальной ориентации экономики. Но подобные меры защиты капитализм в той или иной мере принимает уже с XIX в. (например, в Англии законы о продолжительности рабочего дня, женском и детском труде, пенсиях и различных пособиях, частичном бесплатном образовании и здравоохранении и др.), и они не дают оснований не только для характеристики экономики как социально ориентированной, но и определения государства как социального. Другое дело, когда государство полностью берет на себя организацию, регулирование и обеспечение образования и здравоохранения (например, Швеция), контроль за потребительскими ценами (например, Австрия), вводит прогрессивную систему налогообложения и не допускает глубокого разрыва в доходах между крайними децильными группами населения (многие страны разных континентов), высокие зарплаты и пенсии наемным работникам и т.д. Нынешняя Россия в реальном аспекте далеко отстает в этом отношении, копируя индивидуалистическую модель высокоразвитых США: ориентация на самообеспечение, а не на государственную «опеку». Государство в лице правительства в кризисные годы не блокирует, а скорее содействует *абсолютному обнищанию* своих граждан, живущих за счет трудового дохода, когда оно при растущей инфляции замораживает заработную плату и допускает сокращение «лишних работников», отправляя их в армию безработных. К социальной защите населения, что очевидно для России, надо отнести также правовое обеспечение *социальной справедливости* в обществе, физической и *социальной безопасности* личности и ее семьи.

Но социально ориентированная рыночная экономика — это, как отмечается в нашей книге, еще не социализм и, добавим, не ограниченная, на наш взгляд, кругом государственных мер система в области частичной, что имеет место в России, социальной защиты членов общества от угрожающих их благополучию массовых явлений социальной несправедливости и посягательств на их имущество, жилище и самую жизнь. Социально ориентированная рыночная экономика предполагает более широкий спектр функций государства в роли *регулятора национальной смешанной экономики*, встроенного наряду с рыночными регуляторами в механизм ее функционирования. Можно, по нашему мнению, назвать по крайней мере три из них, определяющих специфику данной модели. *Во-первых*, регулирование структуры отношений *собственности* на национальное богатство, прежде всего на произведенные и природные ресурсы, включение

в объекты государственной собственности ключевых отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, центрального банка страны, медицинских и образовательных организаций и контроль деятельности крупных частных корпораций и учреждений, представляющих интересы олигархического финансового капитала в этих сферах. *Во-вторых*, осуществление координации отраслевой и региональной деятельности в едином народно-хозяйственном комплексе страны путем создания системы стратегического адресного планирования, включающего прогнозирование, программирование и собственно планирование генеральных процессов развития национальной экономики в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе, т.е. реализацию не действующего пока Федерального закона, принятого в июле 2014 г. *В-третьих*, определение и законодательное утверждение парламентом — Федеральным собранием и президентом *целевых* установок социально-экономического развития страны, вменение их в конкретные решения, обязательные для исполнения субъектами хозяйствования, экономической политики, *реализуемой и контролируемой* правительством и соответствующими государственными институтами в области планирования, организации науки и технического прогресса, роста благосостояния населения и оборонной безопасности страны.

Ни одна из нынешних российских парламентских партий формально не выдвигает задачу перехода России к социально ориентированной рыночной экономике, хотя они предлагают и борются за проекты, включающие отдельные моменты этой модели. Можно предположить мотивы ее непринятия. «Единая Россия» как партия парламентского большинства, руководствуясь идеологией «неонеолиберализма», опасается, что указанная система ориентирует на переход к социализму. По сути, тот же мотив в позиции ЛДПР. КПРФ, напротив, придерживается программы перехода к социализму. Однако (учитывая реальное состояние сегодняшней России) курс на социально ориентированную экономику мог бы войти в ее «программу-минимум» как ближайшая непосредственная задача в рамках рыночно-капиталистической системы в отличие от ее же программы-максимум, ориентирующей на непосредственный переход к социализму (и далее к коммунизму как более высокой фазе развития). Фактически речь идет о воспроизведении формата структуры программы РСДРП, принятой с участием Г. В. Плеханова и В. И. Ленина в 1903 г. Кроме того, В. И. Ленин, как известно, еще до Октябрьской революции, в сентябре 1917 г., в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» выступил с предложениями Временному правительству, в которых рекомендовал принять ряд принципиальных мер по выходу пока еще капиталистической России из тяжелейшего кризиса, подчеркивая при этом, что данные меры не означают непосредственного перехода к социализму. В 1935 г. VII конгресс Коминтерна рекомендовал коммунистам зарубежных партий в условиях назревающих фашистских

угроз возможное образование правительства единого антифашистского фронта «до советской революции». После Второй мировой войны коммунистические партии ряда капиталистических стран входили в состав их правительств и содействовали принятию законов, поддерживающих «социализацию» капиталистической экономики. Российская партия «Социальной справедливости» формально тоже выступает за переход к социализму, но понимает его фактически как общество на базе рыночно-капиталистической экономики, в которой, как и в обществе в целом, государство с помощью своих законов и политики борется с олигархами и обеспечивает «социальную справедливость». Получается так, что социально ориентированная рыночная экономика и есть социалистическая экономика, социализм. В отличие от этой версии социализма, китайская компартия, как отмечается в нашей книге, под «социалистической рыночной экономикой» понимает лишь начальную ступень переходного периода к социализму.

5. Искажение фундаментальных понятий политической экономии

В связи с вышеизложенным нельзя пройти мимо ряда моментов ревизионистского «реформирования» политической экономии некоторыми формальными сторонниками марксистской экономической теории и социализма.

В частности, весьма распространенным стало методологически ошибочное смешение понятий экономического строя переходного периода к социализму и сложившейся (теоретически) целостной системы, завершившей переходный период. Из того же круга обществоведов, в том числе экономистов, идут призывы к созданию не только новой теории социализма, но и новой, немарксистской теории капитализма. Их авторы подталкивают к отказу от фундаментальных категорий трудовой стоимости и прибавочной стоимости, а значит, и от признания противоречия между трудом и капиталом. В экономическую теорию современного капитализма и даже в «обновленную» экономическую теорию социализма вводятся такие искажающие суть капитала понятия, как «человеческий капитал», «социальный капитал», «культурный капитал», «интеллектуальный капитал». Сознательно или бессознательно этими понятиями прокламируется якобы гуманистическая сущность современного капитала.

Казалось бы, элементарная логика подсказывает необходимость *общего родового определения капитала*, поскольку это понятие встречается во многих словосочетаниях с различными прилагательными. Но такого определения мы не найдем ни в современных научных трудах, ни в учебниках «Экономикс». Вместо общей характеристики капитала предлагаются описания особенностей его форм, типов, частей, например: веще-

ственный (физический) капитал, финансовый (денежный) капитал, человеческий капитал, капитальный запас, основной и оборотный капитал и т.д. Это все равно, что говорить о различиях яблок, груш, абрикосов и других фруктов, обходя их общее отличие от овощей. Или вместо общего определения капитала дается перечень элементов вещественного капитала или его элементов, например, «оборудование, дома, промышленные здания», с указанием на то, что они являются результатом инвестиций и приносят доходы¹. За такого рода поверхностными дефинициями стоят вопросы происхождения, характера, источника доходов и роста капитала, но они не обсуждаются и ответы на них не даются. То же можно сказать и в адрес современного открытия — «человеческого капитала», который подразумевает известную еще домарковским классикам политической экономии рабочую силу как товар, приобретающую при капитализме (К. Маркс) форму «переменного капитала». Такой подход представляет собой настоящую спекуляцию, превращая наемного рабочего в капиталиста, если он сам инвестирует свои средства в «самого себя, оплачивая образование и приобретение квалификации»². Теоретики неоклассического синтеза в восторге от открытия такой формы фетишизации отношений между наемным трудом и капиталом и не замечают того, что они фактически дезавуируют исходную для неоклассической теории «триединую формулу капитала» Ж. Б. Сэя, в которой капитал, земля и труд разделены как факторы производства, превращая рабочую силу в капитал не для капиталиста, а для самого работника. Но на такие «тонкости» представители неоклассики давно не обращают внимания, создавая вульгарную базу для так называемого «партнерства» между классами наемных работников и собственников капитала³. По сути, такого же рода и понятия «социального» и «культурного» капитала, внедряющие в сознание людей мифы об изменении природы капитала, о его мессианской нацеленности на обеспечение социальной справедливости и «культуртрегерство»⁴.

¹ См.: Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. — М.: Дело ЛТД, 1993. С. 303.

² «Человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию» (там же).

³ В книге «Человеческий капитал и образование» под ред. В. Н. Черковца, Е. Н. Жильцова, Р. Т. Зяблюк (М.: ТЕИС, 2009) понятие «человеческий капитал» интерпретируется как *превращенная форма* переменного капитала, далеко не однозначно трактуемая и воспринимаемая даже в западной экономической литературе.

⁴ Для иллюстрации небрежного и мифологического использования политэкономической категории «капитал» ниже приводится опубликованное в уважаемой популярной газете «Известия» за 4 августа 2015 г. сообщение о проекте «Перспектива», в котором даются критерии понятия «социальный капитал». «В документе отмечается, — сказано в публикации, — что социальный капитал определяется путем анализа трех составляющих: капитала доверия, социальных ценностей и норм, а также социальных сетей». Как же характеризуются эти три вида капитала? 1) «Капитал доверия» — «числом преступлений против личности, ко-

Такого рода переносы, как и другие проблемы, отмеченные выше, лишний раз подтверждают необходимость восстановления преподавания классической политической экономии в университетах страны и интенсивного исследования на основе ее методологии новых экономических отношений, возникших и развивающихся как в России, так и во всем мире.

личеством разводов, долей респондентов, утверждающих, что они доверяют окружающим»; 2) «капитал социальных ценностей и норм» — «процентом респондентов, утверждающих, что занимаются благотворительностью», «числом граждан, погибших в результате самоубийств», «количеством лиц, посещающих спортивные секции»; 3) «капитал социальных сетей» — «количеством общественных объединений, долей респондентов, считающих себя одиночками, числом активных пользователей соцсетей». Все эти показатели, конечно, представляют интерес для социологии и управления на региональном и общероссийском уровнях, но не относятся к политической экономии, равно как и понятие «капитал», применяемое в данном случае, вообще не экономическое, а перенесенное в сферу социологии. Думается, что такой перенос термина не только запутывает представления о капитале как о научном понятии, но и мешает в практических делах.